

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОЕКТОВ»

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

Материалы Второй Международной
научно-практической Интернет-конференции
1 апреля–15 июня 2009 г.

НОВОСИБИРСК 2009

ББК 66.3(0).5я431
О 285

Издается в соответствии с планом учебно-методической работы СибАГС

Рецензенты:

В. Н. Руденкин — доктор политических наук, профессор
(Уральский государственный университет им. А. М. Горького);

Р. Ш. Нуриддинов — доктор политических наук, профессор
(Сибирская академия государственной службы)

Под редакцией Л. В. Савинова

О 285 **Общество и этнополитика** : материалы Второй Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., 1 апреля – 15 июня 2009 г. / СибАГС ; под ред. Л. В. Савинова.— Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009.— 296 с.

ISBN 978-5-8036-0275-0

В сборник вошли материалы участников Второй Международной научно-практической Интернет-конференции «Общество и этнополитика», организованной в рамках научного направления Сибирской академии государственной службы.

В материалах содержатся результаты теоретико-методологических и практических исследований о сущности, содержании и особенностях этнополитики и этнополитических процессов, происходящих в мире и России.

Предназначен для специалистов, занимающихся изучением этнополитики и этнополитических процессов, а также для всех интересующихся данной проблемой.

ISBN 978-5-8036-0275-0

ББК 66.3(0).5я431
© СибАГС, 2009

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ирхин Юрий

Методология анализа этнического менталитета в современных условиях 10

Ожегова Ольга, Овчаров Дмитрий

К вопросу о методологии Verstehen: прикладные стратегии исследования этноконфессиональной принадлежности 15

Вартумян Арушан

Региональный уровень государственной этнополитики: методики сравнительного анализа 22

Хопёрская Лариса

Этнополитический конфликт как состояние этнополитической системы..... 27

Сайфуллин Рубин

Влияние популяционного фактора на генезис политических конфликтов..... 33

Кузнецов Сергей

Анализ критических точек в развитии этнической системы 40

Молдокеева Алина

Суверенизация как политический процесс современности 48

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И МИРЕ

Гронский Александр

Конструирование исторической субъектности в современной белорусской историографии 56

Асратян Норайр

Особенности этносоциальных процессов в многонациональном городе..... 62

Рахимбаев Эркинбек

Система народовластия Кыргызской Республики 66

<i>Исраилов Абдилашим</i>	
Подготовка и переподготовка национальных кадров на селе — ведение рыночной экономики	72
<i>Оспанов Кайрлы</i>	
Представительная демократия как способ сохранения этнополитической стабильности в Казахстане	76
<i>Полтораков Алексей</i>	
Международная миграция как фактор этнополитической безопасности	81
<i>Чесноков Алексей</i>	
Особенности иммиграционных трендов в Свердловской области в середине 2000-х гг.	87
<i>Самсонова Екатерина, Юдина Екатерина</i>	
Проблема межнациональной толерантности в представлении молодежи Тульской области.....	92
<i>Уранхаева Гульмира</i>	
К вопросу о периодизации формирования политики регулирования этнополитических процессов в Республике Казахстан	98
<i>Сайфуллин Рубин</i>	
Прогноз развития России на основе биосоциального подхода	102

ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА

<i>Биекенов Марат</i>	
Роль Ассамблеи народов Казахстана в развитии института парламентаризма.....	110
<i>Кыдыралина Жанна</i>	
Политика идентичности в Казахстане	115
<i>Туманова Ольга</i>	
Национальные интересы в современном демократическом государстве ...	121
<i>Маклашова Елена</i>	
Этнические аспекты федеративного государства: границы интересов во властном пространстве.....	124

Сальников Евгений
Этнополитическая составляющая системы морально-этических
норм российской милиции на современном этапе 128

Федосова Светлана
Национализм и ксенофобия как источники экстремизма 133

Бессчетнова Ольга
Особенности проявления экстремизма в молодежной среде 138

КУЛЬТУРА И ЭТНОПОЛИТИКА

Макрушич Елена
Феномен этнокультурной политики на постсоветском пространстве:
к вопросу определения понятия 144

Примин Владимир
Межкультурный диалог в полиэтничном обществе 150

Леньо Павел, Зан Михаил
Этнологической либерализм Украины в контексте этнополитической
практики стран Центрально-Восточной Европы 156

Казначеев Сергей, Цыплина Марина
Межнациональный брачный союз как инструмент развития
российского этноса 163

Бушев Александр
Трансляция национальных ценностей и межэтнической эмпатии
в образовании 167

Тужба Эмир, Муха Виктория
Этнокультурные аспекты грузино-абхазского конфликта 175

Муналбаева Умиткан
Этносоциальный фактор казахстанского развития 180

Кочергин Алексей
Проблема правового статуса этнокультурных общественных
объединений 187

Матвиенко Валентина, Есикова Юлия
Традиционные и инновационные мотивы этнонационального сознания как факторы политической стабильности
российского государства..... 193

Коваль Татьяна
Образ Родины в значении «Родина-мать»: патриотический дискурс..... 199

Хлебников Михаил
Социально-этнические аспекты генезиса русской конспирологии
в начале XX в. 205

Шарафутдинова Мухабат
Взаимодействие драматургических и эпических элементов
в романе А. Чулпана «Ночь и день» 216

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ

Михайлов Дмитрий
Истоки алтайского национализма 224

Савинов Леонид
Региональная этнополитика в современной России: возможности
и ограничения (на примере Новосибирской области)..... 230

Дьячковский Семен
Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия)
в условиях реформирования органов государственной власти..... 236

Антропов Евгений
Динамика этносоциальных процессов в формировании
первой десятки национального состава Сибирского
федерального округа 241

Мархинин Василий
Межнациональные отношения в Югре: информационные
и коммуникационные составляющие..... 246

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ: ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Коба Сергей
Национальный вопрос в программных документах
политических партий..... 252

<i>Хирьянова Людмила</i> Старообрядчество в условиях атеистической пропаганды (на материале Белгородского региона).....	257
<i>Мушич-Громыко Айвика</i> Философско-правовые взгляды в философской системе И. Канта — непреходящее необходимое.....	262
<i>Белоус Алексей</i> Русская история как философская проблема в творчестве К. Д. Кавелина.....	266
<i>Яцемирская Екатерина</i> Проблема дифференциации этнической и национальной идентичности	269
<i>Анисимов Иван, Гулевская Кристина</i> Формирование образов отечественной истории как этнополитический фактор	272
<i>Байрымова Татьяна</i> Общественно-политическая дискуссия вокруг проблемы объединения Республики Алтай и Алтайского края (по материалам газетных источников).....	278
<i>Дейнега Клавдия</i> Феномен насилия в этнополитических конфликтах (на материалах конфликта в Чеченской Республике).....	284
<i>Данилова Наталья</i> Муниципальная этнополитика в Новосибирске: реалии и перспективы	287
<i>Кирченко Кира</i> Управление межэтническими отношениями в Новосибирской области (на примере национально-культурных автономий)	290
<i>Тудупов Максим</i> Управление межэтническими отношениями в Республике Бурятия: сущность, содержание и специфика	294

Дорогие коллеги, друзья!

Вы держите в руках сборник материалов Второй Международной научно-практической Интернет-конференции «Общество и этнополитика». Мы рады, что идея группы единомышленников — проводить ежегодную конференцию по проблемам этнополитики — нашла поддержку среди политологов, социологов, историков, этнологов и других специалистов по обществоведческим наукам не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья.

Итоги Второй конференции свидетельствуют о том, что расширяется не только ее география, но и увеличивается число участников.

Основополагающими темами конференции, как и в 2008 г., стали проблемы теории и методологии исследования этнополитики, отечественный и зарубежный опыт реализации государственного управления межэтническими отношениями. Особое внимание уделено вопросам обеспечения развития культуры, языка и традиционного образа жизни этнических групп.

В отдельный раздел выделены работы молодых коллег, которые в будущем станут экспертами российской этнополитологии. По содержанию их материалов будущее видится позитивным и успешным.

Долгие и мотивированные ожидания российских этнополитологов воплощены в решение Министерства образования и науки о создании новой специальности в рамках политических наук: 23.00.05 — Политическая регионалистика. Этнополитика. В связи с этим я поздравляю коллег с признанием, в том числе и наших с вами усилий.

Таким образом, институционализована работа многих исследователей, научные интересы которых связаны с этнополитикой и этнополитическими процессами. Важно, что удалось «продвинуть» сам термин «этнополитика» и уйти от термина «национальная политика». Это значимый (возможно, революционный) методологический успех российской политологии и социологии, а также парадигмальный сдвиг в понимании сущности, содержания и философии данного сегмента политики.

Дорогие коллеги, желаю вам научных успехов, здоровья и благополучия!

*С надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество,
Леонид Савинов, научный координатор конференции*

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Юрий Ирхин

*профессор кафедры политологии и политического управления
Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации
доктор философских наук, профессор*

Москва, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Этнос (от греч. — вид, порода, народ) — исторически образовавшаяся группа людей, объединенная общим происхождением, судьбой, языковыми, культурными и психологическими признаками; обладающая комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп.

Для анализа этноса (этногенеза, быта, традиции, языка, ментальности и др.) используются три основные концепции этничности:

1) примордиализм — включает психологические, иррациональные объяснения феномена этничности, роль врожденной связи человека со своей этнической группой;

2) конструктивизм — утверждает социальный характер происхождения и природы этничности, которая рассматривается как форма организации культурных различий в обществе;

3) инструментализм — обращает внимание на физические и культурные характеристики этнической группы как некий ресурс (инструмент), при помощи которого группа людей может выдвигать и реализовывать свои интересы; выступает как средство политического действия, сознавая его выгодность для себя.

В мире существует более 5 тыс. этносов; государств насчитывается гораздо меньше — всего около 200, включая примерно 500 образований государственного типа в федеративных государствах (национальные республики, автономные республики, автономные области, автономные округа, автономные территории и др.).

В современных условиях одни этносы (не имеющие государственности) ставят вопросы о создании соответствующих независимых государственных образований; другие — о повышении своего статуса внутри федераций; третьи — о вхождении в более крупные государственные образования при сохранении культурно-национальной автономии. Некоторые этносы используют свою «сопричастность» к цивилизациям, что укрепляет статус первых.

В России в последние годы действует тенденция к ее укреплению как Федерации, так субъектов Федерации (в 2000 г. — 89; в 2009 г. — 83), а также вхождению или объединению автономных округов в состав краев (областей). Так, 7 декабря 2003 г. более 90 % жителей Пермской области и Коми-Пермяцкого АО проголосовали за объединение в «Пермский край»; 17 апреля 2005 г. на референдуме по объединению Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) АО и Эвенкийского АО положительно проголосовали 60 %; 16 апреля 2006 г. на референдуме по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского АО 90 и 98 % высказались за объединение; 11 марта 2007 г. на референдуме по объединению Читинской области и Агинского Бурятского АО в «Забайкальский край» положительно проголосовали более 90 % жителей.

Важную роль в этногенезисе играет менталитет.

Менталитет, ментальность — (от лат. — умственный, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) — совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной, этнической общности.

Менталитет представляет имплицитные структуры психического склада нации, народа, этноса, генетически и социально укорененные в сознании и сфере бессознательного многих поколений людей, в своих основах постоянные, а потому представляющие наиболее общее содержание, объединяющее в себе различные исторические эпохи в развитии национальной (этнической) истории и культуры.

В основе национального менталитета лежат образы, знания и верования, сливающиеся в представления о мире или «нацио-

нальную (этническую) картину мира», которые вкупе с доминирующими потребностями и архетипами создают иерархию ценностей, идеалов, эталонов, «кодексы поведения». В этих компонентах отражаются чаяния, устремления всей или большинства представителей нации.

«Ментальное» находится как бы между осознанным, отрефлексированным (т. е. между формами общественного сознания — религией, идеологией, моралью, эстетикой и т. д.) и неосознаваемым (бессознательным) в коллективной, а отчасти и в индивидуальной психике людей.

Ментальные этнические ценностные ориентации — это матрица, на основании которой кристаллизуется этническая культура.

Менталитет отражает национальный способ видеть мир и действовать в определенных обстоятельствах.

Уровни менталитета

1. Первый уровень менталитета отражает привычные бытовые отношения, ритуалы, социальные нормы, ценности, оценки; во многом это нерелексируемый обыденный мир социальных взаимодействий с его устоявшимися традициями.

2. Второй уровень менталитета (уровень социокультурных сопряжений) — характеризует культуру конкретной социальной общности, ее специфику и адаптивные способности.

3. Третий уровень менталитета отражает социумный или макросоциальный уровень. Он формируется естественной и целенаправленной реакцией людей на деперсонифицированные, символические и функциональные социальные образования — политику, власть, государство.

4. Четвертый уровень менталитета характеризует этнокультурную ориентацию вовне, одновременно обращенную внутрь себя. Речь идет о всеобъемлющей национальной (этнической) идее, а также связанных с ее генезисом состояниях сознания.

Менталитет, создаваемый этнической общностью

Этническая ментальность — первая ступень формирования национального менталитета.

Если национальный менталитет — это мировоззрение, то этническая ментальность — это мироощущение. Считается, что

национальный менталитет — атрибут нации, этническая ментальность — атрибут народности, которая еще не прошла все ступени развития, позволяющие ей стать нацией.

Этнический менталитет — это своеобразная система пространственных этнических образов, стереотипов, отчасти генетически закрепленных, отчасти бессознательных, коллективных, устойчивых к изменению; глубинный классификационно-оценочный эталон, с помощью которого осуществляется понимание этнических объектов в их сходстве между собой и в отличие от других; выступает конструктором определенных моделей поведения, чувствования и мышления различных этносов.

Модель национального менталитета

В модели национального менталитета выделяются две взаимосвязанные структурные составляющие: национальная идея и национальный прототип.

Национальная идея — это квинтэссенция менталитета; образ идеального национального общества. По национальной идее во многом можно судить обо всем национальном менталитете в целом.

Национальный прототип представлен в национальном менталитете как квазиличность — личность, не связанная с конкретным, реально существующим индивидом, но представленная в сознании других людей наподобие реальной личности.

Менталитет помимо положительных образов содержит и отрицательные образы. В целом образы идеального общества и национального прототипа — это не только идеальные цели, на которые ориентируется большинство членов нации, но и представления о деятельности и способах достижения этих целей. В этническом менталитете отображается взгляд большинства членов нации на то, каким должен быть окружающий мир, а также представление о том, каким должен быть человек.

Российские этнологи А. Р. Аклаев, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробужева и др. разработали принципы анализа этнических конфликтов, которые представлены в таблице.

**Анализ возможных конфликтогенных факторов
и превенторов этнического конфликта**

Уровень	Конфликтогенные факторы	Превенторы
Глобальный	Структуры, неадекватные международной системе	Изменения в международном порядке
Государственный	Этническая стратификация Слабая экономика Авторитарное правление Нарушение прав человека	Политика консоциации (федерализма), автономизации. Содействие социально-экономическому и культурному развитию. Легитимация правления путем демократизации. Правовое и социальное государство, мониторинг и защита соблюдения прав человека
Общественный	Слабые общества Слабые системы коммуникаций Поляризованные межгрупповые установки	Укрепление структур национального гражданского общества. «Круглые столы», тренинг-семинары. Развитие межкультурных контактов и диалога. Работа в кросс-культурном аспекте
Индивидуальный	Радикальные и экстремистские лидеры Низкая культура межэтнических отношений Слабое правовое регулирование межэтнических отношений и т. д.	Укрепление позиций умеренных лидеров. Развитие культуры межэтнических отношений. Совершенствование правового регулирования и т. д. Снижение предрассудков. Примирительные комиссии

Анализ этнической ментальности играет важную роль при рассмотрении причин и нахождении способов регулирования этнических конфликтов.

Ольга Ожегова

*профессор кафедры социологии, социальной политики
и регионоведения Поволжской академии
государственной службы им. П. А. Столыпина
доктор социологических наук, профессор*

Саратов, Россия

Дмитрий Овчаров

*доцент кафедры гуманитарных наук Энгельского
технологического института Саратовского
государственного технического университета
кандидат технических наук, доцент*

Саратов, Россия

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ VERSTENEN: ПРИКЛАДНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Этноконфессиональная принадлежность выступает составляющей достаточно заметного оттенка современной мировой и российской социокультурной ткани. Этот феномен представляет собой аморфное образование, с одной стороны, трудноопределимое, а с другой — легко узнаваемое во многом. Теории и курсы, которые стремятся узаконить политику, исключаящую людей из «общества» на основе критериев этноконфессиональной несовместимости, создают заметное настроение социокультурной атмосферы России начала XXI столетия. Этноконфессиональная нетерпимость как общественный феномен вписывается в повседневные практики насилия, презрения, унижения и дискриминации.

Анализ повседневного жизненного опыта людей позволяет утверждать, что они создают вокруг себя не столько мир материальных объектов, сколько мир человеческих взаимоотноше-

ний, включающий в себя систему социального поведения. Эта система регулируется обычаями, традициями, нормами, характерными для определенных национальных, культурных и религиозных сообществ. Более того, именно повседневность «провозглашает» нормой индивидуальное и групповое стремление к сохранению «своей» или «нашей» идентичности, уклонение от смешения, метисации, захвата «чужими». Пока существуют границы личности, будут существовать и границы общности этих личностей.

Исследовательские стратегии этноконфессиональной принадлежности как повседневного опыта имеют свои особые содержательные характеристики, которые истощающим образом встраиваются в методологию *Verstehen*¹.

Этничность и религиозность как реальности человеческого бытия отличаются тем, что действующие субъекты в разной мере наделяют свои действия смыслом этнорелигиозных констант. Очевидно, что если исследователь-практик принимает точку зрения *Verstehen*, то для него каждая человеческая ситуация становится уникальной через специфический социальный опыт, особые переживания, которые в совокупности складываются в специфический «жизненный мир». Именно этот мир как «особое» становится объектом полевых социологических исследований.

Так, если существуют границы жизненного мира человека, то существуют критерии, по которым одна часть социума становится его частью, а другая фиксируется вовне. Не ставя своей целью выработку законченной методологии социально-философского изучения бинарной оппозиции «свой — чужой», мы выстроили концептуальную схему исследования на идее использования проективных вербальных техник.

По мнению исследователей С. Климовой, В. Ольшанского, Г. Татаровой, А. Бурлова, адекватным инструментом изучения содержания социальных представлений, формирующихся на базе установок и стереотипов, выступает методика неоконченных предложений. Одним из главных преимуществ данной ме-

¹ См. подробнее: *Ионин Л. Г.* Понимающая социология.— М., 1975.— С. 15–48.

тодики является то, что при помощи неопределенного стимула «человек формирует характерные для него способы мышления, настроения, потребности»¹. Здесь обнаруживается поле смыслов повседневной реальности. Но получить с помощью данного метода репрезентативные данные очень сложно. Этот «недостаток» — основной минус большинства «мягких» методов. В данном случае, как отмечает, например, С. Г. Климова, из-за вероятности проявления практически неограниченного количества вариантов ответов многие обобщенные показатели либо очень малы, либо вовсе существуют в единственном числе. Количественные характеристики (например, всевозможные абсолютные и относительные частоты каких-то феноменов) весьма нестабильны и нерепрезентативны², что ограничивает сферу применения метода. С учетом такой ситуации метод наиболее оправдан при изучении либо однородных, либо диаметрально противоположных социальных групп.

На подготовительном этапе исследования была проведена этимологическая концептуализация ментальных оппозиций «человек — люди», «свой — чужой», «толерантность — интолерантность», а также изучена классификация, охватывающая диапазон проективных методик: методики дополнения, методики интерпретации, методики структурирования, методики изучения экспрессии, методики изучения продуктов творчества.

Нас заинтересовал метод неоконченных предложений (составляющая часть методики дополнения), так как в целом можно рассчитывать на то, что эта методика сбора информации позволяет получить реакции респондентов, минимально искаженные влиянием исследователя. Респондент вынужден говорить «своими словами», в результате чего при завершении предложения обнажается тезаурус, которым он оперирует в повседневной жизни и в который вмещается его жизненный опыт.

¹ См. в: *Климова С. Г.* Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // *Социология*: 4 М.— 1995.— Т. 5–6.— С. 50.

² *Климова С. Г.* Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // *Социолог. исслед.*— 2000.— № 2.— С. 13–22.

Объектом исследования оказались неоднородные этнические группы с преобладанием этнических русских. В группах также были грузины, татары, абхазы, евреи, украинцы, белорусы, армяне, черкесы, казахи и респонденты, затрудняющиеся определить свою этническую принадлежность, либо определяющие ее в пользу одного из родителей.

Для изучения оппозиции «свой — чужой» в качестве инструмента сбора информации были составлены 16 неоконченных предложений, структурированных по 4 блокам (А–Г), которые обозначали логику анализа эмпирического материала.

Блок А «собирал» непосредственно вызываемые главным стимулом реакции, которые, в свою очередь, раскрывали структуру изучаемого образа. Блок Б «погружал» образ в определенные контексты, характеризующие его свойства как целого, и позволял рассмотреть этот образ в конкретных социальных контекстах. Блок В «определял» расположение изучаемого феномена относительно других социальных стереотипов. Блок Г «выявлял» полярность эмоционального заряда, который несет в себе образ.

Такое структурирование неоконченных предложений позволило обозначить плоскость анализа эмпирического материала. Для сбора эмпирических данных применяли методику опроса посредством анкеты и раздаточного материала-таблицы. В исследованиях фиксировали пол, возраст, гражданство, место учебы/работы, национальность не только респондента, но и его родителей, и родителей родителей, т. е. бабушек и дедушек по отцовской и материнской линии, а также национальность «второй половины» (если она есть) по той же схеме и национальность детей (если они есть). Опрос проходил аудиторно 11 раз по 25–30 человек. Всего было опрошено 285 человек. Респондентам раздавали анкеты, время заполнения не ограничивалось, что позволяло испытуемым давать более развернутые ответы.

Традиционно считается, что проективные вербальные техники должны исключать длительные размышления. В процессе первого же контакта с аудиторией участники-респонденты изъявили прямо противоположные желания: либо «хорошенько подумать», либо не выполнять задание, так как «на ум ничего не приходит, а думать не хочется». В этой ситуации мы сочли не-

обходимым просить «нежелающих» респондентов письменно аргументировать свое нежелание. При этом 30 % респондентов просто отказались размышлять над оппозицией «свой — чужой», мотивируя ответ так: 1-й вариант ответов: *Я об этом не думаю*; 2-й вариант ответов: *Все это чувствую, но сказать не могу*; 3-й вариант ответов (возмущенно): *Как можно так о людях! Это антигуманно!* У 45 % респондентов наибольшую трудность вызвали предложения, где предлагалось поразмыслить над образом «чужой»: 1-й вариант: *И так понятно, сегодня — «свой», завтра — «чужой»*; 2-й вариант: *Для меня все «свои», они же люди!*; 3-й вариант (раздраженно): *Не вижу необходимости дальше напрягать мозги, мне это не интересно.*

На первом этапе анализа анкет использовали процедуру разделения текстов окончания предложений на элементарные обоснования респондента. На втором этапе только в 25 % анкет (71 респондент) по каждому смысловому блоку происходило объединение всех схожих по смыслу элементарных обоснований в группы. Глубинные интервью с респондентами, чьи анкеты составили блок из 25 %, позволили выявить характерные элементы образа¹.

В ходе анализа были выделены три типа образа «своего» и три типа образа «чужого», которые составили три типа оппозиции «свой — чужой».

Первый тип является наиболее распространенным. Он включает в себя следующие характеристики: «Принципы взаимности» — определения, которые указывают на то, что «свой» — это тот, кого люблю, хорошо знаю, кому верю/доверяю, кого считаю родным (как правило, семья), и обязательно эти чувства должны быть взаимны, а «чужой» — это тот, кого не люблю, не знаю, кому не верю/не доверяю, кто не может быть родным. Респонденты полагают, что эти же чувства «чужие» испытывают и к ним.

Второй тип оппозиции наименее распространенный — это тип ярко выраженной толерантности к «своим», интолерантно-

¹ Нарративы обладают высокой социальной значимостью, так как проявляют богатый спектр эмоциональных отношений к представителям различных этнических идентичностей.

сти к «чужим»; открытости для «своих» и закрытости для «чужих» по этноконфессиональным признакам. Он включает следующие характеристики: «свой» — это русский, христианин (православный), человек моей национальности, национальностей моей семьи, татарин, мусульманин — это тот, кто чтит нашу культуру, похож на меня национальным характером; «чужой» — это не русский, не христианин (не православный), человек не моей национальности; не татарин, не мусульманин, тот, кто не чтит нашу культуру, тот, кто не похож на меня. В этом типе оппозиции встречались наиболее оскорбительные и унижительные для представителей различных этнических культур выражения и эпитеты.

Третий тип оппозиции — нечто среднее между первым и вторым, так как в нем на общем фоне первого типа присутствует средневыраженная интолерантность. Он включает следующие характеристики: «свой» — это тот, кого люблю и включаю в свой круг, но «чужой» не должен навязчиво стремиться стать «своим». При этом «чужие» так же, как и «свои», могут быть умными и глупыми, верными и неверными.

Выстроенные типы образов и оппозиций, безусловно, являются конструктами, которые в чистом виде нельзя встретить в сознании людей. В реальности они представляют собой сильно ограниченные модификации, подтипы, которые отличаются друг от друга различной степенью выраженности того или иного элемента, но тем не менее во всех вариантах прослеживается единение по смысловому блоку (Г — эмоциональный заряд). Это всего лишь одна пара предложений, направленная на точное установление места стереотипа в психологической структуре личности и прояснение его некоторых функциональных особенностей. Итак, респонденты среди «своих» ощущают чувство комфорта, уюта, искренности, «в своей тарелке», а среди «чужих» — дискомфорт, опасность, чувство собственного превосходства, хотя и любопытство, но желание быть со «своими», так как с «чужими» — не «в своей тарелке».

Важно отметить, что респонденты, как правило, в размышлениях о «своих» подспудно (это было выяснено точно при экспертных интервью) ориентировались на конкретных людей и

жизненные ситуации. А в размышлениях о «чужих» в большей степени они строили интеллектуальные конструкции.

Особенность данных, полученных с помощью метода неоконченных предложений, заключается в возможности многократного возвращения к первичной информации, используя различные основания классификации и возможности приложения к этим данным различных теоретических моделей, выстроенных в ходе других исследований¹.

Главным аргументом при обращении исследовательского интереса к феномену этноконфессиональной принадлежности была «бризантность» национальных и религиозных отношений, коррелирующих с агрессивностью в оппозиции «свой — чужой». Интересен эффект разочарования и даже испуга, когда «свой» по целому ряду признаков оказывается «чужим» по религиозному предпочтению: например, русский оказывается не православным, а протестантом, свидетелем Иеговы, мусульманином, кришнаитом и т. п. Возможно, что это происходит из-за необходимости выстраивать новую демаркационную линию личного жизненного пространства, так как «писаным» законам уже не удастся связать внутренний мир индивида. Именно поэтому широко проявляется унилатеральная форма социального контроля, т. е. каждодневные конфронтрующие действия в ответ на девиации, которые просто не могут восприниматься как повседневные потребности представителями «чужих» этнических культур или конфессиональных групп.

¹ Для иллюстрации этого мы перешли к практике глубинного фокусированного группового интервью.

Арушан Вартумян

*главный редактор научного журнала
«Региональные политические исследования»
доктор политических наук, профессор*

Армавир, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ: МЕТОДИКИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Органы государственной власти многих субъектов Федерации на основе российского законодательства создают свои концепции и программы этнополитики, стабилизации этнических отношений. Подобные программы часто принимаются и на муниципальном уровне. Важно, чтобы при всем многообразии этнических проблем три уровня политики (федеральный, региональный и муниципальный) при разработке программ имели единые концептуальные основы.

В настоящее время программы разработаны и действуют в Москве; республиках — Кабардино-Балкарии, Коми, Башкортостане, Дагестане, Удмуртии; краях — Краснодарском, Ставропольском; областях — Ростовской, Оренбургской, Саратовской, Самарской; других регионах¹.

Например, в Саратовской области сложилась система региональной этнополитики. Она включает в нормативную основу долгосрочную «Концепцию национальной политики Саратовской области», а также среднесрочные (пятилетние) программы социального и национально-культурного развития региона². Данные документы разрабатывались комиссией во главе с губернатором области. В комиссию вошли не только руководи-

¹ *Абдулатипов Р. Г., Калинина К. В.* Реализация концепции государственной национальной политики. — М., 2002. — С. 103–104.

² См.: *Викулов А. М.* Региональная национальная политика в современной России. — Саратов, 2003.

ли органов власти и местного самоуправления, но и национальных объединений, ученые-этнологи, деятели культуры, представители религиозных общин, журналисты.

Концепция и среднесрочные программы региональной этнополитики, судя по позитивному опыту Саратовской области, Ставропольского края и других территорий, должны включать меры в трех направлениях;

- 1) создание нормативной правовой базы и общественно-политических механизмов управления этническими отношениями;
- 2) текущие меры социально-экономического характера по повышению качества жизни народов в местах их расселения;
- 3) меры по развитию ценностей духовной культуры: российского патриотизма, межэтнического согласия, толерантности.

По каждому направлению определен перечень практических мероприятий с указанием сроков исполнения, источников и объемов финансирования, ответственных исполнителей. Например, по первому направлению проводится курс равного доступа к представительству народов в органах власти, к образованию; выравниваются правовые диспропорции в социальном обеспечении, вызванные профессиональной и статусной структурой групп. По второму направлению реализуются меры предупреждения и снижения безработицы, выравнивания уровня доходов, защиты прав беженцев и вынужденных переселенцев. Третье направление включает развитие сети национальных дошкольных учреждений и школ, укрепление их материальной базы, улучшение обучения и воспитания детей, управление персоналом в сфере культуры и образования.

В регионах, где велика возможность этнополитических конфликтов, приоритетны другие императивы политики. М. И. Цапко отмечает, что управление этническими процессами в Ставропольском крае в основном направлено на ограничение этнической миграции, регулирование этнических процессов в рамках специальных региональных программ, оперативное вмешательство в случаях возникновения этнического конфликта¹. Такой тип политики объективно необходим. Но полномочия региональных органов государственной власти в сфере админи-

¹ См.: Цапко М. И. Кавказский регион: пути стабилизации межнациональных отношений. — М., 2002.

стративно-правового воздействия на участников этнического конфликта ограничены, а федеральный перечень предметов регулирования неполный. Поэтому необходимо принять федеральный закон, устанавливающий конкретизированные полномочия субъектов РФ в сфере этнических вопросов.

Институциональная система этнополитики на уровне региона может включать не только органы государственной власти субъекта Федерации (в том числе министерства либо департаменты по национальной политике, межведомственные комиссии), но и научно-консультационные экспертные советы, структуры гражданского общества (НКА, землячества, национальные объединения, зарубежные неправительственные организации, религиозные объединения, представители СМИ). Взаимодействия государственных структур с гражданским обществом по вопросам этнополитики могут координироваться через Ассамблею народов региона, Общественную палату при главе региона.

Наибольший интерес представляет методика сравнительного анализа этнополитики на уровне регионов России, разработанная В. И. Мукомелем на основе количественных методов¹. Его выборка составила 29 регионов, в которых проживают 55 % населения страны. Автор применяет индексы эффективности и развития инфраструктуры политики и выделяет «блоки» этнополитики: законодательство, программы политики, механизмы и практики, институциональные основы, финансирование.

В. И. Мукомель полагает, что этнополитика децентрализуется, а роль органов государственной власти регионов растет за счет федеральных органов. Важнейший мотив проведения этнополитики на региональном уровне — поддержание социально-политической стабильности.

Закон о национальных отношениях создан лишь в Волгоградской области. В Кабардино-Балкарской Республике та же задача решена путем выделения в «Кодексе Кабардино-Балкарской Республики об административных правонарушениях» ответственности за нарушение порядка использования языков народов республики; нарушение сохранности, норм использования и охраны объектов культурного наследия; нарушение зако-

¹ *Мукомель В. И.* Национальная политика в регионах России: сравнительный анализ, позитивная практика // Федерализм.— 2004.— № 3. — С. 51–72.

нов о репатриантах. Республики Татарстан и Коми кодифицировали этнические права в законах о национально-культурных автономиях.

Законодательство субъектов РФ в основном регулирует этнические отношения в нескольких разрозненных актах: законах о языке, о культуре, об образовании, об административно-территориальном устройстве, местном самоуправлении, связях с соотечественниками за рубежом, с диаспорой.

Законы о языке и об образовании в ряде регионов допускают возможность использования в официальной сфере языка этнических меньшинств в районах их компактного проживания (Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Саха (Якутия). В Адыгее узаконено получение образования национальными группами на родном языке в местах компактного проживания.

Региональные программы этнополитики могут оформляться двумя путями: принятием либо законов субъектов РФ, либо подзаконных актов органов исполнительной власти. Понятно, что первый путь демократичнее и дает более сильные ресурсы этнополитики. Такова ситуация в КБР, Коми, Удмуртии, Краснодарском крае; Амурской, Оренбургской, Пермской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Тверской, Томской и Тульской областях. В 16 регионах приняты концепции региональной этнополитики, отчетливо выражающие цели, задачи, приоритеты и механизмы осуществления курса. В 11 регионах законы и концепции отсутствуют, нормативная база ограничена подзаконными актами.

В. И. Мукомель выделил три модели реализации региональной этнополитики: комплексные программы (Оренбургская, Пермская области), специальные программы (14 субъектов Федерации), сочетание комплексных и специальных программ (9 регионов). Комплексные программы действуют с 1993 г. в Оренбургской, Пермской и Самарской областях. Специальные программы предпочтительны, если спектр мероприятий политики очень разнороден. Сочетание обоих типов программ чаще всего означает признание изъянов первоначальной комплексной программы. Предпочтителен вариант комплексной целевой программы, что позволяет региону концентрировать финансовые средства и координировать усилия акторов политики, корректировать курс, контролировать расходование средств.

Институциональные основы этнополитики в регионах тоже разнообразны и делятся на три варианта: ведомство с правами министерства региональной администрации; межотраслевые ведомства с теми же правами; соподчиненное подразделение (департамент, отдел, комиссия и пр.). В большинстве регионов остается болезненной проблема взаимодействия разных органов исполнительной власти. Иногда эту проблему решают, создавая межведомственные комиссии по национальной политике (Краснодарский край, Волгоградская область, Москва), комиссии по узкоспециальным аспектам этнополитики (Дагестан, Коми), либо включают вопросы национальной политики в более широкий предмет ведения (консультативные советы в Пермской и Саратовской областях).

В институциональных основах политики важно также учитывать наличие консультативного органа при главе региона и поста регионального уполномоченного по правам человека, ведение мониторинга этнических отношений структурами исполнительной власти региона. Успешно развиваются институциональные основы этнополитики в республиках Чувашия и Коми; в Краснодарском и Ставропольском краях; в Волгоградской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской и Астраханской областях. Очень слаба институциональная основа этнополитики в Амурской, Воронежской и Тульской областях.

Финансовые ресурсы региональной этнополитики В. И. Мукомель оценивает по следующим показателям: детальность и конкретность финансирования; соответствие масштабов финансирования принятым программам; финансовая дисциплина; транспарентность бюджета и отчета об исполнении его статей; величина текущего финансирования из регионального бюджета; размеры привлеченных средств из бюджетов других уровней и внебюджетных источников. Однако лишь в 9 из 29 регионов национальная политика выделена особой строкой в бюджете.

Практическая этнополитика в регионах может оцениваться по следующим индикаторам: наличие центров межнационального общения; поддержка региональной властью этнокультурных мероприятий; поддержка программ СМИ в сфере этнополитики; развитие и поддержка этнического образования.

Эффективность региональной этнополитики определяется совместными усилиями всех ее акторов — органов государственной власти, МСУ, неправительственных организаций. Ключевое значение имеет сбалансированность компонентов политики.

Лариса Хопёрская

*профессор Киргизско-Российского славянского университета
доктор политических наук, профессор*

Бишкек, Киргизская Республика

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК СОСТОЯНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Целью исследований является доказательство тезиса о том, что этнополитический конфликт является состоянием этнополитической системы, при котором между элементами системы существует определенный дисбаланс.

При доказательстве этого тезиса мы опирались на классическую модель политической системы Д. Истона и Г. Алмонда, для описания которой используются такие понятия, как «внешняя и внутренняя среда», «вход», «выход», «черный ящик», «обратная связь», «акторы», «функции», «связь». Г. Алмонд обозначил сложность внутренних связей между элементами политической системы, баланс между которыми зависит от степени политической активности общества и адекватности ответов правительства на выдвигаемые обществом или отдельными социальными группами острые вопросы¹, и таким образом конкретизировал исходную модель политической системы Д. Истона². В то же время, несмотря на то что Д. Истон поставил проблему «как различные типы политических систем ... отличаются типами своих входов и выходов, своими внутренними процессами и обратными связями?»³, ни он, ни Г. Алмонд никак не прояснили вопрос о природе, структуре и характере требований, предъявляемых политической системе.

Это объясняется тем, что целью исследований Д. Истона и Г. Алмонда было определение степени демократичности поли-

¹ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Антология мировой полит. мысли: в 5 т.— М., 1997.— Т. 2.— С. 599.

² См.: Истон Д. Категории системного анализа политики // Там же.— С. 630.

³ Истон Д. Указ. соч.— С. 642.

тических систем и условий обеспечения стабильности демократических политических систем, присущих западным обществам и отличающихся политической гомогенностью (национальным единством). Анализ же «незападных обществ» показывает, что для них характерно отсутствие или слабость национального единства.

Так, Л. Пай, исследующий политический процесс «незападного типа», отмечает, что «политический процесс характеризуется отсутствием интеграции среди участников»¹. А У. Коннер считает, что нельзя «преуменьшать, а то и вовсе игнорировать проблемы, вытекающие из фактора этнической неоднородности общества»².

Одной из важнейших проблем является проблема принципиальной несовместимости требований, предъявляемых сегментами неоднородного (полиэтничного) общества «на входе» политической системы, и принципиальной несовместимости реакций сегментов на политические решения «на выходе». Возникает вопрос: как отразить в модели политической системы эту ситуацию? С нашей точки зрения, для этого необходима модификация классической модели политической системы путем выделения ее этнического среза (или измерения) и построения модели этнополитической системы. Необходимость включения в анализ этнического измерения политической системы вызвана тем, что требования, исходящие от сообществ, позиционирующих себя в качестве этнических, отличаются от требований других акторов (политических партий, групп интересов и т. п.).

Это отличие заключается в том, что «на входе» требования и поддержка «классических» акторов направлены на изменение отдельных параметров политической системы с целью ее усовершенствования, а требования и поддержка этнических акторов направлены на создание институтов и утверждение режимов, обеспечивающих особый статус отдельных этнических групп в политической системе. В наиболее радикальной форме такие

¹ Pye L. W. The Non-Western Political Process // *Jornal of Politics* 20.— 1958.— № 3.— Aug.— P. 470—471.

² Connor W. Nation-Building or Nation-Destroying? // *World Politics* 24.— 1972.— № 3.— Apr.— P. 319.

требования (например, лозунг «Грузия для грузин!») способны разрушить саму политическую систему.

Использование термина «этнополитическая» в названии системы фиксирует основное отличие этой модели от классической, которое заключается в выделении в составе системы особого класса элементов, приводящих ее в состояние «самовозмущения» и потенциально способных довести систему до кризиса и разрушения «изнутри», а не в результате воздействий среды. Это принципиальный момент, поскольку Д. Истон, анализируя возмущающие воздействия среды и ответное поведение системы, делает вывод о том, что отдельные элементы системы могут иногда осуществлять действия, приводящие к разрушению предшествующего состояния равновесия, но даже не делает предположения о возможности «самовозмущения» политической системы, т. е. возмущения, исходящего от элементов самой системы.

Таковыми элементами, по нашему мнению, являются этнополитические концепции (как определенный способ трактовки каких-либо явлений) и носители этих концепций, т. е. акторы, которые в соответствии с концепциями определяют свое место в социальной и политической системе. Причем концепции могут быть четко сформулированы и позиционированы в качестве самостоятельных политических документов, а могут находиться в неявной форме и вычлениваться из отдельных политических деклараций и тезисов, научных трудов, публицистических и художественных произведений, отражающих установки группового сознания.

Этнополитические концепции выполняют функцию мобилизации акторов, т. е. приведения акторов в активное состояние, сосредоточения их сил и средств для достижения цели. Они достаточно четко фиксируются в политических лозунгах («Россия для русских!») и требованиях, содержащихся в политических обращениях (например, требования исключительного права на приватизацию и участие во власти представителей определенной этнической группы).

Все, принимающие и поддерживающие эти лозунги и требования, т. е. и отдельные индивиды, и группы, выступают акторами этнополитической системы. Акторы характеризуются не

только степенью организованности, статусом, осознанностью коллективных действий, объемом ресурсов и формами политического поведения (легитимными, отклоняющимися или радикальными), но и типами интеракций, к которым относятся конфронтация, компромисс, коалиция (союз) и консенсус. Эти типы взаимодействий, в свою очередь, определяются степенью совместимости концепций, которые могут ставить взаимоисключающие цели, иметь общие позиции, совпадать по принципиальным вопросам и основываться на полном согласии относительно целей, различаясь в выборе форм их достижения. Признание того, что концепции выступают своего рода маркерами идентичности акторов, позволяет прогнозировать возможные конфликты между акторами, а также предвидеть степень их остроты, поскольку «в целом каждый конфликт достигает своей окончательной формы лишь тогда, когда участвующие элементы с точки зрения организации являются идентичными»¹.

Власть, которая находится в центре этнополитической системы, также обладает определенной концепцией этнической политики как системы взглядов, принципов и приоритетов своей деятельности. Эта концепция может представлять собой самостоятельный правовой документ или «прятаться» в контексте нормативных актов, политических решений и предпринимаемых властью действий по отношению к различным этническим группам. Кроме того, власть располагает правом на насилие, материальными, организационными и символическими ресурсами, позволяющими ей реализовывать свою концепцию. Акторы на «входе» этнополитической системы не только предъявляют свои требования или оказывают поддержку, но и демонстрируют апатию или неприятие власти, ее институтов, нормативных актов и концепции этнической политики. Причем неприятие власти влечет за собой блокировку принимаемых ею решений и предпринимаемых действий «на выходе». Ответом на блокировку, как правило, выступает насилие со стороны власти.

Система может быть сбалансированной только при условии совместимости этнополитических концепций, точнее, совмес-

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс.— 1994.— № 5.— С. 143.

тимости зафиксированного в них отношения к этничности, которое в полиэтничном обществе должно носить аксиологический характер. При этом признание самоценности этничности должно распространяться на все этнические группы государства, т. е. этнополитическая система может быть сбалансированной только при условии достижения и соблюдения этнополитической справедливости, понятой как равенство граждан, отличающихся этнической идентичностью, и этнических групп в целом в политико-правовой, социально-экономической и культурной сферах общественной жизни. Именно ощущение и осознание несправедливости как несоответствия между реальным положением и статусом становятся главным мобилизирующим фактором на индивидуальном и групповом уровнях и выступают основой формирования этнополитических концепций этнических акторов.

Вывод о необходимости введения аксиологического измерения в анализ этнополитических конфликтов подтверждается результатами новейших конфликтологических исследований¹.

Обзор этих исследований позволяет выделить главные моменты:

— этнополитический конфликт определяется как тип внутригосударственного затяжного социального конфликта, в основе которого лежат чувство и осознание несправедливости по отношению к этнической группе со стороны государства и/или других этнических групп;

— конфликт не имеет эффективного силового решения, которое воспринимается как новая несправедливость и может только усилить стремление к справедливости;

— конструктивное урегулирование этнополитического конфликта возможно только при условии его трансформации, т. е. долгосрочной миротворческой деятельности, которая в отличие от технологий прекращения и разрешения конфликтов уделяет равное внимание результатам, процессам и структурам и которая ставит целью устранить все формы прямого и культурного насилия.

¹ *Этнополитический конфликт: пути трансформации*. Настольная книга Бергховского центра.— М., 2007.

По нашему мнению, процесс достижения сбалансированности этнополитической системы по смыслу и фактически совпадает с процессом трансформации конфликта и содержательно представляет собой процесс построения институционального порядка справедливости в полиэтничном обществе. Принципиально важно, что трансформация конфликта — это процесс, в котором создаются не только структурные, институциональные, но и ценностные условия для изменения идентичности, воспринимаемой в качестве личностной и групповой идентификации в целостной системе. Возможность актуализации (доминирования) различных типов идентичности создает основу для трансформации этнополитической концепции, поскольку именно идентичность составляет ядро этнополитической концепции (включающей объяснения и оценку прошлого и видение настоящего и будущего) каждого актора. Трансформация идентичности акторов, например переход от доминирования этнической идентичности (титульной или диаспорной) к региональной, а затем к общероссийской или общемусульманской, влечет и изменение их этнополитических концепций, а следовательно, и изменение степени дисбаланса всей этнополитической системы.

Отказ этнических акторов от пропаганды и защиты концепции титульной нации и принятие концепции гражданской нации, равно как и изменение концептуальных установок власти (от концепции «безэтничного» демократического общества до концепции «полиэтничной нации»), в конечном счете выступают интегральными индикаторами трансформации конфликта или степени сбалансированности этнополитической системы.

Рубин Сайфуллин

*доцент кафедры истории Камской государственной
инженерно-экономической академии
кандидат политических наук*

Набережные Челны, Россия

ВЛИЯНИЕ ПОПУЛЯЦИОННОГО ФАКТОРА НА ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Важной частью этнополитических исследований является выяснение генезиса этнополитических конфликтов. Сегодня наиболее признан подход, согласно которому конфликт вообще и этнополитический конфликт в частности рассматривается как многоуровневое и многофакторное явление. Д. Сэндоул¹ для изучения конфликтов привлекал и социобиологические методы. Фактически это означает, что ученый в исследованиях использовал междисциплинарный и полипарадигмальный подходы. Важность использования в исследованиях политических конфликтов социобиологических методов и полипарадигмального подхода подчеркивают и отечественные специалисты².

Социобиология и выделившаяся в ее рамках биополитика, опираясь на двойственную биосоциальную природу человека, изучают биологические основы его социального поведения и широко используют их в качестве моделей для объяснения поведения человека. Однако за рамками внимания этих дисциплин остается исследование влияния на социально-политические процессы, в том числе на возникновение и развитие конфликтов,

¹ См.: *Sandole D. Capturing the Complexity of Conflict: Dealing with Violent Ethnic Conflicts in the Post-Gold War Era.*— L.; N. Y., 1999; *Sandole D. A Comprehensive Mapping of Conflict Resolution: A Three Pillar Approach*; available from. URL: <http://www.gmu.edu/academic/sandole/htm>.

² См.: *Авксентьев В. А., Шаповалов В. А.* Современная этническая конфликтология: от простоты к сложности // Полит. конфликтология между старыми и новыми парадигмами: материалы симпозиума.— Воронеж, 2001.— С. 14; *Политическая конфликтология перед новыми вызовами* / под ред. А. В. Глухой.— Воронеж, 2001.— С. 49.

биологической составляющей некоторых человеческих общностей, прежде всего этнических. Сегодня все больше исследователей склоняется к мнению, что этнические общности также обладают двуединой биосоциальной природой. Биологическая часть природы этноса проявляется, например, в его популяционной структуре, расово-антропологических составляющих популяций этноса и других характеристиках. Есть основания полагать, что динамика изменения популяционной структуры этносов, их расово-антропологическая структура (далее динамику и структуру будем называть популяционным фактором) влияют как на возникновение и развитие политических конфликтов, так и в целом на социально-политические процессы. Правомерно в этой связи поставить вопрос о конкретных механизмах этого влияния, что важно для выяснения генезиса конфликтов и их прогнозирования. Однако такая исследовательская задача в рамках социобиологии, биополитики и этноконфликтологии пока даже не ставилась.

По-видимому, во многом это объясняется господством в современных западных обществоведческих науках конструктивистского и инструменталистского подходов к этническому феномену. Согласно этим подходам этническая общность реально не существует, а носит «сконструированный», или функциональный характер. Л. Т. Яблонский объясняет отрицание реальности существования этносов и рас «реакцией на попытки неоправданно вольного установления причинных взаимосвязей между популяцией и этносом, что может быть использовано расистами»¹. Разумеется, исследование влияния популяционного фактора на возникновение и развитие конфликтов предполагает установление таких причинных взаимосвязей. И при справедливости мнения Л. Т. Яблонского можно думать, что на Западе такие исследования не ведутся из-за боязни возможного расистского истолкования их результатов.

В отечественной этнографии исследованию популяционной структуры этносов уделялось достаточно большое внимание на

¹ *Яблонский Л. Т.* Внимание: этническая антропология! // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие: тез. докл.— М., 2001.— Ч. 2.— С. 34–35.

страницах периодической печати¹. Эта проблематика также затрагивалась в ряде монографий². Однако почти все авторы предпочитали придерживаться мнения об этносе как о сугубо социальной общности, по-видимому, из-за боязни быть обвиненными в биологизаторстве. Вероятно, в этом состояла одна из причин, из-за которой вопросы влияния популяционного фактора на социально-политические процессы в этих работах почти не затрагивались.

Л. Н. Гумилев, создатель пассионарной теории этногенеза, рассматривал этнос как биосоциальную общность, на развитие которой влияют и социальные, и природные (в том числе биологические) факторы. Одно из основных положений этой теории формулируется следующим образом: «... Этноты являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку»³. Л. Н. Гумилев исследовал влияние этногенетических факторов (одним из которых является популяционный фактор) на политические процессы, в том числе и в их конфликтологическом аспекте⁴. Как справедливо пишет К. Э. Аксенов, «теория этногенеза во многом базируется на анализе (и попытках объяснения. — Р. С.) именно политических явлений и процессов: войн, переворотов, государственного строительства, господства и подчинения и т. п.»⁵. И в поисках ответа на поставленный нами вопрос было бы логично обратиться к этой концепции.

¹ См., например: *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия // Сов. этнография.— 1969.— № 6.— С. 84–91; *Обсуждение* статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия» // Там же.— 1970.— № 3.— С. 86–103; *Алексеев В. П.* О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций // Там же.— 1976.— № 4.— С. 114–131; *Денисова Р. Я.* Популяционно-антропологический аспект этногенеза // Там же.— 1987.— № 6.— С. 37–50.

² См., например: *Алексеев В. П.* Историческая антропология.— М., 1979; *Его же.* Этногенез.— М., 1986; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография.— М., 1973; *Мархинин В. В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса.— Томск, 1989.

³ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли.— Л., 1990.— С. 227.

⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Указ. соч.; *Его же.* Этносфера: история людей и история природы.— М., 1993; *Его же.* Конец и вновь начало.— М., 1994.

⁵ *Аксенов К. Э.* Идеи Л. Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографичес. обозрение.— 2006.— № 3.— С. 46.

Необходимо, однако, признать, что Л. Н. Гумилеву не удалось убедительно обосновать положения своей теории, что вызвало ее обоснованную критику¹. Наибольшие возражения вызывает гипотеза Л. Н. Гумилева о мутационном генезисе пассионарности. Как пишет, например, П. В. Турчин, детали этой гипотезы «...основаны на явлениях, неизвестных или категорически противоречащих современной науке»². Задача, очевидно, заключается в том, чтобы связать феномен пассионарности с хорошо известными современной науке явлениями.

По нашему мнению, в основе этого феномена лежит явление гетерозиса, или гибридной силы. Как известно, гетерозис — это свойство гибридов первого поколения превосходить по жизнестойкости, плодовитости и другим признакам лучшую из родительских форм; у животных гетерозис наблюдается, например, при межпородном скрещивании. По-видимому, именно понятие жизнестойкости (жизнеспособности), определяемое как способность организма выживать и давать потомство при неблагоприятных условиях внешней среды, составляет биологическую основу понятия пассионарности. В человеческом обществе жизнеспособность приобретает социальный смысл. Жизнеспособный в социальном смысле человек и является пассионарием, способным достигать поставленных целей, стойко преодолевая возникающие при этом трудности.

Любой суперэтнос состоит из людей, относящихся к разным антропологическим, а иногда и расовым, типам. Можно думать, что пассионариями является некоторая часть детей, рожденных в смешанных в расово-антропологическом смысле браках. Таким образом, источником пассионарности служит биологическая энергия гетерозиса, имеющая своей основой расово-антропологическую неоднородность суперэтнуса.

П. В. Турчин отмечает и положительные стороны теории Л. Н. Гумилева. Среди них наиболее плодотворной он считает

¹ *Обзор* критики концепции Л. Н. Гумилева и ее основные направления см.: *Кореняко В. А.* К критике концепции Л. Н. Гумилева // *Этнографическое обозрение*. — 2006. — № 3. — С. 50.

² *Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории: пер. с англ. / под общ. ред. Г. Г. Малинецкого и др. — М., 2007. — С. 84.

гипотезу о существовании тесной связи между судьбой государства и его этнического ядра, т. е. этния и полития, возможно, составляют одно динамическое целое. Это позволяет рассматривать формирование государства и этногенез как два аспекта единого динамического процесса¹. Можно назвать этот единый процесс этнополитогенезом, подразумевая под этим термином коррелированность процессов этно- и политогенеза.

Гипотеза о существовании единого процесса этнополитогенеза позволяет по-новому взглянуть на генезис масштабных этнополитических и вообще социально-политических конфликтов. Согласно Л. Н. Гумилеву, фазы этногенеза переходят одна в другую через так называемые фазовые переходы, которые всегда являются глубоким кризисом², для которого характерно обострение всех внутренних конфликтов, часто принимающих вооруженный характер. Также «этнос, меняющий фазу развития, легко уязвим и может стать жертвой соседа, если тот достаточно пассионарен»³. Принимая во внимание сформулированную гипотезу, глубокий кризис и уязвимость по отношению к внешним ударам структурообразующего этноса означают ослабление его государства, которое в период фазовых переходов также находится в глубоком кризисе. Но почему наступает фазовый переход? Л. Н. Гумилев в своих работах не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос.

Кроме пассионариев он выделяет в структуре этноса еще два энергетических типа: гармоничных людей и субпассионариев. По Л. Н. Гумилеву, этническая система становится восприимчивой к ударам извне, когда во время смены фаз нарушается оптимальное соотношение между энергетическими типами членов этноса⁴. При наличии же этого оптимального соотношения, что, очевидно, характерно для фаз этногенеза, «система почти неодолима». Это означает, что фазы этногенеза в отличие от фазовых переходов являются устойчивыми состояниями, для кото-

¹ См.: Турчин П. В. Указ. соч.— С. 84–85; 124.

² См.: Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Горе от иллюзий // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации.— М., 1993.— С. 181.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.— С. 385.

⁴ Там же.— С. 404.

рых характерны отсутствие масштабных внутренних смут и успешная внешняя экспансия государства. Итак, сформулированный вопрос перешел в следующий: почему происходит нарушение оптимального соотношения энергетических типов в структуре суперэтнуса, которое ведет к началу фазового перехода?

В конце каждой фазы антропологическая гомогенность (однородность) большей части составляющих суперэтнос этнических общностей достигает максимальной величины (особенно это справедливо для входящих в одну этническую общность пространственно близких популяций). Связано это с тем, что браки на протяжении фазы заключаются в основном в пределах этих общностей. Сказанное, хотя и в существенно меньшей степени, справедливо и в отношении различных социальных слоев и групп (особенно для правящего слоя). Сравнительно малая проницаемость генетических барьеров, разделяющих этнические общности, способствует увеличению степени антропологической гетерогенности части составляющих эти общности популяций. Можно думать, что в конце фазы антропологическая гетерогенность популяций, занимающих противоположные края суперэтнического ареала, а также антропологическая гетерогенность различных социальных групп (прежде всего правящей элиты и маргинальных слоев) становятся максимальными.

Характерное для конца фазы заключение браков преимущественно внутри этнических общностей и социальных групп при максимальной степени их антропологической гомогенности ведет к тому, что в конце фазы доля пассионариев среди новорожденных детей достигает минимального значения. Соответственно доли гармоничных людей и, вероятно, субпассионариев увеличиваются. В определенном этническом возрасте суперэтнуса, соответствующем окончанию фазы (началу фазового перехода), доля пассионариев в целом по суперэтносу становится ниже оптимального значения, доля субпассионариев — выше оптимального значения. Это означает начало фазового перехода и связанного с ним «глубокого кризиса».

Как отмечает Н. Н. Чебоксаров, в периоды социально-политических катаклизмов происходят усиление миграционной активности населения, социальная и этническая перетасовка населения, изменение политических границ, возрастают межэтни-

ческие и межрасовые контакты, рушатся генетические барьеры¹. Так, усиление миграционной активности населения и разрушение генетических барьеров ведут к резкому возрастанию количества брачных и случайных половых связей между представителями разных этнических общностей и социальных групп, различающихся между собой в расово-антропологическом плане значительно, чем члены одной этнической общности или одной социальной группы. Вследствие явления гетерозиса это приводит к тому, что в суперэтнотипе в данный период увеличивается число родившихся детей-пассионариев. Через поколение (18–19 лет), когда эти пассионарии станут взрослыми и вступят в социальную жизнь, доля пассионариев не только достигнет оптимального для следующей фазы уровня, но и начнет его превышать. Возникший излишек пассионариев может привести к началу новых смут.

Описанный механизм лежит, по-видимому, в основе существования в мировой истории так называемых пассионарных волн — однопоколенных (18–19-летних) циклов эскалации политических конфликтов².

Таким образом, влияние популяционного фактора на генезис и течение политических конфликтов имеет место быть. Разумеется, было бы недопустимым редукционизмом видеть генезис политических конфликтов в действии только популяционного фактора. Однако и не учитывать его нельзя. По нашему мнению, конфликт вообще и этнополитический конфликт в частности есть результат сложного взаимодействия социально-политических и популяционного факторов.

¹ Чебоксаров Н. Н. О специфике расообразования у человека // Сов. этнография.— 1976.— № 4.— С. 142.

² См.: Сайфуллин Р. Г. Этнополитические конфликты: популяционный аспект генезиса: дис. ... канд. полит. наук / Казан. гос. энергет. ун-т.— Казань, 2004.

Сергей Кузнецов

доцент кафедры информатики и математики
Сибирской академии государственной службы
кандидат физико-математических наук, доцент

Новосибирск, Россия

АНАЛИЗ КРИТИЧЕСКИХ ТОЧЕК В РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Конкуренция наследий и внутренняя борьба наследия в этносе являются стабилизирующими факторами развития этноса. Однако застой в создании и модернизации наследия, нелинейный рост хаоса в зависимости от объема наследия являются дестабилизирующими факторами¹.

Культурные образцы вместе с информацией и генной информацией образуют наследие этноса.

Под наследием понимаются только те наследуемые или передаваемые сообщения, культурные образцы и генное здоровье этноса, которые уменьшают неопределенность (т. е. энтропию) у получателя наследия.

Энтропию в этносе обозначим S , наследие — n . Пусть $k_1(S)$, $k_2(S)$ — коэффициенты прироста энтропии и наследия; $L_1(S)$ — коэффициент изменения энтропии в результате влияния наследия; $L_2(n)$ — коэффициент амортизации наследия². Рассмотрим следующую модель:

$$\begin{aligned}\frac{dS}{dt} &= k_1(S)S - L_1(S)n, \\ \frac{dn}{dt} &= k_2(S)n - L_2(n)n.\end{aligned}\tag{1}$$

¹ См.: Кузнецов С. Б. Управление процессом этногенеза // Вестн. БГУ. Сер. 13. Математика и информатика.— 2008.— Вып. 9.— С. 156–168.

² Кузнецов С. Б. Моделирование процесса этногенеза: материалы Международ. науч.-практ. Интернет-конференции «Общество и этнополитика».— Новосибирск, 2008.— С. 73–78.

Функцию $L_1(S)$ будем также называть функцией реакции этноса на возникшую проблему, а $k_2(S)$ — функцией энтропии, показывающей реакцию окружающей среды на вмешательство человека¹.

Рассмотрим частный случай системы (1) (модель Холлинга)² с $k_1(S) = -ES + A$, $L_1(S) = \frac{BS}{1 + pS}$ и $k_2(S) = \frac{DS}{1 + pS}$, $L_2(n) = C + Mn$.

Анализ этой модели наиболее исчерпывающе проведен в работе А. Д. Базыкина³.

$$\begin{aligned} \frac{dS}{dt} &= (A - ES)S - \frac{BS}{1 + pS}n, \\ \frac{dn}{dt} &= \frac{DS}{1 + pS}n - (C + Mn)n. \end{aligned} \quad (2)$$

Полученная система для различных параметров A , E , D , p , C , M и B позволяет полностью описать все этапы развития этноса в терминологии Л. Н. Гумилева⁴.

Особенностью этой модели является учет поведения коэффициентов при больших значениях энтропии. Слагаемое $\frac{BSn}{1 + pS}$ показывает скорость уменьшения хаоса в этносе под воздействием наследия, а слагаемое $\frac{DSn}{1 + pS}$ — скорость роста наследия при решении проблем этноса. Обе величины ограничены при росте энтропии в этносе⁵.

¹ Кузнецов С. Б. Моделирование этногенеза: материалы III Всерос. конф. «Математика, ее приложения и математическое образование». — Улан-Удэ, 2008. — С. 183–187.

² Holling C. S. The components of predation as revealed by a study of small mammal predation of the European pine sawfly // Canadian Entomologist. — 1959. — Vol. 91. — P. 293–320.

³ См.: Базыкин А. Д. Биофизика взаимодействия популяций. — М.: Наука, 1983. — 181 с.

⁴ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — 527 с.

⁵ См.: Кузнецов С. Б. Управление процессом этногенеза... — С. 156–168.

Количество параметров системы уменьшим, заменив переменные:

$$n \rightarrow (A/D) n; S \rightarrow (A/D) S; t \rightarrow (1/A) t; \gamma = c/A; \alpha = pD/A; \varepsilon = E/D; \mu = M/B.$$

В новых безразмерных переменных система зависит от четырех параметров и имеет вид:

$$\begin{aligned} \frac{dS}{dt} &= (1 - \varepsilon S)S - \frac{S}{1 + \alpha S} n, \\ \frac{dn}{dt} &= \frac{S}{1 + \alpha S} n - (\gamma + \mu n)n. \end{aligned} \quad (3)$$

Для полного исследования необходимо разбить четырехмерное пространство параметров на области с различным типом динамического поведения, т. е. построить параметрический, или структурный портрет системы. Затем надо построить фазовые портреты для каждой из областей параметрического портрета и описать бифуркации, происходящие с фазовыми портретами на границах различных областей параметрического портрета. Полный параметрический портрет строится в виде набора «срезов» (проекций) параметрического портрета малой размерности при фиксированных значениях некоторых из параметров системы.

Параметрический портрет системы (3) при фиксированных γ и малых ε содержит 10 областей с различным типом поведения траекторий (рис. 1)¹.

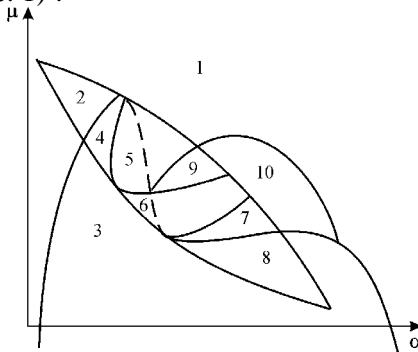

Рис. 1. Параметрический портрет системы (3) при фиксированных γ и малых ε

¹ Базыкин А. Д. Биофизика взаимодействия популяций...— 181 с.

На плоскости параметров (α, μ) интегральные кривые могут иметь на фазовом портрете седлоузлы, устойчивые и неустойчивые узлы, седла и предельные циклы.

В системе возможны:

- одно устойчивое равновесие (области 1 и 5);
- один устойчивый предельный цикл (области 3 и 8);
- два устойчивых равновесия (область 2);
- устойчивый предельный цикл и неустойчивое равновесие внутри него (области 6, 7, 9 и 10);
- устойчивый предельный цикл и устойчивое равновесие вне цикла (область 4).

В параметрических областях 7, 9, 10 область притяжения B_2 равновесия ограничивается неустойчивым предельным циклом, лежащим внутри устойчивого. Наиболее интересно устроен фазовый портрет, соответствующий области 6 на параметрическом портрете. Детально он изображен на рис. 2¹.

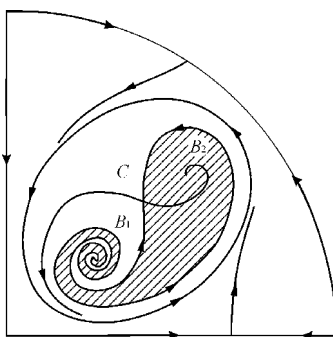

Рис. 2. Фазовый портрет системы (3) для параметрической области 6

Особый интерес для практики представляет, конечно, выработка критериев близости этнической системы к бифуркационным границам. Действительно, историкам хорошо известно свойство «буферности», или «гибкости» процессов этногенеза. Этими терминами обычно обозначают способность этнической

¹ Базыкин А. Д. Указ. соч.— 181 с.

системы как бы поглощать внешние воздействия. Пока интенсивность внешнего воздействия не превышает некоторой критической величины, поведение этнической системы не претерпевает качественных изменений. На фазовой плоскости это соответствует возвращению системы (3) в устойчивое состояние равновесия или на устойчивый предельный цикл, параметры которого немного отличаются от первоначального. Когда же интенсивность воздействия превышает допустимую, этническая система «ломается», переходит в качественно иной режим динамического поведения (например, этнос гибнет или переходит на новую фазу развития). Это явление соответствует бифуркационному переходу.

Так, в основе всех «оранжевых революций» лежит переход этноса через критическую точку своего развития. В этот период обостряются внутри- и межэтнические конфликты. Перед этносом возникает проблема выбора дальнейшего пути развития, т. е. возникает точка бифуркации.

Существуют общие закономерности оценки точки бифуркации этнической системы:

— Стихийные уличные акции. Народ выйдет на улицу только тогда, когда появится реальная возможность смены власти.

— Потеря доверия населения к власти. В Грузии накануне «революции роз» президенту Э. Шеварднадзе не доверяли около 75 % населения. В Украине в марте 2004 г. численность населения, не доверяющего правительству и Верховной Раде, превышала число доверяющего населения на 39 %. У президента этой страны такой показатель составил 41 %. Нечто подобное снова происходит в перечисленных странах.

— Наличие широкой коалиции разнообразных политических сил против существующей власти. Студенты и предприниматели, «западэнцы» и крымские татары, националисты и социалисты составляли социальную базу «оранжевой революции» в Украине.

— Наличие во главе оппозиционной коалиции авторитетного лидера. Причем, как показал опыт Украины (а ранее — Югославии), необязательно, чтобы он обладал очень большой личной харизмой. Главное, чтобы он годился на роль символа перемен. Недостатки лидера могут быть компенсированы

ближайшим окружением, вторыми, третьими номерами в оппозиционной иерархии. В грузинской «революции роз» «отвязанность» народного трибуна Михаила Саакашвили компенсировалась умеренностью людей системы З. Жвания, Н. Бурджанадзе. В Украине, наоборот, недостаточную харизматичность и радикализм Виктора Ющенко удачно дополняла пассионария «оранжевой революции» Юлия Тимошенко.

— Номенклатура и силовые структуры в ситуации, когда оппозиция демонстрирует силу и исход противостояния не ясен, колеблются, стремятся сохранить нейтралитет и, в конце концов, переходят на сторону сильнейшего.

Таким образом, революционные преобразования не являются целью сами по себе, а только временным экстремальным средством для обеспечения дальнейшего повышения обобщенной негэнтропии этнической системы.

Как было отмечено, каждый тип бифуркационных переходов имеет свои отличительные особенности, позволяющие судить об опасности такого перехода для этноса. Приведем некоторые общие критерии, свидетельствующие о приближении к опасной границе, но критическая точка находится еще относительно далеко. Если при уменьшении наследия или усилении хаоса происходит «застывание» этнической системы вблизи неустойчивой седловой точки, что выражается в очень медленном процессе установления порядка внутри этноса, слабым развитием культуры, низким уровнем образованности членов этноса, то это значит, что система находится вблизи критической границы. Индикатором опасности служит также изменение формы колебаний объема наследия и хаоса. Если колебания, близкие к гармоническим, становятся релаксационными, причем амплитуда колебаний увеличивается, то это может привести к потере устойчивости этнической системы и уничтожению этноса.

При значениях параметров, лежащих в области 2, на фазовом портрете процесса этногенеза имеются два устойчивых равновесия B_1 и B_2 , области притяжения которых разделены сепаратрисой седла C (см. рис. 2). Точка B_1 обозначает равновесие, в котором объемы наследия и энтропии взаимно регулируют друг друга. Если устремить в системе (3) $\varepsilon \rightarrow 0$, то равновесный объ-

ем наследия $n(B_2) \rightarrow n_{\max} = \frac{1}{\mu} \left(\frac{1}{\alpha} - \gamma \right)$, где $1/\alpha$ — максимальная скорость прироста наследия в отсутствии амортизации и при возможности решить все стоящие перед этносом проблемы; $\frac{1}{\alpha} - \gamma$ — максимальная скорость роста наследия этноса с учетом амортизации; μ — темп роста наследия этноса, ограниченный только возможностями ландшафта. В целом величина n_{\max} — потенциальный объем наследия этноса. При $\varepsilon \rightarrow 0$ равновесный объем энтропии в этносе $S(B_2) \rightarrow \frac{1}{\varepsilon}$, т. е. к максимальному объему. Таким образом, в равновесии B_2 энтропия лимитируется не наследием, а некоторыми внешними факторами (враждебный этнос, природные катастрофы и т. п.), наследие же лимитируется возможностями ландшафта, вмещающего этнос.

Поведение процесса этногенеза при значениях параметров, лежащих в области 4, подобно поведению в области 2, но отличаются тем, что объемы наследия и энтропии этноса взаимно ограничивают друг друга, находятся не в стационарном состоянии, а в автоколебательном режиме сосуществования, соответствующем устойчивому циклу вокруг равновесия B_1 .

Интерпретация поведения системы при возмущении равновесия B_1 в зависимости от значений параметров и начальных условий допускает три типа функционирования:

— неограниченный рост энтропии и асимптотическую стабилизацию наследия на уровне $n(B_2) \rightarrow n_{\max} = \frac{1}{\mu} \left(\frac{1}{\alpha} - \gamma \right)$;

— устойчивое равновесие между наследием и энтропией в автоколебательном режиме;

— устойчивый предельный цикл.

При значениях параметров в областях 1 и 5 процесс этногенеза не зависит от начальных условий: энтропия всегда неограниченно растет. При значениях параметров, лежащих в областях 2 и 3, фазовое пространство процесса этногенеза распадается на две части: область притяжения устойчивого равновесия, или устойчивого предельного цикла, и область притяжения бес-

конечно удаленной точки, соответствующей неограниченному росту энтропии. Естественно интерпретировать область начальных условий, при которых процесс этногенеза сколь угодно долго остается в конечной части плоскости, как область нормального развития этноса, а границу этой области в фазовом пространстве — как «опасную» для нормального развития этноса. Следовательно, нарастание энтропии в этносе указывает на опасность для его нормального функционирования.

В заключение представим следующие результаты исследований:

1. Этнос может находиться в устойчивом состоянии при различных значениях параметров, не принадлежащих даже одной области.

2. Возможна необратимость некоторых качественных перестроек режимов функционирования этноса при изменении условий.

3. Существуют безгистерезисные автоколебания большой амплитуды при изменении условий жизнедеятельности этноса.

Алина Молдокеева

*заведующая отделом международных и внешних связей
Академии управления при Президенте Кыргызской Республики*

Бишкек, Кыргызская Республика

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС СОВРЕМЕННОСТИ

В конце XX столетия мир пережил некий критический период, который определяется как «точка бифуркации», «переходный возраст», эпоха неопределенности, переломности¹. Речь идет о периоде, когда происходят качественные изменения, трансформирующие саму суть политической системы мира. Г. Киссинджер пишет, что мировой порядок и его составные части никогда еще не изменялись так быстро, глобально и глубоко как сегодня². Согласно другим представлениям развитие мира идет неким эволюционным путем, не предполагающим резких скачков и поворотов.

Понятие суверенитета также постоянно эволюционировало, развивалось, обогащалось новыми смыслами. Идея суверенности, предложенная французским политическим мыслителем Жаном Боденом³ в качестве оправдания централизации власти в раздробленных феодализмом княжествах, оказалась

¹ См. в: *Rosenau J. N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity.*— Princeton, 1990; *Rosenau J. N. New Dimension of Security: The Interaction of Globalizing and Localizing Dynamics // Security Dialogue.*— 1994.— Vol. 25. — Sept.— P. 95–120; *Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю.* «Переходный возраст» современного мира // *Международ. жизнь.*— 1999.— № 10.— С. 46–63.

² См: *Kissinger H. How to Achieve the New World Orde.*— N.-Y., 1994.— P. 14.

³ Жан Боден — французский политический мыслитель, теоретик естественного права, юрист. В сочинении «Шесть книг о республике» (1576) отрицает божественное происхождение власти монарха и, следовательно, обосновывает идею конституционной монархии и принцип неделимости государственного суверенитета. Кроме того, он защищает веротерпимость.

востребованной философами международного права, которые выработали принцип неприкосновенности [внутреннего] суверенитета, т. е. невмешательства одного государства в дела другого. Более того, по Моргентау, внешняя политика государств, как вообще любая политика, является борьбой за власть. И какими бы ни были цели международной политики, стремление к власти всегда в них присутствует в качестве основного мотива¹.

Среди тенденций современности, которые воздействуют на политическую структуру мира, называются такие, как демократизация, усиление взаимозависимости, изменение характера угроз миру, демилитаризация планеты, образование некоего глобального экономического организма, интеграционные процессы и т. п. Из всего многообразия тенденций выделим две наиболее существенные: 1) развитие процессов глобализации, проявляющихся прежде всего в размывании межгосударственных границ; 2) увеличение количества различных акторов на мировой сцене и изменение их характера².

Считается, что эта государственно-центристская модель стала разрушаться к концу XX в. Впрочем существуют возражения и по этому тезису: данная модель мира сохраняется, ибо сохраняются границы; количество государств не уменьшается, а возрастает; увеличиваются их возможности воздействия на своих граждан: государства сами активно создают международные институты и режимы; нет такого актора, которому могут быть переданы все властные полномочия государства и т. п.

Конец XX в. привел еще к одному кризису — кризису Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений³. Эта система была вариантом межгосударственного взаимодействия и в данном смысле являлась частью Вестфальской модели. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, воз-

¹ См.: *Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace.* — N. Y., 1985.

² См.: *Лебедева М. М.* Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // *Полис.* — 2000. — № 6. — С. 40.

³ См.: *Цыганков П. А.* Глобальные политические перемены и язык теории // *Глобал. социал. и полит. перемены в мире.* — М., 1997.

никшая после окончания Второй мировой войны, была ориентирована на биполярную структуру мира. В данном контексте реально говорить об исчезновении и самой Ялтинско-Потсдамской системы еще в конце 1980-х — начале 1990-х г. В то же время остались ее элементы, в частности и те, которые закреплены международными договорами, что является неким стабилизирующим элементом современных международных отношений. Процесс ломки Вестфальской модели мира и Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в неодинаковой степени и по-разному охватывает страны и регионы. В результате, как замечает Розенау, в настоящее время наряду с системами, в которых активно действуют негосударственные и надгосударственные акторы, образующие «многоцентричный мир», существует и «государственно-центричный мир»¹. Новый мировой порядок, приходящий на смену биполярной системе периода холодной войны, характеризуется не только появлением новых экономических сил, крушением старых империй и дискредитацией коммунизма, но и возрождением местной идентичности, основанной на этнических и религиозных приверженностях, тенденций к децентрализации и партикуляризации. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за послевоенные десятилетия значительно увеличилось количество независимых государств, признанных полноправными членами международного сообщества.

Суверенитет как одна из ключевых категорий политической науки и международного права переживает период переосмысления, уточнения своего значения. В рамках Европейского Союза и ряде других частей мира государство переживает серьезные и, по всей видимости, необратимые трансформации, уступая политическое пространство новым формам политической самоорганизации и организации. Так или иначе ставится под вопрос самоценность и автономность суверенитета, который всегда оставался производным от государства. Традиционные взгляды на суверенитет тоже широко представлены. Ка-

¹ *Rosenau J. Pre-Theory Revised: World Politics in an Era of Cascading Interdependence // International Studies Quarterly.* — 1984. — № 1. — P. 126.

кой из подходов — консервативный или ревизионистский — окажется правильным, покажут время и опыт развития новых политических форм. И все же, если под суверенитетом понимать явление, называемое Д. Краснером «вестфальским» суверенитетом, т. е. политическую организацию, основанную на том, что внешние акторы фактически не могут воздействовать на внутреннюю политику или могут, но очень ограниченно. Исследователь предлагает рассматривать суверенитет в четырех ипостасях: 1) внутренний суверенитет как принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества; 2) суверенитет взаимозависимости (*interdependence sovereignty*), позволяющий контролировать трансграничные передвижения; 3) международный правовой суверенитет, утверждающий равноправие государств на международной арене; 4) «вестфальский» суверенитет, запрещающий внешним акторам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства¹ (такой суверенитет, и правда, стал размываться).

Однако государство, которое сегодня, как уже отмечалось, остается главным актором на мировой сцене, может в современных условиях действовать по-разному. Одним из путей является возможность использовать экономические, правовые рычаги и совместно с другими акторами (надгосударственными и негосударственными) «выстраивать» новую модель мира. Проблем на этом пути немало. Например, возникает сложность построения взаимоотношений государственных и негосударственных организаций². И здесь не все зависит только от государств. Очевидно, что помимо суверенных национальных государств активными субъектами международных отношений являются разного рода транснациональные акторы в лице различных организаций, объединений, институтов, оказывающие влияние на характер и тенденции развития международных отношений.

¹ См.: *Stephen D. Krasner. Sovereignty. Organized Hypocrisy. Princeton.*— Princeton University Press, 1999; *Problematic Sovereignty / S. D. Krasner (ed.).*— N. Y.: Columbia University Press, 2001.

² *Mathews J. Power Shift // Foreign Affairs.*— 1997.— Vol. 76, № 1.— P. 86.

Значительную роль приобретают транснациональные корпорации, которые существенно влияют на характер функционирования и тенденции развития мирового сообщества. Часто принимаемые в штабах транснациональных корпораций решения сказываются на жизни граждан отдельных стран в большей степени, чем решения, принимаемые правительствами этих стран. Такие организации, объединения, корпорации способствовали разработке и утверждению комплекса правил поведения различных государств в рамках мирового сообщества. Они определяют принципы сотрудничества и разрешения конфликтов, предотвращения войны и обеспечения глобального экономического роста. Новые акторы нередко ведут себя довольно агрессивно и вовсе необязательно ориентированы на отношения сотрудничества. В рассматриваемом контексте особое значение имеет тот факт, что большинство транснациональных акторов, не обладающих суверенитетом, за исключением военных блоков, не располагают официально признанными легитимными инструментами насилия. У них нет территории, нуждающейся в защите, поскольку границы, отделяющие их от окружающей среды, носят абстрактный характер и зависят от экономической деятельности и социальных связей¹. Но тем не менее этих акторов нельзя недооценивать. Верно, что они ослабляют власть государства и поэтому считается, что наносят еще один удар силовой политике. При определенных условиях они способны выйти из-под контроля, проигнорировать правила подотчетности и законности и тем самым превратиться в мощную анонимную власть, подчинившую себе общество и рядовых граждан. При таком положении может создаться ситуация, при которой чуть ли не единственной инстанцией, к которой может обратиться рядовой гражданин, останется национальное государство.

Кроме того, расширяя толкование угроз международному миру и безопасности, предпринимаются попытки пересмотра критериев вмешательства во внутренние дела того или иного

¹ См.: Кулагин В. М. Формирование новой системы международных отношений // Современ. междунар. отношения.— М., 1998.

государства. Особую значимость приобретает так называемое «право на вмешательство», согласно которому одно государство (или группа государств) вправе вмешиваться во внутренние дела другого государства в силу нарушения им прав своих граждан, бессилия его властей остановить начавшуюся гражданскую войну и т. д. Одним из трудноразрешимых в данном контексте является вопрос о согласии властей страны-объекта вмешательства на проведение акций ООН, других международных организаций, отдельных стран или группы стран. В самом деле, это так, но со времен «вестфальских» установлений вмешательство во внутренние дела все равно «в норме» считалось «незаконным» и допускалось как некое исключение, временное отступление от правил. В этом смысле международная среда 1990-х гг. принесла радикальные перемены: вмешательство в дела других стран стало представляться как новая норма поведения — правило, которое с полной серьезностью претендует на роль универсального, к тому же подкрепленного мощной военной силой такой организации, как НАТО.

Почти все 1990-е гг. прошли под знаком легитимизации того, что с точки зрения «вестфальских» норм было ни чем иным, как нелегитимным вторжением в сферу исключительной внутренней компетенции суверенного государства.

Сегодня каждая страна старается разработать собственное понимание нового мирового порядка, найти свое место во взаимозависимой структуре мирового сообщества. В этом плане монополия на легитимное насилие сохраняется за государствами, за исключением тех случаев, когда по взаимному согласию они делегируют такую власть для выполнения специальных, строго оговоренных операций той или иной международной организации, например ООН. Принцип равногo суверенитета ООН резервирует за каждым государством как равноправным членом международного сообщества право не признавать любые решения, которые они не поддерживают. Разумеется, в современном мире множество проблем и спорных вопросов, возникающих между двумя государствами, решаются путем переговоров непосредственно представителей этих государств. Но все большее значение приобретает коллек-

тивная дипломатия, дипломатия конференций, которая становится особенностью не только деятельности ООН, но и других международных организаций. Очевидно, что по мере интенсификации процессов интернационализации и взаимозависимости значение дипломатии конференций будет возрастать. Однако нет никаких серьезных оснований утверждать, что народы и государства уступят свою независимость и право самим решать свои проблемы какой-то абстрактной наднациональной, надгосударственной бюрократии.

Резюмируем, что мы находимся на пути, ведущему к транснациональному миру, в котором государства и народы сохранят за собой существенную роль, прерогативы и функции.

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И МИРЕ**

Александр Гронский

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного университета
информатики и радиоэлектроники
кандидат исторических наук, доцент*

Минск, Белоруссия

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Белорусские исследователи, отчасти выполняя государственный заказ, отчасти действуя по собственным политическим убеждениям, пытаются сконструировать белорусскую субъектность в каждом моменте исторического процесса. И если с современностью все понятно — сейчас существует белорусское государство, признанное в мире и входящее в ООН, то с прошлым возникает ряд проблем. И самая главная проблема — это найти место белорусов в истории. На повестке дня стоит вопрос, кого считать белорусом и что считать Белоруссией. Начиная с 1910 г. появляются книги, в названии которых присутствует словосочетание «История Белоруссии», т. е. Белоруссия выступает самостоятельным объектом исследований. А если у Белоруссии есть история, значит она как-то участвовала в историческом процессе, т. е. у нее априори появляется некая субъектность. Если сравнивать преподающуюся сейчас дисциплину — историю Белоруссии — и дисциплину, преподававшуюся в советское время — историю СССР, то можно найти общие черты — оба названия появились гораздо позже того, что мы подразумеваем под их историей. Но если никто из советских авторов не писал о советском государстве Урарту или первых захоронениях советских неандертальцев, то в случае с белорусской историей такое наблюдается. Так, в одной из книг встречаем:

«Корни белорусской нации простираются в глубокую древность. Белорусы принадлежат к древним народам Европы.

Первые люди на современной территории нашей страны появились приблизительно 100 тысяч лет назад. Это были неандертальцы...»¹.

Складывается впечатление, что именно неандертальцы и занесли сюда «корни белорусской нации». Вот так начинается история «древнего народа Европы». Вообще, у белорусских ученых присутствует интересный исследовательский метод, который можно назвать белорусоморфизмом. Белорусоморфизм — это метод наделения нормативными белорусскими чертами лиц, не связанных напрямую с участием в белорусском национальном проекте (например, великих князей литовских). Вследствие этого данные лица воспринимаются как белорусы или действующие с точки зрения пользы для белорусов. Тот же белорусоморфизм характерен и для определения государственных образований (например, «Великое Княжество Литовское — это средневековое Белорусское государство»²), и для определения политических событий (например, «белорусы силой успокоили бунт в Жмуди и Аукшайтии»³). Таким образом конструируется некая белорусская реальность, которая со страниц учебников и научной литературы попадает к конечному потребителю внешне научного, но идеологического по сути продукта, создавая представление о белорусской субъектности в истории.

Белорусские элиты, возникшие после распада СССР, должны были легитимировать свое нахождение у власти, поэтому для оправдания естественности и логичности этого была использована историческая наука. Ведь «отношение к истории является важнейшим ценностным механизмом в руках этнических антрепренеров, которые все чаще мифологизируют, героизируют и манипулируют ею»⁴. История для изобретения субъектно-

¹ *Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы*. — Мінск: Медисонт, 2006. — С. 3.

² *100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі*. — Мінск: Рэд. газ. «Звязда», 1993. — С. 26.

³ *Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сямга: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі*. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — С. 34. События «успокоения бунта» относятся к 1290-м гг.

⁴ *Савинов Л. В. Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе*. — Новосибирск: СибАГС, 2005. — С. 81.

сти была нужна еще и потому, что Белоруссия по некоторым признакам напоминала Молдавию, которая «в ее нынешнем виде никогда не была независимым государством. Поэтому историческую память народа [...] невозможно было поставить на службу национальной идее»¹. Отсюда проблема — надо было не восстанавливать независимость, а обретать ее. Для нормального протекания процесса необходимо, чтобы старый базовый миф разрушился, но одновременно произошло замещение новым мифом. Новый устойчивый миф в Белоруссии так и не появился. Идеология белорусского государства, существующая сегодня, в основном сконцентрирована на достижениях современности и не очень сильно обращает внимание на прошлое. Поэтому и появляются заявления такого толка: «сегодня беларусы² возрождают свою государственность и культуру, чему мешают мифы, навязанные царскими и коммунистическими идеологами»³. Говорить о возрождении, значит подразумевать свою субъектность в прошлом, именно поэтому миф о белорусском возрождении поддерживается всеми возможными способами, вплоть до почти большевистских обвинений критиков белорусской мифологии в великодержавном шовинизме. Что интересно, ленинская терминология до сих пор в ходу у белорусских националистов, которые от нее не собираются отказываться.

Пожалуй, самым важным моментом конструирования белорусской субъектности является доказательство существования белорусов как самостоятельной этнокультурной единицы в максимально отдаленных от современности хронологических отрезках. Почему именно белорусы, а не белорусское государство является ценностью, объяснить достаточно легко. Ведь если воспринимать как ценность первостепенной важности государ-

¹ Михайлов В. А. Субъективные основы национального движения. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — С. 14.

² *Писать* по-русски с грамматическими ошибками — это новая мода белорусской историографии; она еще не так широко распространена, но тенденция уже есть. Начало положил 1991 г., когда появилось первое слово с грамматической ошибкой — *Беларусь*. Сейчас можно встретить слова *беларусы* и *беларуский*.

³ *История имперских отношений: беларусы и русские, 1772–1991* / сост. А. Е. Тарас. — Минск: А. Н. Вараскин, 2008. — 608 с.

ство, то при его отсутствии теряется субъектность, а если перво-степенной важностью является народ, тогда можно попытаться доказать, что он существовал, но находился в подчинении у соседей, поэтому и не имел своего государства.

Для обоснования существования древности белорусского народа используется обычный белорусоморфизм. Даже в идеологически выдержанном СССР никто не переносил современные политические реалии на прошлое. Нельзя представить себе ситуацию, когда *советский* князь Александр Невский побеждает *немецко-фашистских* псов-рыцарей на льду Чудского озера, а вот в современной Белоруссии такие аналогии появляются сплошь и рядом¹.

Сегодня нормативное восприятие белорусской истории позволяет описывать различные общности прошлого как белорусов. Подобная норма восприятия становится ценностью, так как позволяет ощущать свою сопричастность с чередой предков, которые, согласно истории Белоруссии, имели такие же, как и современные белорусы, признаки. Нормативное восприятие истории, как правило, всегда мифологизировано и подвергнуто идеологической санации, для чего отбираются нужные исторические факты, приводящие к «удлинению» истории, ее героизации, а также инструментальному использованию исторического знания в политических целях². Так, в XX в. было легитимировано существование территории под названием Белоруссия и ее населения под именем «белорусы» на протяжении нескольких столетий. Именно из XX в. и начался отсчет белорусской истории как в будущее, так и в прошлое. XX столетие смогло составить белорусскую историю на десятки веков, причем не как историю территории, а как историю этноса белорусов и государства Белоруссия.

¹ Нам приходилось слышать не только от студентов, но и от докладчиков на научных конференциях, что Республика Беларусь входила в состав СССР, а также и в состав Речи Посполитой, т. е. получается, что Республика Беларусь, объявленная только в 1991 г., существовала уже во второй половине XVI в. В 2008 г. отмечали 90-летие Вооруженных сил Республики Беларусь, в 2009 г. — 65-ю годовщину освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков. Список можно продолжать долго.

² Савинов Л. В. Указ. соч.— С. 109.

Для доказательств того, что белорусы являлись субъектом этнических и прочих отношений в далеком прошлом, современные представления о них переносятся на прошедшие эпохи. В результате возникает эффект квазисамоидентификации.

Квазисамоидентификация — это наделение своих предков чертами и самосознанием нынешней общности. Причем предки, жившие до появления данной общности, определяли себя по абсолютно другим критериям. В белорусском варианте этот механизм выглядит следующим образом: современные исследователи-белорусы, говоря о населении Полоцкой земли, Великого Княжества Литовского или Северо-Западного края Российской империи, утверждают, что это население было белорусами. Логика проста: мы белорусы, поэтому наши предки тоже белорусы. Когда белорусы определяют сами себя, это и есть самоидентификация, но поскольку «белорусы» прошлого имели совершенно другие представления о самоидентичности, то приходится признать, что современные определения их как белорусов имеют достаточно большую долю условности, т. е. предки и потомки отнюдь не одно и то же. Именно из-за большой доли условности можно сказать, что современное определение попросту конструирует представления о самоидентификации населения, жившего на конкретной территории некоторое время назад, т. е. происходит квазисамоидентификация.

Таким образом, самоидентификация — это аутентичное представление о себе, а квазисамоидентификация — это допущение того, что наше представление о чьих-то аутентичных представлениях может совпадать с этими аутентичными представлениями, т. е. мы определяем другого за него, иногда, если нам это выгодно, даже не интересуясь, как же он себя сам определяет.

Современные авторы, озабоченные созданием белорусской субъектности, постоянно подчеркивают, что население, жившее ранее на территории современной Белоруссии, имело белорусскую идентичность, хотя белорусами себя не называло. Такая же система доказательств существует и по отношению к территориям. Например, А. Котлярчук, пытаясь придать Белоруссии статус субъекта политических отношений уже в XVIII в., везде, где приводит цитаты того времени, в которых упоминается

Русь — старинный регион Великого Княжества Литовского, после слова «Русь» в скобках пишет «Белоруссия»¹. Профессор А. Ф. Смалянчук при упоминании одного из регионов Российской империи — Северо-Западного края — постоянно перед официальным названием ставит словосочетание «так называемый», предпочитая называть его Белорусско-Литовский край. Он соглашается, что этот термин является модернизацией истории, но заявляет, что официальное название несет в себе идеологическое наполнение, а также «отказывает Белоруссии право² на самостоятельный исторический путь и не признает белорусов субъектом собственной истории»³. Таким образом, создавать субъектность можно просто — переименовывать официальные названия в такие, по которым эта субъектность будет прослеживаться. По сути, тут мы сталкиваемся не сколько с изобретением субъектности, сколько с ее навязыванием.

В целом вопрос о конструировании белорусской субъектности открыт, поскольку этот процесс продолжается. Даже если просто цитировать доказательства белорусской субъектности, приводимые белорусскими историками, это займет много места и времени, а если же серьезно проанализировать явление, можно будет написать не одну монографию. Мы попытались всего лишь очертить проблему, которая еще подлежит изучению.

¹ *Котлярчук А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў.— Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. — С. 98; 99.

² *Именно* так у автора; не «отказывает в праве», а «отказывает право» (в оригинале: «адмаўляе Беларусі права на самостойны гістарычны шлях»).

³ *Смалянчук А. Ф.* Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Пьоскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864-люты 1917 г. — Мінск: Неўскі прасцяг, 2004. — С. 8.

Норайр Асратян

*заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин
НОУ ВПО Институт Управления
кандидат философских наук, доцент*

Набережные Челны, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Управление этносоциальными и этнополитическими процессами предполагает систематическое изучение их состояния и динамики. Еще в 1989 г. было проведено исследование по проблеме межнациональных отношений в г. Набережные Челны. Это был период глубоких общественных перемен, тревожных ожиданий, когда поиск новых исторических перспектив сопровождался болезненной ломкой прежних устоев, а резкий рост национального самосознания на общем фоне межнациональной толерантности нередко проявлялся в форме этнического радикализма.

Набережные Челны — монопромышленный город в Республике Татарстан с многонациональным составом, сложившимся в период строительства КамАЗа: примерно 60 % составляли русские, 30 % — татары, 10 % — представители других национальностей.

В 2006 г. проводилось новое исследование, целью которого было рассмотрение динамики изменений в общественных взглядах. В спектр изучаемых проблем в обоих исследованиях включались оценка межнациональной ситуации, отношение горожан к изучению и использованию татарского языка и др. Некоторые результаты представлены в данной статье.

В 1989 г. мнения по вопросу о том, кому следует изучать татарский язык в школах, довольно заметно разошлись как между основными национальными группами, так и внутри них. Среди респондентов татар 24,6 % считали, что это необходимо всем детям татарской национальности в обязательном порядке,

а среди русских так полагали только 9,6 %. Но больше русских (24,7 %), чем татар (17,7 %), считали, что это необходимо детям татарской национальности по желанию родителей. Большинство русских (52,3 %) склонялись к мнению, что обучать татарскому языку независимо от национальности следует вообще только по желанию родителей, но с этим соглашались 41 % татар. Наконец, 14,3 % татар были уверены, что их родной язык необходимо изучать всем детям в обязательном порядке, но так считали только 8,0 % русских. Поскольку в школах Республики с начала 1990-х гг. было законодательно закреплено обязательное двуязычие, то 2006 г. мы повторили вопрос об уровне преподавания татарского языка в школах города.

Если в 1989 г. 71,2 % татар считали, что этот уровень невысок и преподавание требует улучшения, то в 2006 г. так полагали 48,2 %. Среди русских, напротив, несколько больше стало тех, кто хотел бы улучшения качества преподавания (32,2 % — в 1989 г. и 34,7 % — в 2006 г.). Все следует оставить как есть, в 1989 г. считали 12,1 % татар, в 2006 г. — 34,7 %. Вероятно, эти данные свидетельствуют об определенной удовлетворенности состоянием дел в этой области.

В этой связи немаловажен и вопрос о практическом применении татарского языка. В 1989 г. 30,2 % татар дома говорили только по-русски, только по-татарски — 15,1 %, а использовали и русский, и татарский языки — 54,7 %. Эти данные в 2006 г. выглядели соответственно: 34,1; 18,9; 47,0 %.

С друзьями в 1989 г. только по-русски говорили 41,1 % татар, только по-татарски — 1,8 %, на обоих языках — 57,1 %. В 2006 г. данные составили соответственно: 43,3; 3,2; 53,5 %.

На работе в 1989 г. только русским языком пользовались 52,7 %, только татарским — 1,8 %, обоими языками — 45,5 %. В 2006 г. данные составили соответственно: 46,7; 2,4; 50,9 %.

В целом исследования показали, что обучение двум языкам в школе привело к большей удовлетворенности татарского населения города, но не способствовало существенному изменению в масштабах использования русского и татарского языков.

В 1989 г. ставился также вопрос о состоянии межнациональных отношений в городе. Полученные ответы вполне со-

ответствовали бурной и тревожной атмосфере того периода. Наибольшее число опрошенных (44,2 %) отмечали их обострение, 39,6 % не увидели каких-либо изменений, только незначительная доля респондентов (1,6 %) заметила их улучшение. Однако более существенным оказалось даже не само по себе данное обстоятельство, а те весьма заметные различия в оценке ситуации, которые давали национальные группы. Так, среди челнинцев русской национальности ухудшение отношений отмечали 57,5 %, среди татар — 29,5 %. Напротив, не замечали каких-либо серьезных изменений больше татар (49,9 %), чем русских (28,8 %).

Это расхождение в оценках проявилось и в объяснении респондентами того, какие именно, по их мнению, происходят перемены в национальной сфере. Половина горожан (49,2 %) увидела в происходящем расширение процессов возрождения татарского языка и культуры, но немалая часть (37,0 %) оценила перемены как рост национализма. При этом среди респондентов татар наибольшая часть (59,7 %) делала акцент на развитие своей национальности, национальной культуры, в то время как среди русской части опрошенных это объяснение фигурировало в каждом третьем ответе (33,3 %). Рост национализма в происходивших процессах были склонны видеть 14,9 % татар и 45,9 % русских.

В то же время исследование в 1989 г. показало, что речь в основном шла о различиях в оценках и менее всего о националистических стереотипах. Так, при опросе молодых челнинцев выяснилось, что при выборе друзей лишь 7,4 % из них руководствуются национальным признаком, тогда как для подавляющего большинства (81,5 %) этот фактор не имеет значения. В 2006 г. 87,3 % челнинцев высказались, что выбирают друзей не по национальному признаку.

Кроме того, в 1989 г. 61,6 % опрошенных утверждали, что не придают значения национальному составу коллектива, в котором трудятся, а еще 11,8 % хотели, чтобы их коллектив непременно был многонациональным, и лишь 15,7 % предпочитали, чтобы рядом с ними работали преимущественно представители их национальности. По результатам исследования 2006 г. эти данные выглядели соответственно: 69,3; 7,7; 16,3 %.

На вопрос о том, какие факторы следует учитывать при назначении на ответственные должности, все челнинцы русской национальности как в 1989 г., так и в 2006 г. отмечают только профессиональную компетентность. Среди татар единодушия было несколько меньше, но тем не менее многие из них (84,0 % — в 1989 г.; 81,6 % — в 2006 г.) смотрят на проблему так же, как русские. Немалая часть считает, что при назначении следует учитывать знание татарского языка (14,1 % — в 1989 г.; 17,0 % — в 2006 г.), а некоторые полагают, что должна учитываться национальность назначаемых (1,9 % — в 1989 г.; 1,4 % — в 2006 г.).

Таким образом исследования показывают не только наличие огромного позитивного потенциала межнационального взаимодействия, но и необходимость взвешенной политики в сфере управления межэтническими отношениями.

Эркинбек Рахимбаев

*доцент кафедры государственного управления
и местного самоуправления Академии управления
при Президенте Кыргызской Республики,
докторант юридического факультета
Кыргызско-Российского Славянского университета
кандидат философских наук, доцент*

Бишкек, Кыргызская Республика

СИСТЕМА НАРОДОВЛАСТИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Эффективность, стабильность и прочность общественного строя, в том числе Кыргызской Республики, в основном обеспечиваются политической системой. Она выражает интересы и волю трудящихся масс, концентрирует их опыт, разум и энергию для решения задач социально-экономического и политического развития.

Государство, каждая общественная организация имеют свои функции, свое специфическое назначение и в соответствии с ними участвуют в решении общих задач. Следовательно, между ними существуют разграничение функций и полномочий, «разделение труда», тесная функциональная зависимость, взаимодополняемость и взаимосотрудничество. Все звенья политической системы действуют в тесной взаимосвязи. Поэтому анализ политической системы предполагает рассмотрение и взаимоотношений различных ее звеньев и частей¹.

Рассмотрим процессы трансформации и демократизации политической системы в Кыргызстане.

Конституция Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики² (КАССР) 1927 г. и Конституция (Основ-

¹ *Конституция СССР: Политико-правовой комментарий.*— М.: Политиздат, 1982.— С. 21.

² *Конституция Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики / ЦГА Кыргызской Республики: ф. 21, оп. 3, д. 141.*— 19 с.

ной закон) Киргизской Советской Социалистической Республики 1937 г.¹ не применяли термина «политическая система». Эти конституции регулировали в основном устройство и деятельность Республики. В статье 2 Конституции Киргизской Советской Социалистической Республики 1937 г. отмечалась только политическая основа Киргизской ССР, которую составляли Советы депутатов трудящихся. Лишь Конституция Киргизской Советской Социалистической Республики 1978 г. законодательно закрепила термин «политическая система». В статье 6 Основного закона Киргизской ССР 1978 г. утверждалось, что «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу»².

Политическая система Киргизской ССР, как и политическая система советского общества, — это комплексы организаций, осуществляющих управление делами Киргизии и СССР. В политическую систему СССР входили: «КПСС — ядро этой системы, Советское государство — всенародная организация, общественные организации, трудовые коллективы, органы общественной самодеятельности. Такой комплекс организаций и органов именуется политической системой, потому что и в современных условиях управление делами советского общества имеет в основе политический характер»³.

В части современного периода развития Кыргызстана Н. Шукралиева пишет, что «Политическая система, формируемая в Кыргызской Республике на протяжении 16 лет, имела характер “подвижного, хаотичного” режима. Изменения и дополнения в Конституцию вносились почти через каждые 2 года (1994, 1996, 1998, 2001, 2006, 2007 гг.), и почти всякий раз ко-

¹ Конституция (Основной закон) Киргизской Советской Социалистической Республики. Принята Чрезвычайным V Съездом Советов Киргизской ССР 23 марта 1937 г.— Фрунзе: Киргизгосиздат, 1937.— 28 с.

² Конституция (Основной закон) Киргизской Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета Киргизской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 г.— Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1989. — С. 67.

³ Конституция СССР...— С. 20.

ренным образом менились взаимосвязь ветвей власти и их полномочия. Однако все эти новелизации были введены в “особенном” порядке — с нарушением конституционных процедур внесения изменений и дополнений. Более того, функционирование политической системы фактически регулировалось не Конституцией, а законом о ее введении в действие, который, в свою очередь, устанавливал совершенно иные (порой противоречивые) адаптационно-временные положения»¹.

Действительно, политическая система Кыргызской Республики менялась всякий раз с внесением изменений и дополнений в Конституцию в 1996, 1998, 2003, 2007 гг., прежде всего в части разграничения функций и полномочий между Президентом Жогорку Кенешем и правительством Республики.

Исполнительную власть на территории соответствующей административно-территориальной единицы осуществляет местная государственная администрация. Местные государственные администрации действуют на основе Конституции, законов, нормативных правовых актов Президента и Правительства. Решения местной государственной администрации, принятые в пределах ее компетенции, обязательны для исполнения на соответствующей территории (статьи 75 и 76).

В Конституции Кыргызстана очень скупо отмечается о центральных органах государственной власти, входящих в политическую систему страны.

Так, в главе 6 Конституции Кыргызской Республики установлены нормы, регулирующие деятельность центральных органов государственной власти Республики: Прокуратуры Кыргызской Республики; Национального банка Кыргызской Республики; Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов в Кыргызской Республике; Счетной палаты Кыргызской Республики; Акыйкатчы (Омбудсмена) (статьи 77–81).

Конституционные положения, определяющие систему государственных органов, их функции и полномочия, формы и методы деятельности, до сих пор еще недостаточно конкретизиро-

¹ Шукралиева Н. Проблемы конституционализма в Республике Кыргызстан // Центральная Азия и Кавказ: журн. социал.-полит. исслед. CA &CC Press.— Швеция. — 2007.— № 6(54).— С. 8.

ваны в Конституции Кыргызской Республики. Это не может не сказываться на качестве управления страной со стороны государства. В первую очередь речь идет об отсутствии соответствующих норм, регулирующих разрешение разногласий в процессе взаимодействия ветвей власти. До сих пор нет закона о государственном и муниципальном управлении, включающего основные принципы и нормы организации исполнительной власти в регионах Республики, что заметно осложняет развитие отношений между центром и регионами.

Судебная система Кыргызской Республики установлена Конституцией, в которой предусмотрено существование как общих, так и местных судов, специальной юрисдикции. При этом Конституцией Республики называет поименно и определяет прежде всего основы статуса только высших судов республиканского уровня: Конституционного суда, Верховного суда.

В Конституции также установлено, что судебная система Кыргызской Республики состоит из Конституционного суда, Верховного суда и местных судов. Конституционным законом могут учреждаться специализированные суды. Создание чрезвычайных судов не допускается (статья 82).

Основным законом четко установлено, что Конституционный суд является высшим органом судебной власти по защите Конституции. Конституционный суд состоит из девяти судей.

В соответствии с установленными в Основном законе нормами Конституционный суд: признает неконституционными законы и иные нормативные правовые акты в случае их противоречия Конституции, дает официальное толкование норм Конституции, заключение о конституционности выборов Президента, заключение на отрешение от должности Президента, заключение к проекту закона об изменениях и дополнениях в настоящую Конституцию в соответствии с положениями статьи 98 настоящей Конституции. Решение Конституционного суда является окончательным и обжалованию не подлежит. Порядок осуществления конституционного судопроизводства регулируется законом (статья 85).

В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики Верховный суд является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, экономическим, административным и

иным делам, подсудным местным судам и осуществляет надзор за их деятельностью в форме пересмотра судебных актов по обращениям участников судебного процесса в предусмотренном законом порядке. Пленум Верховного суда дает разъяснения по вопросам судебной практики. Акты Верховного суда, принятые в порядке надзора, являются окончательными и обжалованию не подлежат (статья 86).

Особую роль в механизме управления страной играет местное самоуправление, которое начинается там, где заканчивается функционирование органов государственной власти.

В Основном законе Кыргызской Республики глава 8 посвящена местному самоуправлению, которое осуществляется местными сообществами и обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Систему органов и должностных лиц местного самоуправления образуют: главы айылных округов, поселков и городов районного значения, мэры городов; местные кенешы — представительные органы местного самоуправления; айыл окмоту, городские и поселковые управы, мэрии — исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления; иные должностные лица и органы.

Конституцией Кыргызской Республики установлено, что местные кенешы в соответствии с законом: утверждают местные бюджеты, контролируют их исполнение; решают иные вопросы местного значения; утверждают программы социально-экономического развития местного сообщества и социальной защиты населения; вводят местные налоги и сборы, а также в случаях и порядке, предусмотренных законом, устанавливают льготы по ним.

В Основном законе закреплено, что органы местного самоуправления могут наделяться государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных, финансовых и иных средств. Государственные полномочия могут быть переданы органам местного самоуправления на основании закона. По делегированным полномочиям органы местного самоуправления подотчетны государственным органам. Органы местного самоуправления несут ответственность перед государством и его органами за соблюдение и исполнение законов, перед местным сообществом — за результаты своей дея-

тельности. Государственные органы не вправе вмешиваться в предусмотренные законом полномочия местного самоуправления (статьи 93–96)¹.

О разделении власти в местном самоуправлении можно говорить с очень большой натяжкой. Существуют большие проблемы в распределении функций и полномочий между органами государственного управления и местного самоуправления, а в распределении функций и полномочий между представительными и исполнительно-распорядительными органами нет полной аналогии с государственным уровнем управления. Исполнительно-распорядительный орган (айыл окмоту) создается только в крупных территориальных единицах. В местном самоуправлении нет судебной ветви власти.

Таким образом, органы государственной власти и местного самоуправления, представленные в статье, являются системой народного представительства и составляют единую политическую систему Кыргызской Республики.

¹ *О новой редакции Конституции Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 23 окт. 2007 г. № 157 // Информ. бюл. «Вестник Администрации Президента Кыргызской Республики».*— Бишкек: Изд-во ОАО «Эркин Тоо», 2007.— № 21.— С. 88–89.

Абдилашим Исраилов

*вице-консул Вице-консульства Кыргызской Республики
в г. Новосибирске
кандидат экономических наук, доцент*

Новосибирск, Россия, Бишкек, Республика Кыргызстан

ПОДГОТОВКА И ПЕРЕПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ НА СЕЛЕ — ВЕЛЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В рыночных условиях труд в сельском хозяйстве становится более творческим, так как в нем широко применяются технические средства, проводятся экономические и технические расчеты. Поэтому на систему сельского профессионально-технического образования возлагается дополнительная, но не менее важная функция: повышение квалификации работников в соответствии с возрастающими запросами аграрной сферы, а также подготовка рабочих кадров, фермеров широкого профиля. Исходя из этой функции в настоящее время большое значение придается переподготовке специалистов, прежде всего экономистов, работающих в аграрном секторе. Эту задачу призваны решать центры подготовки и переподготовки специалистов, которые необходимо организовывать на базе сельскохозяйственных техникумов (в регионах) и аграрного университета Республики (г. Бишкек).

В этой связи министерства сельского, водного хозяйства и перерабатывающей промышленности Республики должны создавать в областях специальные образовательные фонды и за счет их оказывать финансовую поддержку вузам и техникумам, на базе которых организованы такие центры.

Практика развитых стран в условиях рынка выработала особый механизм подготовки кадров аграрного сектора через систему малого бизнеса. Организация малых предприятий (крестьянских хозяйств) выступает как утверждение социальной престижности экономического субъекта и одновременно как реализация потребности самовыражения личности, ее деловых

качеств. Достигается это на базе овладения современными знаниями в области экономики, технологии, права, психологии как единым целым.

В последние годы в аграрной системе экономически сложился коллективный стиль работы, который требует создания здорового производственного климата, развития гуманных отношений в трудовых коллективах, утверждения системы мотивации сотрудничества, реализации принципа индивидуальной ответственности, а также содействия повышению уровня образования и квалификации работников. Успехи в конкурентной борьбе обеспечиваются не только постоянным осуществлением рациональных инноваций, но и новыми элементами предпринимательской культуры. Особое значение придается предпринимательской этике, основанной на приверженности общечеловеческим ценностям — честности, порядочности, справедливости.

Важной стороной в системе управления сельскохозяйственным предприятием является также освоение новых информационных технологий. Так, в развитых странах даже малый и средний бизнес в аграрном секторе широко использует современную вычислительную и информационную технику. Персональный компьютер стал непременной принадлежностью оснащения труда фермера и менеджера. Исходя из этого система подготовки и повышения квалификации руководящих кадров должна помочь специалистам в освоении и приобретении современных рубежей информационных технологий.

Динамизм рыночной экономики придает кадрам высокую мобильность. Имеется явная зависимость между последней и уровнем квалификации. Чем квалифицированнее труд и сложнее профессия, тем выше вертикальная и ниже горизонтальная мобильность, связанная с переменой места работы или жительства. Так, зарубежные исследования профессиональной мобильности кадров показали, что только 17 % руководителей и инженеров меняют место работы, в то время как у людей средней квалификации эта доля составляет 42 %, а у вспомогательных и малоквалифицированных работников — 60 %.

До экономической реформы в аграрной сфере вопросы перемещения руководящих кадров и инженеров из одного предприятия в другое решались административно-волевыми метода-

ми при явной недооценке профессионализма и компетентности. Это приводило к большим кадровым просчетам. В условиях рынка и новых форм хозяйствования широко используется практика конкурсного отбора на руководящие должности на основе долгосрочного контракта между руководящими кадрами и собственниками предприятий. Тем самым руководящим кадрам представляется значительная свобода в хозяйственно-управленческой деятельности.

Следовательно, совершенствование системы образования, потребность в новых подходах к подбору и расстановке кадров управления является актуальной социально-экономической задачей не только теории, но и практики.

Однако в рыночной экономике наблюдается противоречие в системе управления предприятиями. По мере развития общественного производства расширяется участие работников как в управлении предприятиями, так и прибылью от капитала. Но эта проблема кардинально не решается, ибо сохраняется социально-экономическая основа отчуждения управления от работника. В то же время в развитых странах получает развитие самоуправление, отказ от авторитарности, проявляемой руководящим персоналом, поскольку она не благоприятствует деловой активности и инициативности сотрудников. Все большее распространение получает корпоративный стиль руководства, т. е. совместная выработка решений менеджерами и работниками предприятия.

Современное управление производством предпочитает участие руководимого персонала. Поэтому решение не должно приниматься только в руководстве и идти только сверху вниз для его выполнения. Предпочтения однозначно заслуживает тот уровень, с которого исходит инициатива. Именно массовый характер движения за демократию управления производством и его влияние на менеджмент в настоящее время таковы, что дают основание рассматривать этот процесс как закономерность развития управления производством.

Однако, чем больше людей привлекается к участию в процесс поиска и принятия решений, тем выше вероятность возникновения противоречивых трактовок и оценок, расхождений позиций и мнений, тем труднее и длительнее путь к консенсусу.

Участие персонала в управлении должно оцениваться через призму производственного самоуправления. Также нельзя отождествлять производственное самоуправление и демократию. Любая сложная система уже в силу своего иерархического строения предполагает наличие самоуправления: ее подсистемы испытывают не только внешнее управляющее воздействие, но и, в меру своей самостоятельности, внутреннее воздействие за счет локального взаимодействия элементов. Действительно, взаимодействие элементов системы составляет важную основу для внутренних воздействий элемента, подсистемы или всей системы, являясь потенциалом самоуправления.

Одной из главных причин ориентации менеджмента на участие работников в управлении стало осознание людьми своей роли в производстве под воздействием перехода от удовлетворения потребностей более низкого уровня (физико-физиологические) к потребностям более высокого уровня (самореализация, социальная значимость, самовыражение). Люди не желают больше быть придатком управленческого или производственного механизма. В то же время гуманистический подход является весьма конфликтным, неудобным, дорогим, но именно он обеспечивает благоприятную среду для трудового потенциала, развития личных способностей, чувства удовлетворенности от выполненной работы и общественного признания своих достижений.

В рамках самоуправления идет процесс самовыражения и самоутверждения работников предприятия. Каждый работник является носителем управленческого потенциала, но, только заняв определенное положение в управлении предприятием, он может реализовать его через формальную власть.

Таким образом, мера сочетания управления и самоуправления в организации зависит как от общего стиля поведения в ней, так и от индивидуального стиля руководителей и ситуации в этой организации. Эффективность деятельности предприятия как системы зависит прежде всего от основного вида его ресурсов — человека и его интеллектуальных способностей и профессионализма. Именно человек, имеющий допуск к информации и наделенный высокой культурой, не может рассматриваться лишь как один из экономических факторов производства. Он является ключевым элементом в рациональном использовании всех производственных ресурсов и повышении их эффективности.

Кайрлы Оспанов

*кандидат политических наук, доцент
Казахстанского медицинского университета*

Алматы, Республика Казахстан

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

В повседневной жизни все граждане или весь народ не могут одновременно заниматься политикой или находиться во власти. Для этого существует одна из форм демократии — представительная или репрезентативная (от фр. — представитель) демократия.

При представительной демократии граждане принимают опосредованное участие в политике путем выбора своих представителей во властную структуру. Избранные люди должны осуществлять политику и принимать решения от имени народа и для народа. Такими представителями народа в Республике могут быть Президент, Парламент, Правительство, губернаторы, акимы и т. п.

Репрезентативная демократия необходима тогда, когда в связи с большим количеством людей или территорий невозможно осуществлять другие формы демократии (например, прямую демократию).

Представительная демократия необходима и тогда, когда граждане не могут регулярно и непосредственно участвовать в голосованиях или когда принимаются сложные решения, труднодоступные для понимания обыденного сознания. Эта демократия поднимает статус компетентности представителя народа при принятии решений и обеспечивает индивидуальную ответственность должностных лиц.

При представительной демократии воля народа может выражаться не только непосредственно им самим во время голосований, но и его представителями в органах власти. При таком

подходе демократия понимается как компетентное и ответственное перед народом представительное учреждение. В этом смысле достаточно точное определение сути представительной демократии дал немецкий политолог Ральф Дарендорф: «демократия — это правительство, избираемое народом, а если необходимо — то народом смещаемое; кроме того, демократия — это правительство со своим собственным курсом»¹. В представительной демократии отношения между народом и его представителями строятся на основе доверия и контроля в форме периодически проводимых выборов, референдумов и т. д.

Известно, что демократия — это прежде всего не только права большинства, но и защита интересов меньшинства. Ярким примером представительной и этнополитической демократии является Ассамблея народов Казахстана (АНК), где сосредоточены представители более 130 этнических групп, проживающих в Казахстане. Ассамблея народов Казахстана была создана указом Президента Республики от 1 марта 1995 г. как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан. В задачу Ассамблеи, особенно после распада СССР, входило сохранение и развитие межнациональных и межэтнических отношений в Республике.

Благодаря деятельности Ассамблеи в Казахстане в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений удалось сохранить мир и благополучие. Успешное функционирование АНК стало примером деятельности, направленной на сохранение и развитие взаимопонимания народов. В результате некоторые страны стали перенимать опыт Казахстана, планируя создать у себя организацию, подобную Ассамблеи. Поэтому вполне закономерным стал вопрос о ее новом статусе как конституционного органа, который занимает значительное место в политической системе государства.

Казахстан приступил к построению современного, конкурентоспособного государства. Сейчас он находится в стадии перехода на качественно иной уровень. За время независимости

¹ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопр. философии. — 1990. — № 9. — С. 71.

Республика Казахстан перешагнула из одной эпохи в другую. Каждая трансформация государственной и общественной систем происходит благодаря усилиям всего народа¹.

В указе Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г. № 856 «О Стратегии Ассамблеи народов Казахстана и Положении об Ассамблее народов Казахстана» записано, что «демократизация общества обеспечила условия для возрождения и развития культуры и языков народов Казахстана. Это развитие происходит на основе гражданской общности всех казахстанских этносов, что способствует гармонизации межэтнических отношений».

В настоящее время в Казахстане развита представительная форма демократии, где народ сам через всеобщие выборы может избрать своего представителя. В статье 3 Конституции Республики юридически закреплено положение о том, что единственным источником государственной власти является народ. Народ осуществляет власть непосредственно через республиканский референдум и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам.

К представителям народа, как уже указывалось, относятся Президент Республики, Парламент (коллегиальный законодательный и представительный орган), а также и некоторые акимы, которые не назначаются, а выбираются местным населением.

Президент Республики Казахстан избирается населением на определенный срок путем голосования.

Так, согласно статье 41 Конституции Республики Казахстан, Президент Республики Казахстан избирается совершеннолетними гражданами Республики на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на 5 лет. Президентом Республики может быть избран гражданин Республики не моложе 40 лет, свободно владеющий государственным языком и проживающий в Казахстане последние 15 лет. Одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более 2 раз подряд. Настоящее ограничение не распространяется на первого Президента Республики Казахстан.

¹ Дарендорф Р. Указ. соч.— С. 220.

Как указано в пункте 1 статьи 40 Конституции, Президент Республики Казахстан является главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях.

Полномочия Президента Республики Казахстан шире и больше, чем права и полномочия Парламента и Правительства. Президент Республики Казахстан на основе и во исполнение Конституции и законов издает указы и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории Республики. Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Республики, депутатам Парламента, Правительству и реализуется исключительно в Мажилисе. Президент Республики имеет право определять приоритетность рассмотрения проектов законов, а также объявлять рассмотрение проекта закона срочным, означаящим, что Парламент должен рассмотреть данный проект в течение месяца со дня его внесения. При неисполнении Парламентом настоящего требования Президент Республики вправе издать указ, имеющий силу закона, который действует до принятия Парламентом нового закона в установленном Конституцией порядке.

Парламент Республики Казахстан, согласно статье 49 Конституции, является высшим представительным органом Республики, осуществляющим законодательные функции. Полномочия Парламента начинаются с момента открытия его первой сессии и заканчиваются с началом работы первой сессии Парламента нового созыва.

Парламент Казахстана состоит из двух палат: Сената и Мажилиса, действующих на постоянной основе.

Сенат образуют депутаты, представляющие в установленном конституционным законом порядке по 2 человека от каждой области, города республиканского значения и столицы Республики Казахстан; 15 депутатов Сената назначаются Президентом Республики с учетом необходимости обеспечения представительства в Сенате национально-культурных и иных значимых интересов общества. Они являются представителями Президента Республики в Сенате.

Избрание депутатов Сената осуществляется на основе косвенного избирательного права при тайном голосовании. Поло-

вина избираемых депутатов Сената переизбирается каждые 3 года. Срок полномочий депутатов Сената составляет 6 лет.

Мажилис состоит из 107 депутатов, избираемых в порядке, установленном конституционным законом. Срок полномочий депутатов Мажилиса составляет 5 лет.

Избрание 98 депутатов Мажилиса в соответствии со статьей 51 Конституции осуществляется на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. При этом 9 депутатов Мажилиса избираются Ассамблеей народов Казахстана, что дает возможность меньшинству, т. е. мелким этническим группам тоже участвовать в демократических и политических процессах. Депутатом Мажилиса может быть лицо, достигшее 25 лет.

Депутатом Парламента может быть лицо, состоящее в гражданстве Республики Казахстан и постоянно проживающее на ее территории последние 10 лет. Депутатом Сената может быть лицо, достигшее 30 лет, имеющее высшее образование и стаж работы не менее 5 лет, постоянно проживающее на территории соответствующей области, города республиканского значения либо столицы Республики не менее 3 лет.

Выборы в Республике Казахстан проводятся согласно Конституционному закону Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» на основе следующих принципов: избирательного права, всеобщего избирательного права, равного избирательного права, прямого избирательного права, косвенного избирательного права, тайного голосования. Так, в Послании Президента Республики Казахстан народу Казахстана указывается, что: «Главная цель политических преобразований для нас — это движение к такой современной демократической форме власти, которая сможет обеспечить наиболее эффективную систему управления обществом и государством, одновременно сохраняя политическую стабильность в стране и обеспечивая все конституционные права и свободы наших граждан»¹.

¹ *Послание* Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана // *Новый Казахстан в новом мире*. — Астана. — 2007. — 28 февр.

Алексей Полтораков

*доцент кафедры глобальных и региональных систем
Дипломатической академии Украины
кандидат политических наук, доцент*

Киев, Украина

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«Глобализация» и «безопасность» с относительно недавних пор окончательно закрепились в качестве ключевых парадигм мирового развития, «пропитав» все сферы и измерения общественной жизни. Масштабная международная миграция (по официальным данным, в 2005 г. численность мигрантов составила 191 млн человек) представляет собой своеобразную «социоэкономическую производную» глобализации и одновременно является вызовом безопасности как на национальном (государственном), так и на международном уровнях. В силу этого Международная организация миграции рассматривает трудовую миграцию как одну из основных проблем государственной политики в XXI в.

Исследователи, анализируя воздействие мигрантов на принимающую страну и ее экономику, вынуждены констатировать, что «в Европе о таком воздействии известно мало, потому что систематически этот вопрос не исследовался. Но понять воздействие миграции без такого исследования невозможно, так как можно заранее ожидать, что многое зависит от миграционной политики в принимающей стране и от характеристик самих мигрантов. Кроме того, эта тема требует исследований на межгосударственном уровне»¹.

¹ *Холзманн Р., Мюнз Р.* Проблемы и перспективы развития международной миграции в ЕС, входящих в него государствах, в соседних странах и регионах: вопросы политики // 2-й Стокгольмский семинар по режимам глобальной мобильности населения, 11–12 июня 2004 г.— Стокгольм: Ин-т перспектив. исслед., 2004. — С. 32.

Наиболее проблемным аспектом международной миграции традиционно является нелегальная миграция, смыкающаяся с международной преступностью. Ежегодно транснациональные преступные сообщества незаконно вывозят около 1 млн нелегалов. По данным Европола (2008), торговля людьми ежегодно приносит транснациональной преступности по 19 млрд долл. прибыли.

Нелегальную миграцию обоснованно можно отнести к одним из факторов организованной преступности, причем как «не только уголовно-правовое, но и политическое явление, представляющее угрозу национальной безопасности; основной фактор криминализации власти... и в целом страны»¹.

Массовое неконтролируемое переселение иностранных граждан и их незаконное пребывание в этих районах зачастую ухудшают социальную обстановку, благоприятствуют развитию «теневой экономики», создают неконтролируемую ситуацию и угрозу национальному рынку труда. В силу своей природы нелегальная миграция вступает в тесные связи с нелегальным бизнесом, а следовательно, и смыкается с организованной преступностью, которая, в свою очередь, заинтересована в потоке мигрантов как в источнике существенных доходов. Объединенные по этнонациональному признаку формирования «криминальных мигрантов» создают неконтролируемый рынок товаров и услуг, где достаточно ярко выражаются негативные стороны усиливающихся миграционных процессов. Прежде всего это запрещенные к обороту товары и услуги, уклонение от уплаты налогов, а также стремление к контролю целых экономических отраслей и сфер (вплоть до доставки и сбыта наркотиков и оружия, изготовления и продажи фальсифицированных спиртных напитков, поддельных документов, справок, печатей и т. п.).

Из-за высокой стоимости официальных денежных переводов общины мигрантов оперативно создают параллельные и альтернативные пути для пересылки денег на родину, как пра-

¹ Устинов В. С. Организованная преступность. Криминология: учеб. / под. ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева.— СПб.: Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2005.— Гл. 15.— С. 358.

вило, используя «неформальные» (личные и этнические) каналы и нелегальные сети. Эксперты (Р. Холзманн, Р. Мюнз и др.) небеспопечно предполагают, что «при определенных обстоятельствах эти каналы могут использоваться для отмывания денег и других незаконных операций, включая финансирование терроризма»¹.

Если говорить о «внутренней геополитике», то приток иностранных мигрантов создает особые проблемы в приграничных районах, где происходит интенсивное формирование иностранных общин, которые по своей численности и влиянию постепенно приближаются к коренному населению.

Рост нелегальной миграции негативно влияет, хотя и несколько опосредованно, на легальную миграцию. Нелегальные мигранты, менее требовательные к обеспечению трудовых прав и социальных гарантий, являются своеобразным фактором «демпинга» для потенциальных работодателей, заинтересованных в минимизации затрат на трудовые ресурсы. Вместе с тем экономико-правовая и социально-гуманитарная незащищенность «нелегалов» является серьезным фактором усиления социальной напряженности и ухудшения криминогенной обстановки в регионе в целом.

Нелегальная иммиграция (особенно трансрегиональная) представляет специфическую угрозу и с точки зрения санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе пребывания.

Приведенные сценарии — особенно когда они усиливаются социокультурной («цивилизационной») составляющей — грозят перерастанием в масштабный этнополитический конфликт. Печальный опыт «добровольно-принудительных» миграций (депортаций, этнических чисток и т. п.) свидетельствует о том, что «перегибы» миграционной политики чреваты далеко идущими последствиями международного характера.

Для многих западных (особенно европейских) стран более чем остро стоит проблема социокультурной адаптации мигрантов (как нелегальных, так и легальных). Это объясняется прежде всего тем, что при достижении численности иммигрантов определенной критической массы, они уже не пытаются ассимили-

¹ Холзманн Р., Мюнз Р. Указ. соч.— С. 21.

роваться и усвоить новый образ жизни и язык, а создают замкнутые зоны обитания, стремясь сохранить свою идентичность, национальные традиции, религию, культуру. Иными словами, «качественная» тенденция к ассимиляции обратно пропорциональна «количественному» показателю величины диаспоры — конечно, с учетом «коэффициента» концентрации иммигрантских общин и т. п.

Для России особую остроту приобретает рост китайской диаспоры в Сибири и на Дальнем Востоке, для Украины в Крыму — рост крымско-татарской диаспоры.

Помимо этого, террористические акты в Европе и США способствовали усилению обеспокоенности в связи с обеспечением личной безопасности граждан. Небеспochвенно рассматриваемая через этноконфессиональную призму угроза терроризма провоцирует социальные настроения ксенофобии, выливающиеся в рост шовинизма и этнополитического экстремизма, широкую общественную поддержку праворадикальных политических сил и движений. Часто в повышении уровня «мигрантофобии» определенная вина лежит на медиа (в том числе международных), активно муссирующих «острую» проблематику в СМИ.

В связи с этим нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что «правые радикалы» («ультра» националисты») ряда европейских стран, апеллируя к проблеме «чужестранцев», добиваются политических успехов, создавая определенную угрозу позициям правящих «центристских» партий¹. Правительствам европейских государств, которые реально осознают необходимость сбалансированного, комплексного и многостороннего подхода к управлению миграционными процессами, с учетом всех факторов, порождающих иммиграцию (и порождаемых ею), приходится более активно искать новые пути решения этнополитических проблем не только в национальном, но и в общеевропейском масштабах².

¹ См.: *Мингазутдінов І. О., Полтораков А. Ю.* Феномен «етнічної мобілізації» та його наслідки для Західної Європи // Вісн. Київ. уні-ту ім. Тараса Шевченка. Сер.: Міжнар. відносини. — 1998. — № 10.

² См.: *Полтораков А. Ю.* Евроинтеграция и проблема национализма // Цивилизацион. структура современ. мира: кол. моногр. / под ред. Ю. Пахомова и Ю. Павленко.— Киев: Наук. думка, 2007. — Т. 2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации.

Вследствие этого необходимо переключить внимание на следующие ключевые проблемы международной миграции, связанные с общим контекстом международной безопасности (по крайней мере в этнополитическом измерении):

1) на кризис управления миграцией на национальном и международном уровне. Наиболее проблемными видятся нам вопросы реадмиссии¹ и двойного гражданства, а также несогласованности национальных политик миграции даже в рамках конвергентных политико-экономических систем (ЕС) и «пространств безопасности» (ОБСЕ);

2) на отсутствие достаточно надежных и отлаженных механизмов, позволяющих обеспечивать миграционное взаимодействие. Особо следует отметить, что связь между международной миграцией и национальной преступностью не является прямой. Действительно, криминал имеет место в иммигрантских общинах, однако он не превышает уровень криминала местного населения подобной социальной и возрастной группы. По нашему мнению, социально-политические угрозы «национальной безопасности» проистекают не из-за миграции как таковой, а из-за социально-экономического положения иммигрантов, (не)эффективности национальной и международной (региональной) миграционной политики в вопросах их принятия, обустройства, интеграции, а также социокультурной политики в целом;

3) на обострение противоречий между посылающими и принимающими странами. Наиболее ярко это проявляется в проблеме «утечки мозгов», достигающей в развивающихся странах 10–30 % квалифицированного труда, и т. п.;

4) на актуализацию противоречий национальными интересами отдельных государств и правами человека (в частности, с дискриминационными практиками в отношении трудящихся-мигрантов и беженцев). Отметим, что с точки зрения гуманитарной безопасности, право на перемену места жительства — с возможностью легально покинуть свою страну — почти по-

¹ Рeadмиссия — согласие государства на прием обратно на свою территорию своих граждан (а в некоторых случаях, иностранцев, прежде находившихся или проживавших в этом государстве), которые подлежат депортации из другого государства.

всеместно признается одним из фундаментальных прав человека. При этом речь идет не только о гуманистическом и политическом смысле этой формулы как главном ее принципе, но и об ее экономико-правовых аспектах: свобода передвижения людей рассматривается наравне со свободным движением товаров, услуг, капитала.

В условиях же геоэкономического кризиса фактор международной миграции остается основным вызовом этнополитической безопасности. Более тесной стала ее взаимосвязь с социально-экономическими угрозами. Вместе они инициируют и поддерживают миграционные настроения. Параллельно происходит нарастание негативных последствий несистемной политики для «профильных» угроз этнополитической безопасности государств, которые заключаются в сокращении квалифицированной части экономически активного населения в результате вынужденной (рез) миграции и параличе многих секторов народного хозяйства, деформации этнополитической структуры обществ и оживлении сепаратистских настроений и угроз их территориальной целостности, нарастании внутривнутриполитической нестабильности.

Алексей Чесноков

*доцент кафедры теории и истории политической науки
Уральского государственного университета
кандидат политических наук*

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИММИГРАЦИОННЫХ ТРЕНДОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 2000-Х ГГ.

Свердловская область является одним из стабильно развивающихся и инвестиционно привлекательных регионов России. Экономический рост предприятий, успешное функционирование сектора предпринимательства, повышение благосостояния жителей делают этот регион притягательным для иммигрантов. Географическое положение Свердловской области таково, что через ее территорию проходят миграционные потоки иностранных граждан, переселенцев и трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, Юго-Восточной Азии в европейскую часть России и страны Европы. Свердловская область — пятый по численности населения субъект РФ, в демографическом отношении уступающий лишь (по убывающей) Москве, Московской области, Краснодарскому краю и Санкт-Петербургу. Административный центр области — город Екатеринбург — является пятым в России городом по численности проживающего в нем населения (1,29 млн человек), уступая только Москве, Санкт-Петербургу, Новосибирску и Нижнему Новгороду.

В 2006 г. территориальные подразделения Федеральной миграционной службы России временно зарегистрировали в субъектах, входящих в Уральский федеральный округ (УрФО), 327 тыс. иностранных граждан, из которых 38,5 % проживали в Свердловской области. Кроме того, в округе были зарегистрированы 11 тыс. иностранных граждан, получивших разрешение на временное проживание, и более 6 тыс. иностранцев, проживавших постоянно (имеющих вид на жительство); 23 % от числа временно пребывающих иностранных граждан имели офици-

альное разрешение на осуществление трудовой деятельности. При этом основная масса трудовых иммигрантов была сконцентрирована на территории Свердловской области, Ханты-Мансийского (ХМАО) и Ямало-Ненецкого автономных (ЯМАО) округов. Последние два субъекта входят в группу регионов — лидеров по привлечению и использованию трудовых иммигрантов в масштабах всей России.

На фоне общей по УрФО тенденции естественного сокращения и миграционного оттока населения данные процессы не наблюдаются только в ХМАО и ЯНАО. Так, по показателям миграционного движения в 2002 г., отражающим долгосрочный тренд 1990-х гг. и 2000-х гг., в УрФО наблюдался отток населения в федеральные округа, расположенные к югу и западу от Урала, а также за пределы РФ и постсоветского пространства вообще, но в то же время отмечался миграционный прирост за счет иммигрантов из стран СНГ и Балтии. В целом на УрФО пришлось лишь около 1,6 % миграционного прироста в РФ за 1989–2004 гг.

В последние годы, как и в большинстве субъектов РФ, в Свердловской области наблюдалась медленная депопуляция, частично перекрываемая двумя ключевыми миграционными трендами: внутрироссийским (перемещение населения из Сибири и Дальнего Востока на Урал, в западные и южные регионы страны) и международным (перемещение населения из стран Закавказья и Центральной Азии, а также Украины почти во все регионы России).

Современная демографическая ситуация в Свердловской области определяется отрицательными показателями демографического прироста, впервые проявившимися в 1991 г., когда показатели смертности превысили показатели рождаемости. Впрочем в последние годы ситуация в этом отношении улучшается. По данным на 1 января 2007 г., численность населения области составляла 4,39 млн человек. При этом естественная убыль населения, продолжая сокращаться по сравнению с предыдущими годами, все же оставалась довольно высокой: число умерших в 2006 г. на 40 % превысило число родившихся (в 2002 г. — на 100 %, в 2005 г. — на 60 %).

Несмотря на преимущественно положительную динамику миграционного прироста населения области, этот показатель

лишь частично перекрывает отрицательную динамику естественной убыли населения. Результаты прогнозов развития демографической ситуации в области на ближайшие годы различаются незначительно. Так, к 2015 г. на 4,2 % увеличится население старше трудоспособного возраста; на 3,4 % сократится население в трудоспособном возрасте и на 0,8 % — численность детей в возрасте до 15 лет. Коэффициент рождаемости будет колебаться от 9,5 до 8,7 на 1 000 человек, в то время как коэффициент смертности — от 18,2 до 16,0 на 1 000 человек. Коэффициент миграционного прироста оценивается в диапазоне от 12,9 до 13,9 % на 10 000 человек. Таким образом, естественный и миграционный прирост будут стабильными и даже с учетом сокращения темпов естественной убыли. В совокупности они при любых прогнозах не будут перекрывать естественную убыль населения области: в 2002 г. насчитывалось 4,48 млн человек, в 2005 г. — 4,45; в 2006 г. — 4,40; в 2007 г. — 4,39 млн человек. В 2010 г. ожидается сокращение населения области до 4,31 млн человек, а к 2015 г. — до 4,17 млн человек.

В Свердловской области во все годы после ее открытия для международных связей сальдо миграционного баланса оставалось положительным, хотя и не крупномасштабным. Однако общий миграционный прирост в области с 1991 по 2002 г. компенсировал естественную убыль только на 22 %. Начиная с 2003 г. увеличение миграционного прироста и сокращение естественной убыли привели к тому, что миграционный прирост населения Свердловской области стал компенсировать естественную убыль населения в гораздо большей мере. Так, миграционный прирост в 2005 г. компенсировал убыль на 48,2 %.

Численность иммигрантов, прибывших из Украины и стран Центральной Азии (прежде всего Казахстана), за первое полугодие 2007 г. составила в общем объеме международной миграции области 74,8 %, показав важный тренд сокращения объема граждан стран СНГ в общем объеме иммиграции в Свердловскую область (79,7 % — в 2006 г., 86,4 % — в 2005 г.).

Тренды иммиграции в Россию в 1989–2007 гг. неоднократно изменялись, сохраняя неизменное положительное сальдо миграционного баланса. Сальдо миграционного баланса в Свердловской области в 1995–2007 гг. почти во все годы, кроме 2002 г.,

было положительным, но характеризовалось довольно нестабильной динамикой. В 1995 г. миграционный прирост (превышение числа прибывших в область из-за пределов России над численностью выбывших из области за пределы России) в Свердловской области составил 17,3 тыс. человек. В последующие годы прирост снижался и к 1999 г. сократился почти в 3 раза, составив только 5,8 тыс. человек. В 2000 г. наблюдался незначительный всплеск до 7,2 тыс., после чего тенденция сокращения миграционного прироста снова возобновилась и в 2002 г. впервые за 15 лет область имела отрицательный миграционный баланс (1,4 тыс. человек). Впрочем, уже в 2003 г. ситуация стабилизировалась — был зафиксирован миграционный прирост на уровне 0,2 тыс. человек. С 2004 г. началось довольно быстрое увеличение числа прибывших до 5,4 тыс., а в 2005 г. — до 8,7 тыс. человек.

Численность временно зарегистрированных и поставленных на миграционный учет по месту пребывания иностранных граждан в Свердловской области постоянно растет: по состоянию на 1 октября 2007 г. их число превысило 174 тыс. человек. За 2006 г. на территории области было временно зарегистрировано «только» 145,5 тыс. иностранных граждан, что, в свою очередь, на 18 % превысило показатели 2005 г. Из 145,5 тыс. человек, зарегистрированных в 2006 г., 27 % составляли граждане Таджикистана; 16 % — Узбекистана; 11 % — Казахстана; 9 % — Кыргызстана; 8 % — Азербайджана; 7 % — Китая; 4 % — Армении; 2 % — Украины. При этом иммигранты, прошедшие процедуру регистрации в Свердловской области, в подавляющем большинстве случаев декларируют только две цели прибытия: либо «частный визит» (67 %), либо «работу» (23 %). Для 7 % зарегистрированных в области цель прибытия составляла «деловая поездка». Лишь около 3 % приходится на «учебные» и «туристические» цели вместе взятые.

Доля иммигрантов из стран СНГ, в общем количестве имеющих временную регистрацию в Свердловской области, в 2002–2007 гг. имела волновую динамику и колебалась от 76 до 83 % (76,5 % — в 2002 г.; 82,8 % — в 2003 г.; 77,8 % — в 2004 г.; 76,0 % — в 2005 г.; 81,0 % — в 2006 г.). Однако в первом полугодии 2007 г. доля иммигрантов из стран СНГ составила 91,7 %.

Перепись 2002 г. показала, что численность граждан России по УрФО составила 98,6 %, по Свердловской области — 98,8 %. На момент проведения переписи в Свердловской области 25 тыс. человек имели гражданство других государств, 8 тыс. человек не имели никакого гражданства.

По разрешениям на временное проживание по состоянию на 1 июля 2007 г. в Свердловской области проживали 5,7 тыс. человек, а по виду на жительство — 695 человек. Доля граждан стран, входящих в СНГ, среди временно проживающих составила 96,2 %, а среди проживающих по видам на жительство — только 77,5 %.

Среди лиц, имевших разрешение на временное проживание, наибольшую численность имели граждане Узбекистана (22,8 %); Армении, Таджикистана и Украины (примерно по 15 %); Азербайджана (11,8 %); Грузии (8,7 %); Молдовы (3 %). Граждане Китая среди временно проживающих составляли только 1,2 %.

Большинство лиц, имевших вид на жительство, составили граждане Казахстана и Украины (почти по 20 %); Узбекистана (9 %); Грузии и Армении (примерно по 7 %). Граждан Китая среди имеющих вид на жительство было около 4 %.

Иммигранты старше 14 лет, прибывшие в Свердловскую область из государств СНГ, имевшие высшее образование, составляли 19 %. При этом уровень доли лиц, имевших высшее образование среди коренных жителей области (согласно данным переписи 2002 г.), ненамного превышал 13 %. Эти показатели аналогичны общероссийским: по переписи 2002 г. высшее образование в России имели 16,2 %, в то время как среди иммигрантов (прибывших в страну в 2004 г.) этот уровень составил 20,9 %. По количеству лиц, имевших среднее специальное образование, иммигранты также показали более высокий уровень, чем граждане России: 34,9 и 27,5 % соответственно.

В 2006 г. из почти 34 тыс. иностранных граждан, получивших разрешение на работу на территории Свердловской области, 38 % составили граждане Таджикистана; 19 % — Китая; 17 % — Узбекистана; по 4 % — Турции и Азербайджана; 2 % — граждане Армении; немногим более 1 % (от каждой страны) — граждане Украины, Вьетнама и Казахстана.

Екатерина Самсонова

заведующая лабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения, заместитель директора по научной работе муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи “Шанс”»

Тула, Россия

Екатерина Юдина

ведущий специалист по работе с молодежью лаборатории социологических исследований и изучения общественного мнения муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи “Шанс”»

Тула, Россия

ПРОБЛЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время различными исследователями отмечается актуальность проблемы утверждения в российском обществе толерантного (терпимого) отношения к представителям иных национальностей и их культурам.

Обращение к проблеме этнической терпимости и национализма обусловлено главным образом представлением о том, что успех политических и социально-экономических реформ, демократизация и федерализация, формирование устойчивой российской идентичности и гражданского общества невозможны в условиях этнонациональной отчужденности и этнонационального разногласия. Именно этнонационализм является серьезным пре-

пятствием для успешного развития многосоставного российского общества, продуцируя различного рода фобии и экстремизм¹.

Цель социологического исследования «Проблема межнациональной толерантности в представлении молодежи Тульской области»², проведенного специалистами МУ ЦСПИМ «Шанс» в III квартале 2008 г., заключалась в изучении состояния и тенденций развития межнациональных установок молодежи Тульского региона. Результаты показали, что молодые люди в большинстве своем оценивают межнациональную обстановку в России как напряженную и полагают, что проблема этнической нетерпимости все более актуализируется. К тому же в последнее время в СМИ участились сообщения о нападении на людей на основе расовой и национальной неприязни. Данные факты возмущают молодых жителей области, вызывают негодование, а также тревогу, опасение и страх.

Актуализация проблемы национальной толерантности связана с тем, что произошедшие в России и других странах СНГ резкие перемены в экономике и политике значительно осложнили межнациональные отношения населяющих их народов. Рост национального самосознания, усиливающееся внимание к сохранению и развитию национальных культур и языков, к возрождению народных традиций, религиозных верований приводят в такой многонациональной стране, как Россия, к межэтническим и межнациональным конфликтам.

Наряду с обострением проблемы этнотолерантности остро встает вопрос о формировании молодого поколения как носителя гуманистических толерантных идей в системе межэтнических отношений.

Что касается самоопределения тульской молодежи как терпимой части общества по отношению к представителям иных этнических групп, то здесь результаты опроса не зафиксировали

¹ См.: *Савинов Л. В.* Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе: моногр.— Новосибирск: СибАГС, 2005.— С. 32.

² *Массив* опрошенных — 500 человек (молодые люди г. Тулы и Тульской области в возрасте от 14 до 30 лет): 49,2 % мужчин и 50,8 % женщин. Возрастные категории: «от 14 до 19 лет» — 30,7 %; «от 20 до 24 лет» — 36,9 %; «от 25 до 30 лет» — 32,4 %. Ошибка выборки составила $\pm 3,0$ %.

четкой позиции респондентов: число считающих современную молодежь толерантной было практически равнозначно числу придерживающихся иной точки зрения (41,3 и 49,9 % соответственно). Чуть менее половины обследуемых (46,1 %) не знают значение понятия «толерантность»; 39,1 % знают, что означает это понятие. Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с правильным пониманием значения данного слова (терпимость по отношению к друг другу, к людям иной национальности, их традициям, вероисповеданию; уважительное отношение к чужой позиции, чужой точке зрения, чужим взглядам, мировоззрению и т. п.), были высказаны варианты ответа, не имеющие отношения к определению понятия «толерантность» (умение себя преподнести; жесткая авторитарная власть; степень воздействия государства на развитие страны и т. п.). Определенная доля участников опроса путала терпимость с благосклонностью и снисходительностью по отношению к другим людям.

Развернутое представление о национально-этнических установках тульской молодежи позволяет составить распределение ответов на вопросы анкеты о симпатиях и антипатиях к представителям иных национальностей.

По данным исследования было установлено, что число анкетированных, не замечавших за собой различного отношения к другим этническим группам, лишь на 3,3 % превышает число респондентов, указавших на то, что они по-разному относятся к различным нациям (47,5 и 44,2 % соответственно). Причем преобладающее число обследуемых (63,2 %) отметило, что не испытывало когда-либо неприязнь по отношению к себе со стороны представителей других национальностей.

Корреляционный анализ показал, что различное отношение к людям других этнических групп напрямую зависит от того, испытывал ли человек или нет когда-либо неприязнь по отношению к себе со стороны представителей других наций. Так, среди обследуемых, испытывавших неприязнь по отношению к себе, было больше респондентов, замечавших за собой различное отношение к другим этническим группам, а среди анкетированных, не испытывавших когда-либо неприязнь по отношению к себе, больше половины не отмечали и за собой различного отношения к другим нациям.

Следует подчеркнуть, что социальная дистанцированность по отношению к представителям каких-либо национальностей (априорная, независимая от их личностных качеств) является прямой психологической предпосылкой формирования определенного уровня национальной толерантности/нетолерантности¹. Когда речь идет о национальной толерантности/ нетолерантности, подразумевается открытое прямое проявление тех или иных чувств, высказываний, форм поведения. Измерение же ощущения социальной дистанции в сознании индивида позволяет обнаружить скрытые интенции к формированию и проявлению толерантного (или нетолерантного) отношения людей к представителям других национальностей.

Для определения величины национальной дистанцированности в среде молодых туляков респондентам был предложен вопрос: «Как вы лично относитесь к тому, что в России появилось много приезжих из других стран бывшего СССР?». Анализ ответов позволил определить отношение к другим этногруппам как предпосылку формирования определенного типа национальной толерантности: толерантность — обособленность — изолированность — ксенофобия (таблица).

**Уровень национальной толерантности в среде молодых туляков
(от числа опрошенных)**

Тип национальной дистанцированности	Вариант ответа	Уровень национальной толерантности, %
Открытость (толерантность)	Целиком положительно	7,9
Национальная обособленность	Скорее положительно	23,7
Национальная изолированность	Скорее отрицательно	38,7
Ксенофобия	Отрицательно	10,7

¹ См.: Сальников Е., Сальникова И. Уровень этнической толерантности у кандидатов на службу в ОВД: методика исследования и графическое представление результатов // Общество и этнополитика: материалы Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., 1 апреля — 15 июня 2008 г. / СибАГС, Центр соц.-полит. исслед. и проектов, Центр социолог. и политолог. образования Инта социологии / под ред. Л. В. Савинова.— Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2008.— С. 62.

Из таблицы видно, что большинство обследуемых демонстрирует тип национальной дистанцированности, определяемый как «национальная изолированность».

Таким образом, полученные данные служат подтверждением гипотезы исследования о том, что межнациональные установки тульской молодежи характеризуются снижением национальной толерантности и нарастанием изоляционистских (скрытая ксенофобия) и открытых ксенофобных установок.

Среди причин негативного отношения к представителям стран бывшего СССР, приезжающим в Россию, участники опроса в основном называли следующие: «в нашей стране они ведут себя слишком нагло и агрессивно», «они заполнили все, их слишком много». При этом 64,4 % молодых туляков поддерживают идею «Россия — для русских!»; 14,5 % — достаточно категоричны в своих суждениях и полагают, что эту идею давно пора осуществить; 49,9 % — более лояльны и выступают за ее осуществление в разумных пределах.

В ходе исследования планировалось изучить, к представителям каких национальных групп молодые туляки показывают свою симпатию или антипатию. Результаты опроса показали, что наибольшую антипатию в молодежной среде г. Тулы вызывают «лица кавказской национальности», особенно грузинская нация, а также американцы и цыгане. Предполагается, что неприязнь к представителям Грузии и Америки связана с неоднозначными, а зачастую и с напряженными, политическими отношениями РФ с этими странами. Негатив в сторону цыган обусловлен укоренением представителей данной нации в российских городах, а также их криминальной деятельностью.

Поскольку этническая толерантность, как правило, проявляется непосредственно в ходе межэтнических контактов, ее уровень нередко зависит от степени интенсивности данных контактов. В связи с этим при исследовании толерантности на межличностном уровне, а также при взаимодействии этнических групп в различных ситуациях¹ были использованы модифици-

¹ См.: Юраков А. В. Подходы к анализу уровня толерантности в межэтническом (межкультурном) взаимодействии // IV Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл., Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.— М., 2001.— С. 114.

рованная шкала социальной дистанции Э. Богардуса и специальная шкала для оценки готовности респондента контактировать с человеком другой национальности в системе проективных ситуаций (в качестве знакомого, друга, соседа, коллеги по работе, супруга (супруги) кого-либо из родственников, своего супруга (супруги)).

Распределение ответов по модифицированной шкале Э. Богардуса показывает, что в целом социальная дистанция увеличивается в соответствии со следующей последовательностью: друг, знакомый, супруг (супруга) кого-либо из родственников, коллега по работе, сосед, свой супруг (супруга). Таким образом, молодые туляки в основном толерантны к представителям другой национальности при знакомстве и выборе круга друзей.

Наиболее «сильным» индикатором дистанцированности является отношение к браку с представителем другого народа. Так, большинство респондентов отметили, что для них национальная принадлежность является определяющей при решении вступления в брак. Кроме того, для обследуемых наиболее приемлем факт вступления в брак с представителем другой нации кого-либо из родственников, нежели их самих. Национальность также является определяющей и при выборе места жительства.

Гульмира Уранхаева

*проректор по академическим вопросам Казахского
гуманитарно-юридического инновационного университета
доктор политических наук, доцент*

Астана, Республика Казахстан

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

На формирование адекватной политики регулирования этнополитических процессов существенно влияют не только современность, но и историческое прошлое, динамика формирования политики за годы независимости Республики Казахстан.

В казахстанской политологической науке существуют различные варианты периодизации политики государства, направленной на построение демократического, правового государства.

Б. Майлыбаев определил следующие этапы в «развитии новейшего казахстанского политического процесса»: первый этап включает 1985 — конец 1991 г.; второй этап — 1992–2002 (2005) гг.; третий этап — после 2002–2005 гг.¹ С. Акимбеков предлагает похожую периодизацию на основе анализа каждого этапа, используя в качестве критериев главные политические события, которые уже произошли и происходят в Казахстане. Так, С. Акимбеков считает, что на первом этапе политическая система являлась неотъемлемой частью СССР. Второй этап автор характеризует как период институционализации самостоятельной политической системы Казахстана. Третий этап он условно характеризует как функционирование самостоятельной, институционализировавшейся политической системы Казахстана².

Интересна периодизация, предложенная К. Жаулиным, который считает, что первый этап начинается с 1991 г. и длится до

¹ *Майлыбаев Б.* Становление и эволюция института Президента Республики Казахстан: проблемы, тенденции, перспективы (опыт политико-правового исследования): моногр.— Алматы: Арыс, 2001.— С. 308–390.

² *Акимубеков С.* Новый поворот? // Континент.—2005.— 22 марта.

принятия Конституции 1995 г., второй этап берет начало с принятия Конституции 1995 г. и продолжается до сегодняшнего дня. Первый этап связан с осуществлением политики формирования суверенного Казахстана, его государственного развития, полного отказа от прежней системы. Для второго этапа характерно следующее: создание рыночной экономики, сохранение стабильности и порядка, обеспечение межнационального согласия. При этом последовательный эволюционный и своевременный характер реформирования стали прочной основой для создания и углубления дальнейших факторов демократизации и обновления казахстанского общества¹.

В целом варианты периодизации казахстанских ученых отражают, на наш взгляд, общий курс Президента Республики Н. А. Назарбаева на дальнейшее повышение политической стабильности Казахстана и демократизацию всех сфер жизнедеятельности общества.

Вместе с тем этнополитика всегда была специфическим направлением общеполитической жизни такой полиэтнической страны, как Казахстан. Исходя из того, что понятие «политика» является общим по отношению к этнополитике, а «этнополитический процесс» включается в общий политический процесс, необходима периодизация формирования и реализации политики регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений как ключевого момента национальной политики государства.

Исследователи, занимающиеся проблемами этничности, этнополитики и этнополитических процессов в Казахстане, неоднократно обращаются к рассмотрению периодизации этнополитики с целью выработки стратегии формирования и реализации политики регулирования этнополитических процессов в Республике. Так, казахстанский политолог К. Е. Кушербаев выделяет пять качественно разнородных, на наш взгляд, этапов: 1) 1985–1989 гг.; 2) 1989 — август 1991 г.; 3) август 1991 — январь 1993 г.; 4) январь 1993 — март 1995 г.; 5) с марта 1995 г. — по настоящее время. Анализируя данную периодизацию, следует отметить, что при имеющихся в ней позитивных моментах хронологически она заканчивается 1998 г., который обнаруживает ее несовершенство. Если считать, что формирование этнополитического курса современного Казахстана начинается с момента получения

¹ Жаулин К. Сохранение политической стабильности в Казахстане в рамках протекания процессов модернизации // Саясат. — 2008. — № 1. — С. 71.

независимости Республикой Казахстан, т. е. с 1991 г., то начинать периодизацию необходимо с этой отправной точки. Как подчеркивает К. Е. Кушербаев, «события данного периода сложны, их отнесение к этнополитике советского этапа либо этапа самостоятельного этнополитического развития Казахстана дискуссионно, поэтому они требуют отдельного исследования»¹.

Достаточно убедительно выглядит позиция Е. Макашева, который представил свою периодизацию. Исследователь считает, что на первом этапе (1991–1995 гг.) приоритет оставался за этнонациональной политикой, которая позволила государству в сжатые сроки заложить основы национальной государственности, мобилизовать духовные и иные ресурсы казахского населения. Второй этап (1995–2001 гг.) совпал с принятием Конституции 1995 г., закрепившей общегражданские принципы характера государственности с переходом к территориальной (гражданской) модели нации. По мнению исследователя, этнополитика в этот период была направлена на образование казахстанской нации как политической общности граждан, основанной на принципах гражданского общества².

Исходя из комплексного анализа этнополитических процессов в Республике Казахстан можно определить периодизацию формирования и реализации политики регулирования этнополитических процессов и условно подразделить ее на следующие этапы: первый этап — 1991–1995 гг. — этап становления этнополитического курса государства; второй этап — 1996–2000 гг. — этап реализации структурных преобразований политической системы; третий этап — 2001–2006 гг. — этап совершенствования гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Казахстан; четвертый этап — с 2007 г. по настоящее время — этап дальнейшей консолидации общества и формирования единой казахстанской нации.

Развитие полиэтнического Казахстана идет не всегда гладко. Возвращаясь к истории исследуемой проблемы и определяя некоторые проблемы, с которыми столкнулось государство в ходе

¹ См.: *Кушербаев К. Е.* Этнополитика Казахстана: состояние и перспективы.— Алматы: Ин-т развития Казахстана, 1996.— С. 220.

² См.: *Макашев Е. С.* Этнополитика и межэтническая ситуация в Республике Казахстан (1991–2001 гг.) // Казахстан. модель этнополитики / отв. ред. Г. Т. Илеуова.— Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан: фонд им. Ф. Эберта, 2002.

реализации политики регулирования этнополитических процессов в Казахстане, достаточно отметить мнение казахстанского политолога Г. Кульжановой о том, что «демографические и социально-экономические проблемы, низкое качество и отсутствие системного подхода к планированию образования, ошибки экономической политики привели к усилению в Казахстане социальной конкуренции и стали источником возрастания конкуренции этнической, скрытым двигателем многих негативных явлений в области этнополитики»¹. Кроме того, в межэтнических отношениях, как ни в какой другой сфере отношений между людьми, в обществе преобладают эмоциональные и социально-психологические проявления. Для преодоления межэтнической напряженности, порой приводящей к межэтническим конфликтам, на наш взгляд, немаловажную роль играет планомерное изучение существующих национально-этнических стереотипов и их поведенческих последствий.

В этой связи Президент Республики Н. А. Назарбаев отмечал, что «в стране созданы все необходимые условия и механизмы, способствующие развитию казахской культуры как фундаментального пласта общегражданской идентичности всех казахстанцев. Причем эти процессы шли и идут естественными темпами. Все это делается по мере создания условий для добровольного освоения государственного языка в стране. Никакого искусственного ускорения, тем более революционного подхода в этом отношении не должно быть. Одновременно государство решает задачи по сохранению и развитию языков, культурных традиций и обычаев всех народов страны»².

В целом нужно отметить, что для Казахстана характерна собственная казахстанская модель мира и согласия. Основным принципом в политике регулирования этнополитических процессов является доминирование культуризации этнополитики над ее политизацией. Это поможет избежать чрезмерной политизации в этнополитике государства, ограничить использование политиками, общественными и политическими организациями этнического фактора в своих личных интересах.

¹ Кульжанова Г. Внутриполитические аспекты формирования национальной идентичности сквозь призму обеспечения безопасности // *Analitic*. — 2007. — № 3. — С. 57.

² См.: *Казахстанская модель межэтнического согласия: опыт, практика и перспективы* // Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на десятой сессии Ассамблеи народов Казахстана, Астана, 23 декабря 2003 г. — Астана: Акорда, 2003.

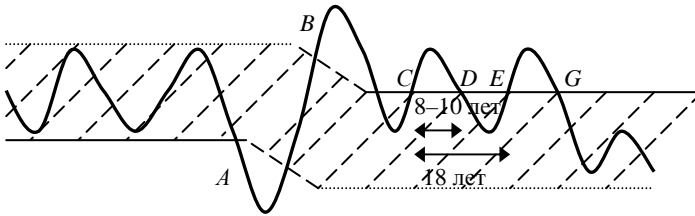
Рубин Сайфуллин

*доцент кафедры истории Камской государственной
инженерно-экономической академии
кандидат политических наук*

Набережные Челны, Россия

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ОСНОВЕ БИСОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

Гипотеза о существовании единого процесса этнополитогенеза, на который влияет популяционный фактор (динамика изменения популяционной структуры составляющих суперэтнос этносов), позволяет прогнозировать развитие существующих этнополитий. На основании этой гипотезы попытаемся дать прогноз развития России (рисунок).

Влияние пассионарной волны на развитие страны

На рисунке по техническим причинам изображены гармонические колебания. На самом деле колебания имеют негармонический характер и являются результатом аппроксимации (усреднения) нелинейных колебаний более сложной формы.

Заштрихованная область соответствует спектру оптимальных значений для доли пассионариев.

Российский суперэтнос в 1991 г. вошел в один из самых тяжелых в жизни любого суперэтноса фазовых переходов — так

называемый фазовый переход надлом-инерция¹. Как показывает анализ всемирной истории, во время фазовых переходов периоды смут и разделяющие их стабильные периоды повторяются с периодичностью в одно поколение — 18–19 лет². Период времени продолжительностью в одно поколение, в течение которого суперэтническая система переходит из одного неустойчивого состояния в другое, мы назвали пассионарной волной (см. участок кривой *СЕ* на рисунке). В течение фазового перехода имеет место несколько пассионарных волн. Основываясь на гетерозисном генезисе пассионарности, можно дать следующее объяснение этому феномену.

Начало фазового перехода всегда является глубоким кризисом, для которого характерны разрушение существующих генетических барьеров и усиление миграционной активности населения, ведущие к резкому росту количества брачных и случайных половых связей между представителями разных этнических общностей и социальных групп, различающихся между собой в расово-антропологическом плане значительно, чем члены одной этнической общности или одной социальной группы. Вследствие явления гетерозиса это приводит к увеличению числа родившихся детей-пассионариев в этот период. Через поколение (18–19 лет), когда эти пассионарии становятся совершеннолетними и вступают в социальную жизнь, доля пассионариев не только достигает оптимального для следующей фазы спектра значений, но и выходит за его верхнюю грань (см. точку *В* на рисунке). Возникший вследствие вступления в социальную жизнь пассионарной молодежи излишек пассионариев вызывает начало смут. Доля пассионариев из-за их гибели в ходе смут на-

¹ Обоснование этого вывода см. в: *Сайфуллин Р. Г.* Биополитическая методика прогнозирования развития политических процессов (системно-синергетический подход) // Экон. синергетика: Инновацион. развитие России: сб. науч. тр. — Набережные Челны: Изд-во ИНЭКА, 2007. — С. 73–96.

² См.: *Сайфуллин Р. Г.* Этнополитические конфликты: популяционный аспект генезиса: дис. ... канд. полит. наук / Казан. гос. энергет. ун-т. — Казань, 2004; *Его же.* Однопоколенные (18–19-летние) циклы эскалации этнополитических конфликтов в мировой истории // Эконом. синергетика: ответы на вызовы и угрозы XXI века: сб. науч. тр. — Набережные Челны: Изд-во ИНЭКА, 2005. — С. 39–52.

чинает уменьшаться и через 9–10 лет входит в спектр оптимальных значений, после чего масштабные смуты прекращаются.

По прошествии 8–9 лет после окончания смут пассионарии, рожденные в начале предыдущей пассионарной волны, становятся совершеннолетними и вступают в социальную жизнь. Начинается новая пассионарная волна, т. е. новый период смут, во время которого снова возрастает количество брачных и случайных половых связей между индивидами, относящимися к разным расово-антропологическим типам, что приводит к рождению «лишних» пассионариев (видимо, среди новорожденных увеличивается и доля субпассионариев). Смуты продолжаются до тех пор, пока доля пассионариев не перестает выходить за пределы спектра оптимальных для наступающей фазы значений (см. точку *G* на рисунке), что означает начало новой фазы (сказанное справедливо и для доли субпассионариев). После этого социально-политические конфликты теряют свою остроту, внутрисполитическое положение стабилизируется.

Итак, пассионарная волна состоит из смутного, неустойчивого (см. участки *CD*, *EG* на рисунке) и стабильного, устойчивого (см. участок *DE*) периодов. Продолжительность каждого периода составляет 8–10 лет. Экономические кризисы, революции, мятежи, гражданские войны, восстания социальных низов, а также неудачные военные кампании характерны для неустойчивого периода. Стабильный период характеризуется, как правило, отсутствием масштабных смут. Причина этого заключается в том, что в неустойчивом периоде доли пассионариев и субпассионариев колеблются в основном вне спектра оптимальных для наступающей фазы значений (вне аттрактора), в стабильном — в пределах этого спектра (в пределах аттрактора).

Как можно видеть, мы несколько изменили положение Л. Н. Гумилева о существовании для каждой фазы этногенеза оптимального значения доли каждого энергетического типа (пассионариев, гармоничников и субпассионариев).

Для каждой фазы этногенеза характерно не одно оптимальное значение, а определенный спектр таких значений. Во время фаз этногенеза, являющихся устойчивым состоянием суперэтнической системы, колебания долей энергетических типов происходят в пределах спектров, оптимальных для каждого типа

значений. Фазовый переход, являющийся неустойчивым состоянием, начинается из-за выхода долей пассионариев и субпассионариев за пределы, соответственно, нижней (см. точку *A* на рисунке) и верхней грани спектра оптимальных значений завершившейся фазы. Проще говоря, с началом фазового перехода численность пассионариев в суперэтноте становится меньше, чем это необходимо, а субпассионариев, наоборот, больше. По этой причине признаком начала фазового перехода является поражение во внешней войне (наиболее боеспособной частью суперэтнота являются, как правило, пассионарии, наименее боеспособной — субпассионарии; уменьшение доли пассионариев и увеличение доли субпассионариев ведут к резкому снижению боеспособности армии суперэтнота).

Существует три способа приведения долей пассионариев и субпассионариев до спектра оптимальных значений следующей фазы (или оптимизации долей пассионариев и субпассионариев): их гибель в ходе внутренних конфликтов (смут), сброс со своей территории в результате проведения агрессивной захватнической политики или колонизации и целенаправленное уничтожение посредством массовых репрессий, проводимых обычно карательными органами государства. Как правило, оптимизация происходит всеми тремя способами.

Развитие российского суперэтнота с начала 90-х гг. XX в. представляет собой классическую пассионарную волну. Распад СССР в 1991 г. фактически означал, что он потерпел поражение в «холодной» войне со своим основным геополитическим противником — Западом. От поражения в «горячей» войне СССР уберегло наличие у него ядерного оружия. Распад социалистического содружества и СССР привел к резкому сокращению геополитического пространства, контролируемого российским суперэтнотом.

Для России 90-е гг. XX в. были очень тяжелыми. В 2 раза и более снизился объем ВВП, деградировали система здравоохранения, образования, социального обеспечения. Российская армия фактически потерпела поражение в первой чеченской войне, имевшей четко выраженный этнополитический характер. Страна стояла перед угрозой распада. Таким образом, все 90-е гг.

Россия находилась в системном кризисе, который является кризисом начала фазового перехода «надлом-инерция» и поэтому полностью закономерен.

Начиная с 2000 г., через 9–10 лет после начала фазового перехода, положение в российском суперэтнотипе начало стабилизироваться. Президент В. В. Путин стал проводить политику всемерного укрепления государства, была успешно проведена вторая чеченская кампания, в стране начался устойчивый экономический рост. Как видим, развитие российского суперэтнотипа со времени начала фазового перехода четко подтверждает теорию.

Как показывает анализ всемирной истории, в период фазового перехода «надлом-инерция», масштабные смуты, имеющие характер гражданской войны, начинаются не позднее начала второй пассионарной волны этого фазового перехода. Так, у римлян и византийцев смуты начались с наступлением второй пассионарной волны, у англичан — сразу с началом фазового перехода. По-видимому, из этого правила существует только одно исключение — это немцы. С началом второй пассионарной волны структура германского суперэтнотипа оптимизировалась в основном с помощью ведовских процессов, т. е. массового террора.

В российском суперэтнотипе начало второй пассионарной волны приходится на текущий 2009 г. ($1990-1991 + 18-19 = 2009$). Правомерно поэтому думать, что переживаемый страной кризис обусловлен не только тем, что Россия стала частью глобальной экономики, но и внутренними причинами. Вероятно предположение, что даже если в США в 2008 г. не случился бы ипотечный кризис, положение в экономике России в конце этого года стало бы ухудшаться из-за начала второй пассионарной волны. Хотя, по-видимому, это ухудшение было бы существенно меньшим по масштабам.

Однако, несмотря на начало пассионарной волны, внутриполитическое положение в стране остается в целом стабильным. Видимо, в значительной мере эта стабильность есть результат энергичных и своевременных действий правительства. Но есть основания полагать, что этому способствует и влияние популяционно-демографического фактора.

Кризисные процессы 1990–1992 гг. сопровождались разрушением генетических барьеров и усилением миграционных процессов. Надо полагать, процессы смешения существенно увеличили долю пассионариев среди молодежи 1990–1992 гг. рождений, но происходило это на фоне уменьшения рождаемости. Так, по данным переписи 2002 г., число детей 1990–1992 гг. рождений (около 5,7 млн) было почти в 1,3 раза меньше в сравнении с числом подростков 1987–1989 гг. рождений (около 7,3 млн)¹.

В 90-е гг. XX в. резко увеличилась смертность среди мужчин трудоспособного возраста. Особенно значительна была смертность среди туенядцев, бомжей и т. п., среди которых высока доля субпассионариев, а также среди бизнесменов и криминальных авторитетов, которые гибли в криминальных войнах (среди последней группы высока доля пассионариев). Поэтому можно считать, что за 90-е гг. доля пассионариев и субпассионариев в российском суперэтнотипе существенно снизилась, и со вступлением в социальную жизнь молодежи 1990–1992 гг. рождений излишек тех и других будет не очень значительным. В настоящее время, вероятно, этот излишек еще очень небольшой. Однако он станет нарастать, скорее всего, с середины 2010 г., когда в социальную жизнь вступит поколение пассионарной молодежи 1992 г. рождения. Но из-за демографических причин этот излишек может и не достигнуть значительных масштабов.

Это дает основания утверждать, что широкомасштабная гражданская война по образцу 1918–1921 гг. в современной России маловероятна. В пользу этого вывода можно привести также следующий аргумент: наличие на территории России ядерного оружия и опасных производств (прежде всего АЭС). В ходе гражданской войны велика вероятность потери контроля над ядерным оружием и попадание его в руки террористических и криминальных групп. При этом в ходе войны могут быть разрушены атомные электростанции и крупные химические производства. Радиоактивное и химическое заражение огромных густонаселенных в настоящее время территорий сделает их практи-

¹ См.: *Всероссийская перепись населения 2002 года*. URL: <http://www.perepis2002.ru>.

чески непригодными для жизни, что поставит под угрозу само дальнейшее физическое существование российского суперэтноса.

В ближайшие годы представляется вероятным новый виток вооруженных этнополитических конфликтов на Северном Кавказе. В русле этого прогноза находится недавняя агрессия Грузии против Южной Осетии. Очевидно, дестабилизации ситуации способствовал в том числе и популяционно-демографический фактор — вступление в социальную жизнь пассионарной молодежи 1990 г. рождения.

Начиная с 2010 г., возможно, будут приняты меры по выведению некоторой части пассионариев старших поколений из активной социальной жизни. При этом эти меры, скорее всего, не ограничатся только снятием с должностей и «отправкой на пенсию», а могут приобрести вид перманентных репрессивных кампаний в отношении коррумпированного чиновничества, руководителей и активных членов организованных преступных группировок, криминального и полукриминального бизнеса.

Вероятность такого развития событий представляется очень значительной, если начавшийся в США в прошлом году финансовый кризис является признаком вступления Запада в период своей агонии — так называемый фазовый переход «инерция-обскурация». С началом этого фазового перехода процессы распада и гибели суперэтноса становятся необратимыми. Агония Запада, учитывая наличие на его территории ядерного оружия и опасных производств, может привести к гибели всего человечества. В чрезвычайных обстоятельствах наиболее эффективным способом решения проблем является введение тоталитарного политического режима, который может вызвать ренессанс тоталитаризма по всему миру, в том числе и в России.

ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА

Марат Биекенов

*заведующий кафедрой политических технологий
Академии государственного управления
при Президенте Республики Казахстан
доктор философских наук, профессор*

Астана, Республика Казахстан

РОЛЬ АССАМБЛЕИ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В демократизации и развитии института парламентаризма казахстанского общества большую роль играет Ассамблея народов Казахстана. Она является консультативно-совещательным органом при главе государства и объединяет представителей практически всех национальностей и народностей, проживающих в Казахстане. Идея ее создания была выдвинута главой государства на начальном этапе независимости.

В настоящее время парламентская система Республики реализует в определенной степени представительство различных интересов: партийных, кооперативных, этнических, региональных. Взаимодействие и баланс этих интересов весьма необходимы и отражают степень демократизации общества. Поэтому структура и полномочия Парламента должны максимально учитывать наиболее устойчивые тенденции демократизации общественного развития Республики Казахстан. Так, в Казахстане при наметившихся усилениях тенденций в сфере межэтнических отношений регионализма, влияния местных элит на экономическую и политическую жизнь настоятельно требуется, чтобы устройство и конструкция представительной власти в будущем обеспечили необходимые конституционные способы реализации различных интересов этносов, граждан и общественных объединений.

Президент Республики Казахстан является председателем Ассамблеи. По Конституции страны Ассамблея не имеет права законодательной инициативы, но на ее сессиях выдвигаются

значимые для развития страны предложения и инициативы, которые впоследствии внедряются в практическую жизнь.

Казахстан — полиэтничное и многоконфессиональное государство. В нем проживают в мире и согласии представители более 130 этносов и 45 конфессий. Из всех постсоветских государств именно Казахстан, хотя и не избежал эмиграционных процессов, сохранил общий характер дружелюбного и активного сотрудничества многочисленных этносов. Более того, Республика обрела уникальный опыт, связанный с деятельностью Ассамблеи народов Казахстана и эффективностью этого гражданского института. Он получил высокую оценку ООН, других международных организаций и государств, которые подчеркнули необходимость распространения в международном сообществе казахстанской модели и опыта межэтнического согласия и равенства. И этот потенциал нужно активнее направлять на дальнейшее укрепление дружбы и единства казахстанского народа.

В этой связи участие Ассамблеи в реализации проекта «языковой политики» усиливается. Так, уже началась реализация культурного проекта «Триединство языков», который предусматривает, чтобы все казахстанцы овладели тремя языками: казахским, русским, английским. И Ассамблея должна активно подключиться, тем более что имеется хороший опыт по развитию языков через сеть воскресных школ. Глава государства считает, что «надо использовать их для популяризации казахского языка, следует подумать и о повсеместном открытии курсов английского языка при национальных культурных центрах»¹.

В соответствии с законом Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» от 21 мая 2007 г.² Мажилис состоит из 107 депутатов, избираемых в порядке, установленном конституционным законом. Избрание 98 депутатов Мажилиса осуществляется на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; 9 депутатов Мажилиса впервые за всю историю суверенного государства избираются Ассамблеей народов Казахстана.

¹ См.: Информационное агентство Kazakhstan Today.— 2007.— 6 авг. URL: http://www.kt.kz/index.php?lang=rus&act=arch_n&n_date=2009-08-06.

² Конституция Республики Казахстан. — Алматы, 2007. — Ст. 50.

В этой связи закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народов Казахстана»¹ от 20 октября 2008 г. направлен на закрепление конституционной роли Ассамблеи в реализации государственной национальной политики, обеспечение общественно-политической стабильности в Казахстане и повышение эффективности взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений.

Закономерен интерес Ассамблеи народов Казахстана к проблемам становления парламентаризма в различных странах мира².

Под парламентаризмом понимается государственная система, при которой (в соответствии с конституцией) руководящую роль в системе государственных органов играет парламент. В целом можно констатировать, что уровень сформированности парламентаризма зависит от полноты полномочий парламента (как законодательных, так и контрольных).

Изучение международного опыта парламентаризма является важным направлением деятельности и модернизации казахстанского общества. Кроме того, необходимо постоянно участвовать в специальных внешнеполитических программах по популяризации казахстанского опыта в области обеспечения межэтнического и межнационального согласия³.

Как известно, центром современного международного межпарламентского сотрудничества является ООН. В 1996 г. было подписано Соглашение сотрудничества между ООН и Межпарламентским Союзом (МПС). В соответствии с этим Соглашением ежегодно Генеральный секретарь ООН представляет Генеральной Ассамблее доклад о различных аспектах сотрудничества между ООН и МПС. Проведение ежегодных межпарламентских слушаний с участием членов парламентов, приехавших для участия в сессии Генеральной Ассамблеи ООН, вошло в практику и позволяет членам парламентов всех стран мира лучше понять цели и методы деятельности членов ООН.

¹ Газ. «Казахстанская правда». — 2008. — 20 окт. — С. 6.

² Саидов А. Х. Национальные парламенты мира: энцикл. справ.— М., 2005.— С. 689–692.

³ См.: Информационное агентство Kazakhstan Today...— 2007.— 6 авг.

Первая конференция председателей национальных парламентов в связи с Ассамблеей тысячелетия ООН проходила в зале Генеральной Ассамблеи с 30 августа по 1 сентября 2002 г. и послужила первым этапом проведения Саммита тысячелетия. В конференции участвовали 150 председателей национальных парламентов из 138 государств и примерно 1 000 парламентариев. Конференция приняла Декларацию «Парламентское видение международного сотрудничества на пороге третьего тысячелетия», в которой было заявлено о приверженности к международному сотрудничеству в рамках ООН.

Парламент Казахстана принял активное участие в данной конференции и деятельности различных комиссии МПС ООН¹. Деятельность МПС охватывает широкий круг вопросов, все более совпадающий с основными направлениями деятельности ООН: проблемы мира и безопасности, экономического и социального развития, международное право и права человека, укрепление демократии и законности и др. С 2002 г. МПС предоставлен статус наблюдателя Генеральной Ассамблеи ООН. В настоящее время усиливается влияние МПС на развитие международного права и национальных законов.

Государства с парламентской формой правления в рамках МПС накопили огромный опыт парламентаризма, а также международной деятельности. В настоящее время парламентская форма правления функционирует в свыше 56 государствах планеты, в том числе: в Европе — в 24 государствах; в Азии — в 9; в Африке — в 3; в Америке — в 12; в Австралии — в 8¹.

Почти одна треть членов ООН — это государства с парламентской формой правления. Поэтому изучение опыта государств с парламентской формой правления представляет для Казахстана исторический шанс познания и применения института парламентаризма. Особенно активно развиваются отношения Парламента Республики Казахстан с Парламентом Европейского Союза (ЕС). Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и ЕС установлены 2 февраля 1993 г. В декабре 1993 г. открыто Представительство Казахстана при ЕС в Брюсселе, а в ноябре 1994 г. в Алматы открыто Представительство Европейской Комиссии (ЕК).

¹ Саидов А. Х. Указ. соч.— С. 693–694.

Главным институтом ЕС является Европейский Парламент (ЕП), состоящий из 732 депутатов, избираемых прямым голосованием на 5 лет. ЕП совместно с Советом ЕС осуществляет законодательные функции и обладает правом совместного принятия решений по следующим вопросам: свободы передвижения рабочей силы, свободы предпринимательства, свободы предоставления услуг, единого рынка, образования, исследования, окружающей среды, трансевропейских сетей, здравоохранения, культуры, защиты потребителей. ЕП может отклонить общую позицию Совета ЕС и остановить законодательный процесс.

Заключение соглашений ЕС о международном сотрудничестве и ассоциации, а также вопросы расширения ЕС требуют согласия ЕП. Кроме того, Европейский Парламент осуществляет контроль за Европейской Комиссией: одобряет назначение президента Комиссии; может отправить в отставку весь его состав (большинством в $\frac{2}{3}$ голосов); совместно с Советом ЕС участвует в принятии решений по вопросам формирования единого рынка и бюджета ЕС. Депутаты ЕП объединены по политическим направлениям, а не по национальной принадлежности. В ЕП работают 20 постоянно действующих комиссий. Генеральный секретариат ЕП расположен в Люксембурге. В соответствии с пятилетним мандатом депутатов ЕП избираются последовательно два председателя на срок по 2,5 года.

Таким образом, в Казахстане пройден первоначальный этап становления высшего представительного органа — Парламента (Ассамблеи народов Казахстана) и в настоящее время происходит процесс его модернизации в направлении формирования института парламентаризма. В современных условиях для Ассамблеи начинается новый этап развития, она получила конституционный статус, расширила свои полномочия, что, в свою очередь, означает новый уровень ответственности и новые задачи. Исходя из этих задач следует предпринимать действенные меры по укреплению единства и сплоченности казахстанского народа.

Жанна Кыдыралина

*доцент кафедры политических технологий
Академии государственного управления
при Президенте Республики Казахстан
кандидат исторических наук, доцент*

Астана, Республика Казахстан

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Формирование в Казахстане осознанных общенациональных и групповых интересов может быть использовано как опыт межэтнической интеграции. Проблема сочетания этнических (этнокультурных) и национальных (общекзахстанских) интересов остается одной из важных проблем в национальной, государственной политике, так как от ее разрешения зависит дальнейшее развитие казахстанского государства.

В целях обеспечения устойчивой стабильности на официальном уровне проводится политика, способствующая выработке у жителей страны, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания, единой гражданской, казахстанской идентичности. Официальная идентификация определяется статусом гражданина Казахстана, в паспорте сохранена графа «национальность».

Высокая актуальность феноменов идентичностей очевидна и в контексте этнополитических процессов, разворачивающихся в современном мире. Эти процессы обусловлены действием множества факторов: усилением влияния и значения этнического сознания, распространением тенденций автономизации, сепаратизма, экстремизма, углублением межнациональной и межэтнической, межрелигиозной и межкультурной напряженности. В этих условиях для любого полиэтничного государства одним из главных принципов его целостности и независимости выступает взаимодействие множественных идентичностей и интеграция проживающих в стране этносов в единую граждан-

ско-политическую общность, т. е. в нацию. В новых условиях востребованы гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение.

В государственной политике Казахстана подчеркивается значение общегосударственной идентичности и необходимости проведения активных усилий по ее формированию. Президент Н. А. Назарбаев подчеркивал, что за годы независимости Казахстан реализовал «собственную модель сохранения и укрепления межнационального согласия и формирования казахстанской идентичности... С самых первых дней независимости в основу казахстанской идентичности был заложен принцип не этничности, а гражданственности... Наша стратегическая задача — дальнейшая консолидация общества и формирование единой казахстанской, конкурентоспособной нации»¹.

Сегодня Казахстан по-новому отвечает на вызовы и выбор исторической судьбы в глобализирующемся мире. Независимость Республики Казахстан ставит перед его полиэтничным населением ряд жизненно важных политических, экономических, социальных и других проблем, решить которые можно, опираясь главным образом на материальные и духовные ресурсы всех этносов.

Опыт свидетельствует, что, несмотря на приверженность большинства казахстанцев идее межкультурного и межэтнического взаимодействия, внутривнутриполитической стабильности, интеграции и согласия, в обществе действуют деструктивные силы и тенденции, способные разрушить фундаментальные жизненные ценности.

Основания потенциального этнического конфликта содержатся в социально-политической амбивалентности, маргинализации населения, соперничестве двух ценностных ориентаций (традиционалистской и западной) в условиях нарастающей поляризации общества, в преобладании эмоционального начала, ослабленности познавательного мироотношения.

¹ *Выступление* Президента Республики Казахстан на XIII сессии Ассамблеи народов Казахстана 20 августа 2007 г. URL: www.akorda.kz.

Важное значение в межэтнических отношениях имеет также образовательно-познавательный фактор. Без правовой компетентности, познавательного мироотношения, поликультурности проблемно становление цивилизационных основ гражданского общества и, следовательно, достижение межэтнической толерантности и стабильности.

Государство проводит целенаправленную продуманную политику в области межэтнических и межконфессиональных отношений. В развитии этих отношений нельзя не отметить позитивную роль такого общественного института, как Ассамблея народов Казахстана.

В процессе межэтнической интеграции основное значение имеют этнокультурные объединения. Этническим диаспорам, проживающим в Республике, отводится важная миссия — быть мостами культурного диалога между Казахстаном и другими государствами. Проведение взвешенной и разумной политики предполагает тонкое и чуткое регулирование этнических процессов, изучение истории и культуры этносов страны, что способствует формированию общеказахстанского патриотизма, любви и гордости за свою страну. В общей истории коренится чувство единства народа. Единство постижимо в духовности, умозрении, которые способна дать каждая этническая культура. Идет поиск путей взаимообогащения уникальных культур, богатых традиций и мудрых обычаев этносов, проживающих в стране.

Сегодня идеалом этнонациональной политики признается политическое и социальное равенство всех граждан без этнических различий и право каждого этноса на культурное самоопределение. Большинство развитых стран мира сформировало особый вид демократии, основанный на приоритете интересов общества и государства, не нарушая при этом исторических традиций, культурных основ, учитывая уровень политической культуры, подготовленности общества и сложность трансформации менталитета населения.

Мы живем в едином обществе, где каждый этнос имеет свое достойное место и где постоянно происходит внутренний взаимообмен духовности. Духовные качества, особый менталитет

всех без исключения этносов, населяющих Казахстан, позволяют в столь сложное время сохранить в стране гражданское согласие и межэтническую стабильность. Социокультурное своеобразие Казахстана, сложившееся исторически, заставляет искать оптимальные, конструктивные пути построения единой культурной основы, устойчивого фундамента в современных сложных реалиях.

Какими будут в целом взаимоотношения казахского этноса и других этносов Казахстана в обозримой исторической перспективе? Казахский этнос как титульный этнос несет ответственность за сохранение межэтнического согласия, он призван, поскольку составляет большинство народа, быть великодушным, толерантным и способным к сдерживанию и недопущению этнической напряженности. При консолидирующей роли казахского этноса формируется патриотический менталитет казахстанского общества.

В книге Н. А. Назарбаева «В потоке истории», в которой обосновывается необходимость поиска и нахождения Казахстаном своей уникальной модели национальной идентификации населения, затронута проблема взаимоотношений казахского этноса и этнических диаспор в плане выбора культурной перспективы казахстанского общества. Становление общеказахстанской культуры, по мнению главы государства, основывается на диалоге национально-культурных систем, синтезе культур при консолидирующей роли казахской национальной культуры. Для этого необходимы два основных условия. Первое заключается в том, что представители других этносов должны глубоко усвоить культуру казахов, причем так, как сами казахи в свое время серьезно изучали, например, русскую культуру. Второе условие заключается в том, что построение общеказахстанской культурной модели предполагает открытый характер самой казахской культуры, ее готовность к восприятию культурных новаций, направленность на диалог с другими культурными потоками¹.

¹ См.: Назарбаев Н. А. В потоке истории.— Алматы: Атамұра, 1999.— С. 126; 127; 140.

Сохранение своего национального «я» и патриотизм по отношению к стране своего гражданства — такова модель развития всех этнических диаспор Казахстана. Единство, которое исторически предопределено полиэтничному Казахстану, не противоречит развитию каждого этноса в отдельности. Следует понять, что только общество, воспитанное в лучших традициях своего народа, владеющее своим языком и осознающее самоценность и самобытность другого языка и иной культуры, способно к гражданскому согласию и миру. Терпимость и лояльность являются позитивными моментами, способными подкреплять консолидирующую основу общества.

Национальная идея Казахстана, которая сумела бы сплотить народ и стабилизировать общество, должна не выделять казахов и остальных этносов, а внутренне объединять их. Официальные власти и гражданское общество должны с равным уважением относиться к культуре, языку, образу жизни, обычаям и традициям всех этносов. Для воспитания общеказахстанского самосознания и патриотизма необходима популяризация фактов, идей, несущих консолидирующее значение, способствующих формированию у населения чувства высокой гражданской ответственности.

Идеология гражданской нации включает ответственного гражданина, чувство любви к Родине, лояльность к государству, а также отстаивание государственных интересов. Общественные интересы необходимо формировать и отстаивать на государственном уровне: это способствует пробуждению в людях гражданской идентичности. Политическая элита должна осознавать, что на ней лежит ответственность перед народом, нацией (государством).

Взаимодействие множественных идентичностей полиэтничного общества, обеспечение его стабильности и консолидации не должны проводиться только административными методами. Именно соблюдение принципов демократии является наилучшим методом построения стабильного и бесконфликтного общества.

Нациестроительство — это процесс политической консолидации граждан в единую нацию не только посредством усилий государственной власти, но и путем активной вовлеченности

самого общества в эти процессы, его сознательной гражданской позиции. Укрепление единства народа, формирование его гражданской самоидентификации тесно связаны с постоянным самосовершенствованием и духовным обогащением этносов. В руках самого народа находится проявление разума, мудрости и терпимости.

Путь общественного развития и благополучия людей един для всех. Для дальнейшего поступательного развития независимого Казахстана и решения проблемы идентификации и единения казахстанского народа необходимо проведение ответственной и долговременной работы по воспитанию казахстанцев — патриотов своего полиэтничного государства.

Ольга Туманова

*старший преподаватель кафедры социологии
и социальных технологий Тверского государственного
технического университета
кандидат социологических наук*

Тверь, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Национальные интересы в демократическом государстве представляют собой наиболее важную цель самостоятельной деятельности политических сил в сфере государственной власти. В современном обществе для различных групп интересов в политике национальные интересы являются основанием для принятия стратегических политико-управленческих решений. Кроме того, национальные интересы выступают вектором, определяющим основные шаги внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности органов государственной власти.

Понятие национальных интересов нередко отождествляется с понятием интересов государственных. Уважение и внимание к интересам граждан, представляющих различные национальные группы, должны быть приоритетными для представителей власти. А для демократического государства обеспечение реализации прав и интересов граждан является высшей ценностью государственности.

Соблюдение данного принципа становится возможным через реализацию таких базовых демократических прав, как свобода слова и вероисповедания, равная защита со стороны закона и право на создание организаций. Приоритетным направлением в сфере обеспечения национальных интересов является возможность полномасштабного участия в политической, экономической и культурной жизни общества представителей всех национальных групп.

Однако на практике система демократического государства (особенно многонационального) не дает гарантий обеспечения

равенства статусов и возможностей национальным меньшинствам. Для стабилизации такого положения необходимо формирование особой системы общественно-политических механизмов, призванных защищать интересы представителей всех национальностей и нивелировать возникающие межнациональные противоречия.

Для защиты национальных интересов в демократическом государстве огромное значение имеет массовое распространение принципов толерантности, национальной терпимости и взаимного уважения представителей различных национальностей. Важная роль в этом процессе отводится средствам массовой информации, за деятельностью которых в интересах защиты принципов многонационального государства необходимо установление определенного уровня административного контроля. Информационные потоки должны нести в себе не только пропаганду уникальности всех представителей многонационального государства, но и не допускать распространения националистской, шовинистской и расистской риторики. Подобная работа должна осуществляться не только с привлечением законодательной базы, но и с использованием общественного контроля.

Ключевой задачей государственной политики в области обеспечения национальных интересов также является жесткое пресечение любых попыток политического давления на национальные группы. Подобной позиции следует придерживаться и в случае использования национальных интересов для достижения нечистоплотных целей отдельными участниками политического процесса.

Кроме того, некорректное использование интересов этнических групп в политическом дискурсе, как правило, может привести к распространению националистических настроений в обществе и разжиганию межнациональной розни.

Анализируя определение понятия демократии как власти большинства, заботящегося и охраняющего права меньшинства, можно сделать вывод о том, что этот принцип также актуален в отношении многонационального государства, где в роли меньшинства выступают различные национально-этнические груп-

пы. Государственная власть должна уделять особое внимание защите их интересов как на федеральном, так и региональном уровне.

На региональных властях лежит особая ответственность в соблюдении баланса взаимоотношений между национальными и региональными территориально-политическими системами. В данной ситуации при принятии управленческих решений следует учитывать многообразие интересов всех национальных групп, проживающих в регионе, поскольку все большую актуальность в политическом процессе приобретают национальные отношения на местном уровне. Происходит процесс усиления межэтнического взаимодействия, которое, в свою очередь, требует необходимости контроля со стороны властей за процессами взаимодействия представителей различных национальных групп с учетом их этнической специфики. При этом в последнее время особенности целостного развития полиэтнического социума на региональном уровне приобретают характер устойчивой закономерности.

В демократической системе внутринациональная политика должна выстраиваться с учетом соблюдения баланса сил внутри государства. При этом власть должна постоянно контролировать развитие межнациональных отношений, согласовывая их с принятием административно-территориальных решений, а также с основными принципами и задачами социально-экономической политики. Особенно актуальным это становится в ситуации мирового кризиса. Полиэтническое общество предполагает определенную структуру организационного обеспечения и адекватную политическую систему управления. Следует также помнить, за обеспечением единства демократического государства не должен забываться принцип уникальности политической и общественно-культурной жизни отдельных национальных групп.

Защита государством интересов всех наций и этнических групп, проживающих на его территории, способна выступить интегрирующей составляющей не только в системе государственного строительства, но и национальной безопасности страны. А это, в свою очередь, позволит создать основу для сохранения и укрепления единых, стабильных и развитых демократических отношений в государстве.

Елена Маклашова

*научный сотрудник Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
кандидат политических наук*

Якутск, Россия

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА: ГРАНИЦЫ ИНТЕРЕСОВ ВО ВЛАСТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Российская Федерация имеет сравнительно небольшую историю становления во временном измерении, но во властно-правовом — достаточно насыщенную, связанную со сложными и разносторонними преобразованиями.

Сложность процессов, протекающих в России, характеризуется самой спецификой государства и его властного пространства (в частности, сложным территориально-административным делением и этническим многообразием).

Властное пространство государства представляется как специфическая часть географического и социального пространства, технологически систематизированная, структурированная и определенная исторически относительно власти и властных отношений.

Основным фактором, определяющим властное пространство, является государственная власть. Исходя из этого в условиях федеративного устройства государства властное пространство представляется сложносоставным ввиду установления двухуровневой структуры власти. При этом важным для стратегического развития государства является фактор сохранения баланса интересов между уровнями власти и их созидательного сосуществования.

В этой связи в статье акцентируется внимание на специфике соотношения интересов власти Федерации и власти регионов как одной из характеристик властного пространства Российской Федерации. В данном случае под регионом понимается полити-

ко-административное и территориальное образование, имеющее конституционное признание и наделенное властными ресурсами, а Федерацией — основообразующая система государственного управления, наделенная правом определения единой стратегии развития страны, обладающая и распоряжающаяся всеми имеющимися в стране ресурсами.

Властное пространство в условиях федеративного государства характеризуется наличием двух разнонаправленных процессов: интеграции (в том числе централизации) и дифференциации (в том числе децентрализации) субъектов политического и государственного управления. В частности, имея подчиненный характер относительно центральной (федеральной) власти, региональная власть в то же время самостоятельна в распоряжении властными ресурсами, но в пределах, определенных федеральной властью.

Таким образом, важной составляющей сохранения стабильности России является разумное сочетание регионального многообразия и единства властного пространства страны. Поиск устойчивой целостности в условиях многообразия определяется прежде всего установлением и соблюдением интересов основных акторов власти — главных «атрибутов», составляющих пространство. Успех зависит от их способностей и гибкости в соблюдении как правил «политической игры», так и границ интересов участников политического процесса.

В условиях многосоставного, федеративного государства, где сосуществуют несколько интересов, имеется потенциальная невозможность реализации одного интереса при реализации другого, т. е. существует противоречие интересов. В этой ситуации конфликт неизбежен, что может представлять угрозу целостности системы и единству пространства страны. Выявление интересов субъектов политического процесса и определение их границ являются необходимыми условиями для сохранения единства властного пространства федеративного государства и определения общей стратегии развития страны и ее регионов.

При этом граница, как отмечает С. А. Королев, — это, с одной стороны, некий край пространства власти, т. е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий, а с другой — зона соприкосновения, пересечения, наложения различ-

ных, часто разнотипных, пространств и столкновения различных структур власти¹.

В этой связи определение интересов, в данном случае политических, состоит как в их выявлении по каждому элементу властно-управленческого процесса, так и установлении их соприкосновения, в данном случае в системе отношений «центр-регион», как необходимое условие сохранения целостности властного пространства страны.

Особенности понимания акторами интересов, их сосуществования и сочетания определяют специфику властного пространства государства.

Так, например, властное пространство России на начальном этапе становления федеративного демократического государства, основанного на положениях Федеративного договора (имевшего в этот период первостепенную, регулирующую роль) и статьях Конституции РФ, которые трактовались как устанавливающие и закрепляющие асимметричность Федерации, фактически представлялось разделенным на сферы влияния федеральных властей, региональных властей, заключивших индивидуальные договоры с центром (главным образом национальных республик) и властей остальных субъектов Федерации. При этом, фокусируя внимание на поле влияния Федерации и регионов, заключивших индивидуальные договоры, в частности национальных республик, ввиду признания центральной властью суверенности таких регионов, можно говорить о формировании параллельных властных пространств в стране.

Властно-управленческие отношения, установленные сегодня в России, характеризуются выстраиванием четкой властно-исполнительной вертикали «центр-субъект» и координационно-контролирующих связей со стороны федеральных структур за действиями властных структур в регионе. Централизация власти и управления становится главной тенденцией современного политического развития страны, т. е. можно говорить о возрождении традиций имперского властного пространства — «наместничества» и командно-административного управления тотали-

¹ *Королев С. А.* Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современ. мир. — 2002. — № 2 (35). — С. 5.

тарной системы. В то же время, определяя приоритеты развития государства и конструируя властное пространство исходя из установленных границ, центральная власть нивелирует возможностью выявления региональных потенциалов и их развитием. С одной стороны, это позволяет сохранять целостность властного пространства, а с другой — чревато нарастанием «недовольства» и даже «сопротивлением» на региональном властном уровне.

Данное обстоятельство имеет большое значение в отношении национальных регионов. Определяя себя как многонациональное государство, Россия, федеральная власть должны поддерживать национальное многообразие и права этносов на развитие. Более того, исходя из классического понимания источника власти в демократическом государстве, а также из положения Конституции РФ о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти является ее многонациональный народ, определение границ интересов во властном пространстве федеративного государства также должно исходить из отношений населения и этносов к политическим процессам.

Понимание границ интересов во властном пространстве федеративного государства уровнями власти и этническим сознанием национальных регионов позволит установить характер стабильности системы властных отношений и единства властного пространства страны.

Евгений Сальников

*начальник кафедры социально-философских дисциплин
и экономики Орловского юридического института
МВД России
кандидат философских наук, доцент*

Орел, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СИСТЕМЫ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ НОРМ РОССИЙСКОЙ МИЛИЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Острые проблемы межэтнического взаимодействия и межэтнической толерантности требуют сегодня проведения адекватной государственной политики в сфере межнациональных отношений. Проблема роста экстремизма определяет необходимость расширения сферы этнополитического регулирования, включенности этнополитических проблем в те или иные отношения. Ярким примером этого является появление в новом Кодексе профессиональной этики сотрудника ОВД (далее — Кодекс) принципа толерантности¹.

Данный Кодекс представляет собой скоординированную систему профессионально-этических норм, которая включает нравственные ценности, обязательства и принципы службы в органах внутренних дел. Тем самым Кодекс становится базисом морально-нравственной деятельности сотрудника органов внутренних дел РФ.

Так, в статье 5 Кодекса определяются нравственные принципы службы в органах внутренних дел РФ, которые воплощают в себе безусловные требования профессиональной и общественной морали к деятельности органов внутренних дел (это принципы гуманизма, законности, объективности, справедливо-

¹ *Об утверждении* Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 24 дек. 2008 г. № 1138. URL: <http://www.police-russia.ru/archive/index.php/t-402.html>.

сти, коллективизма и товарищества, лояльности, нейтральности по отношению к политическим партиям и движениям, толерантности).

В настоящей статье анализируется принцип толерантности. В соответствии с Кодексом принцип толерантности заключается в уважительном, терпимом отношении к людям с учетом социально-исторических, религиозных, этнических традиций и обычаев.

Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами — членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает: уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Принцип толерантности — основа правового конституционного государства. Его нарушение представляет собой нетолерантное поведение, которое создает питательную почву для произрастания экстремизма.

Следует отметить, что проблема толерантного поведения сотрудников органов внутренних дел в современной России стоит достаточно остро. Особое внимание руководителей разного уровня уделяется вопросу о недопустимости проникновения в милицейскую среду экстремистских настроений, осуществления сотрудниками ОВД экстремистских действий. К сожалению, примеры нетолерантного поведения в среде сотрудников органов внутренних дел имеют место.

Сегодня от сотрудников органов внутренних дел требуются высокий уровень грамотности в вопросах межэтнического взаимодействия, собственная толерантность и устойчивое владение навыками межэтнического и межконфессионального общения. Сотрудник милиции должен в полном объеме представлять все возможные последствия его попустительского, а тем более одобряющего отношения к проявлениям межэтнической и межрелигиозной нетерпимости.

Ярким подтверждением этого являются события в Кондопоге, когда отчасти неграмотное и несвоевременное реагирование сотрудников правоохранительных органов привело к возникновению серьезной противоправной ситуации, вылившейся в со-

вершение лицами ряда тяжких преступлений. Речь идет о событиях, происшедших в ночь на 30 августа 2006 г., когда у бывшего ресторана «Чайка» возникла групповая драка. Оперативный дежурный Кондопожского ГУВД майор милиции К. не смог правильно оценить всю опасность данного происшествия и дать оценку разгоравшемуся межэтническому конфликту. Он не придал должного значения националистической составляющей происшедшего, не предпринял необходимых мер для пресечения конфликта. Результатом этого стали массовые беспорядки в Кондопоге со значительным количеством пострадавших. В отношении майора милиции К. было возбуждено уголовное дело по части 3 статьи 293 УК РФ («халатность, повлекшая по неосторожности смерть двух или более лиц»). В декабре 2007 г. Кондопожский городской суд признал К. виновным и назначил ему наказание в виде 4 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, а также в виде лишения его сроком на 3 года права занимать должности, связанные с организационно-распорядительными функциями в государственных и муниципальных органах и учреждениях.

В среде российских милиционеров отмечаются случаи не только плохого знания этнополитических проблем и недостаточного к ним внимания, но и случаи наличия экстремистски ориентированных сотрудников ОВД. Вместо того чтобы упрочить в своей деятельности межэтнический мир, такие сотрудники подрывают основы этнополитики государства, способствуют возрастанию межэтнической розни и нетерпимости. Так, в начале марта 2007 г. в Ленинградской области прокуратура возбудила уголовное дело по статье 282 УК РФ в отношении 27-летнего гражданина С., капитана милиции. Согласно прокурорскому постановлению, гражданин С. «занимался публичным распространением материалов, содержащих идеи ненависти, вражды и унижения человека по признакам национальности (расы)»¹. Капитан создал Интернет-сайт, на котором выкладывал антисемитские и антикавказские материалы, взятые из Интернет-ресурсов, и допускал экстремистские высказывания.

¹ Подробнее об этом см.: www.sova-center.ru.

Приведенные действия сотрудников органов внутренних дел представляют собой не только примеры преступного поведения, но и грубого нарушения одного из основополагающих нравственных принципов деятельности сотрудников ОВД. Необходимо со всей строгостью и принципиальностью подходить к подобного рода моральным проступкам. Нет сомнения в том, что сотрудник, не соблюдающий в своей деятельности нравственных принципов, предписываемых профессиональной этикой, не может достойно осуществлять служебные полномочия. Он разрушает престиж органов внутренних дел в обществе, деформирует имидж сотрудника ОВД, ставит под угрозу, а зачастую и делает невозможным достижение поставленных целей поддержания правопорядка и обуздания преступности. Подчеркнем еще раз, что этический облик сотрудника органов внутренних дел — залог успешной деятельности всего личного состава ОВД.

Следует также отметить, что приведенные примеры представляют все же единичные случаи нетолерантного поведения сотрудников ОВД. В основном российские милиционеры достойно выполняют свой служебный долг, встают на защиту межэтнического мира и согласия и прилагают все усилия для укрепления межэтнической толерантности в стране.

В качестве примера приведем героическую деятельность сотрудников ОВД при поддержании конституционного порядка на территории Северного Кавказа.

Так, 10 мая 2002 г. на территории села Комсомольское Грозненского района Чеченской Республики проводились специальные мероприятия по выявлению и задержанию участников незаконных вооруженных формирований, нарушавших мир, межэтническую и межрелигиозную толерантность, ставивших под угрозу конституционные принципы России. В соответствии с имеющейся оперативной информацией в местах возможного появления преступников были выставлены передвижные группы из числа сотрудников ОМОН и ГИБДД.

Вечером на окраине села Комсомольское появились вооруженные люди. На требование предъявить документы они открыли огонь из автоматов. Милиционеры, рассредоточившись, приняли бой. В ходе боестолкновения инспектор ДПС ГИБДД МВД Чеченской Республики Ризван Басханов, увидев, что один

из преступников пытается бросить приведенную в боевое положение гранату в сторону сотрудников, бросился на него и зажал гранату, обхватив бандита руками.

Младший сержант милиции Ризван Басханов подорвался вместе с преступником, ценой своей жизни сохранив жизни товарищей. Нападавшие преступники, пораженные его отвагой, прекратили бой и отступили. За самоотверженность, мужество и героизм, проявленные при спасении людей, смелые и решительные действия при исполнении служебного долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, младший сержант милиции Ризван Шарудиевич Басханов был удостоен звания Героя Российской Федерации (посмертно).

В заключение еще раз подчеркнем адекватность и обоснованность появления этнополитических регулятивов в профессиональном кодексе российских милиционеров. Совершенно очевидно, что реалии российского общества требуют наличия не просто юридически грамотного, но и толерантного, разбирающегося в этнополитических проблемах стража правопорядка. Воплощение российскими милиционерами в своей повседневной деятельности принципа толерантности позволит упрочить этнический мир и единство всей страны.

Светлана Федосова

*доцент кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин Курского филиала
ГОУ ВПО «Орловский юридический институт МВД России»
кандидат исторических наук, доцент*

Курск, Россия

НАЦИОНАЛИЗМ И КСЕНОФОБИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Экстремизм превратился в одну из серьезных угроз безопасности, с которой человечество столкнулось в XXI в. На нынешнем этапе возрастает многообразие проявлений экстремистской деятельности, которая все больше увязывается с межнациональными конфликтами, этнической неприязнью. Чувство ненависти, опасности, страха трансформируется в желание нанести вред «чужаку», в подстрекательство других осуществить насилие по отношению к «иным». Все это позволяет исследователям сделать вывод о распространении в обществе такого вида экстремизма, как национальный.

Национальный экстремизм характеризуется жесткими и жестокими действиями группировок, которые стремятся добиться независимости какой-либо страны или обеспечить превосходство одной нации над другой внутри одной страны. Выступая с позиций защиты интересов своей нации, а также ее прав, интересов, культуры и языка, национальный экстремизм отвергает подобные же права для других национальных и этнических групп. Такой экстремизм ведет к обострению межнациональных отношений и является источником вражды и конфликтов между народами. Его можно оценивать как крайнюю степень национализма.

Национализм — это идеология, психология, социальная практика, мировоззрение и политика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства¹.

¹ *Политология*: энцикл. слов. / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. — М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. — С. 195.

Исходя из субъекта политики можно выделить следующие виды национализма:

1. Национализм как политика государства по отношению к этническим группам, проживающим на его территории. Примером может послужить национальная политика, проводимая в СССР. Во время правления И. В. Сталина в СССР был проведен ряд депортаций по этническому принципу. По оценкам демографа Анатолия Вишневского, основанным на архивных данных, в 1930–1953 гг. было депортировано не менее 6,4 млн человек (включая раскулачивание, депортации по национальному признаку и др.)¹.

2. Национализм мигрантов, которые не могут находиться у власти и поэтому не имеют полноценного доступа к культуре, образованию и, следовательно, к стилю поведения, общения и традициям социума. В результате на первый план выдвигаются проблемы ассимиляции. В этом случае неизбежны: кризис идентичности, порождаемый данным промежуточным положением на стыке двух культур; неопределенность статуса; внутренняя и внешняя противоречивость; потенциальная поливекторность действий.

Подверженность мигрантских групп экстремистским настроениям — факт широко признанный и общеизвестный. Маргинальный статус мигранта усложняется целым рядом факторов: двойной потерей родины (невозможность жить на бывшей родине, сложности адаптации на месте настоящего жительства), трудностями с получением статуса, ссуды, жилья, отношением местного населения и т. д. Институциональная рассогласованность этнических мигрантов определяет политическую нестабильность системы в целом и, как следствие, приводит к расширению географии экстремизма.

3. Национализм народов, основанный на неравноправии и неравенстве в мировых экономических, культурных и политических отношениях и процессах. В этой связи нерешенность или кажущаяся невозможность решить насущные социальные, духовные и другие проблемы у представителей дискриминируемой этнической общности зачастую и направляются на членов

¹ См.: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

другой этнической общности, находящихся, по их мнению, в более благополучном социальном положении именно за счет национальной принадлежности.

Таким образом, национализму любых форм свойственно обеспечение интересов одного народа за счет ущемления прав другого. Он исключает установление партнерского диалога между нациями и развитие атмосферы взаимопонимания и сотрудничества.

Вместе с тем можно выделить относительно «мягкие» формы национализма — навязывание народу иной культуры, языка и т. п., а также крайне негативные варианты его воплощения — полное или частичное истребление народов или его отдельных представителей из расовых или националистических соображений. Последние в полном объеме подходят под определение экстремизма. Вместе с тем так называемые «мягкие» формы национализма впоследствии способны спровоцировать проявление экстремизма со стороны народа, чья национальная гордость была задета.

Сегодня мы пожинаем плоды советской национальной политики, которая была направлена на формирование единого советского народа путем слияния наций. Управление такой огромной страной, как бывший СССР, из одного центра вне учета мнения коренного населения и специфики развития регионов привело к тому, что этносы постепенно теряли свой сложившийся образ жизни, традиционные виды хозяйственной деятельности, перспективу развития. Уместно вспомнить слова В. Белинского, который предостерегал: «когда народ поддается напору чуждых ему мыслей и обычаев, не имеет в себе силы переработать их собственной сущностью — тогда он гибнет политически»¹.

Бывшие республики яростно заботятся о своем национальном возрождении. При этом осуществляют политику национализма по отношению к русскому населению, проживающему на их территории, которая зачастую приобретает экстремистские формы: лишение работы (т. е. лишение средств существования и вынужденная эмиграция) или отсутствие возможности выбора в вопросах трудоустройства, изгнание или «выживание» из страны и др.

Питательной средой экстремистских настроений является ксенофобия, т. е. неприязнь, нетерпимость, ненависть и презре-

¹ См.: *Белинский В.* Утопический социализм. — М., 1977.

ние к лицам иной веры, культуры, национальности, к иноземцам, представителям других регионов¹.

Ксенофобия — это сложный, комплексный, многоуровневый феномен, в основе которого лежит множество факторов — психологических, социально-политических, экономических, демографических, религиозных, культурно-исторических.

Однако, как указывают исследователи², подробно изучившие эту проблему, корни, основные предпосылки и механизмы данного явления — социально-психологические. В соответствии с этим положением ксенофобию определяют как негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям — «чужакам», «иным», «не нашим». Она проявляется в соответствующих социальных установках субъекта, в предрассудках и предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении в целом. В результате в сознании формируется устойчивый образ врага, являющегося для него источником опасности и угрозы. Проявление ксенофобии обостряется в период сложных экономических, социально-политических кризисов, которые сопровождаются резким снижением жизненного уровня населения, обнищанием основной массы. В таких ситуациях поиск врага является практически единственной возможностью снять эмоциональное напряжение. По мнению исследователей, именно в период «великих» потрясений обостряется чувство «национальной гордости», в основу которой положен поиск культурного превосходства по отношению к представителям других этносов³. В некотором смысле «национальная гордость» выполняет компенсаторскую функцию, охватывая широкие слои общества, заражая их духом национализма, презрения и враждебности. В этой связи З. Фрейд писал: «Не только привилегированные

¹ *Краткий словарь современных понятий и терминов* / под ред. А. В. Макаренко. — М., 1995.

² *Кроз М. В., Ратинова Н. А.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. — М., 2005. — С. 50.

³ См.: *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ ДАНА, 2004. — С. 159.

классы, вкушающие благоденствие культуры, но и угнетенные могут участвовать в удовлетворении, причем право презирать “внестоящих” вознаграждает их за угнетение в их собственном кругу. Правда, я ничтожный плебей, замученный долгами и военными поборами, но зато я римлянин и участвую в задании покорять другие народы и предписывать им законы»¹.

Д. Лоллард дает другое объяснение такого рода агрессивного поведения. Он сформулировал социально-психологическую гипотезу фрустрации — агрессии. Фрустрация — такое состояние индивида, которое вызывается внешними препятствиями на пути его стремления достичь значимой для себя цели. Если по какой-либо причине индивид не может в данный момент направить агрессивный импульс против источника фрустрации, то агрессия откладывается во времени или «замещается», т. е. перенацеливается на более уязвимый и менее защищенный объект.

Крайней формой проявления национального экстремизма является этнонационалистический террор, т. е. силовое обеспечение гипертрофированных интересов граждан одной этнонации за счет других, основной целью которого через создание атмосферы страха и ужаса в среде представителей определенной национальности подтолкнуть их к действиям, выгодным террористами (например, покинуть страну). Это проявляется в разбойных нападениях, жестоких избиениях или убийстве представителей других национальностей. Вопиющим актом националистического терроризма стало убийство палестинскими боевиками группы «Черный сентябрь» в Мюнхене в 1972 г. на Олимпиаде спортивной команды Израиля.

Таким образом, национализм и ксенофобия сеют вражду между народами, мешают установлению толерантных, добрососедских отношений и тем самым создают питательную среду для роста экстремизма в обществе. В настоящее время практически все мировое сообщество признает национальный экстремизм как социально опасное явление. Международные документы, в том числе Всеобщая декларация прав человека и Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, осуждают этническую дискриминацию и ставят ее вне закона.

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Тотем и табу.— М., 1997.— С. 358.

Ольга Бессчетнова

*доцент кафедры социальной работы
кандидат социологических наук, доцент
Балашовский филиал Саратовского государственного
университета им. Н. Г. Чернышевского*

г. Балашов

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ¹

Проблема экстремизма, в том числе в молодежной среде, представляет собой сложное, многоплановое явление общественной жизни, которое до сих пор остается предметом острой дискуссии не только в российской, но и мировой гуманитарной науке.

Большой вклад в исследование экстремизма внесли такие ученые, как Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян (молодежный экстремизм); Н. А. Федорова, И. П. Добаев, А. С. Грачев, Н. А. Романов, В. В. Волков, А. Б. Соловьев (этнополитический экстремизм); С. М. Иншаков, Э. С. Арухов, С. Г. Москаленко, Д. А. Нечитайло, П. Н. Кобец (религиозный экстремизм); В. А. Плешаков, М. М. Бабаев, Е. Н. Рахманова (правовое регулирование экстремисткой деятельности) и др.

Толковый словарь русского языка трактует слово «экстремизм» как «приверженность к крайним взглядам и мерам»². Согласно международному определению, экстремизм — это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии. В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³.

¹ *Исследование* выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Профилактика экстремизма в подростковой среде в условиях изменяющейся России» (грант № 09-06-00434а).

² *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М., 2008. — С. 908.

³ *О противодействии экстремистской деятельности:* федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.

В соответствии с поправками от 29 апреля 2008 г. к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Экстремизм проявляется во всех сферах жизнедеятельности молодежи и поэтому его условно можно типологизировать на следующие виды: 1) бытовой (ориентация сознания молодежи на риск в повседневной жизни, как наличие установки на групповые конфликты, драки); 2) социально-протестный; 3) политический; 4) религиозный; 5) национально-этнический.

Данные виды extremism определяются как проявление фанатизма в идейной направленности сознания на борьбу за справедливость, политические убеждения, национальные и религиозные чувства, согласие с крайними идеологическими формами протестных, националистических, религиозных движений, а также как установки (готовность) на демонстрацию этих чувств.

В качестве особенностей молодежного extremism можно выделить следующие факторы:

— в основном он является производным от взрослого, менее организован, стихийен, идеологически неглубок;

— молодые экстремисты менее склонны к компромиссам в какой-либо форме, в то время как подавляющая часть взрослых экстремистов, при наступлении критических условий, может отчасти изменять свою политическую позицию;

— отсутствие опыта делает многие экстремистские акции, проводимые молодежью, неэффективными и безрезультатными;

— поведение молодых экстремистов отличается большей активностью и жесткостью по сравнению с представителями старшего поколения. Это можно объяснить тем, что в силу своего возраста молодежь менее склонна бояться тюрьмы, смерти, физических травм;

— деятельность многих несовершеннолетних экстремистов не подпадает под статьи действующего законодательства РФ по причине их малолетнего возраста;

— «самозарождение» молодежного extremism: относительно крупные политизированные молодежные группировки экстремистского толка могут возникать без участия взрослых (например, «скинхеды»).

Причинами молодежного extremism выступают: ухудшение условий жизни, войны на Северном Кавказе и Чечне, усиление

ние миграционных процессов, конфликты культур и этносов, кризис морали и нравственности, семейное неблагополучие, значительное социальное расслоение общества.

Количество преступлений экстремистского толка среди молодежи постоянно растет, в связи с чем необходимо предпринять эффективные меры, адекватные сложившейся ситуации. Ряд отечественных правоведов предлагает внести некоторые поправки в российское законодательство, касающиеся регулирования данной сферы. Так, А. В. Абдулин для борьбы с экстремизмом считает необходимым, во-первых, снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет за все преступления, совершенные по мотиву национальной, расовой, религиозной, социальной ненависти или вражды; во-вторых, для пресечения поддержки экстремистских движений со стороны должностных лиц, находящихся на государственной и муниципальной службе, и прочих лиц, занимающих публичные должности, следует ввести пожизненный запрет занимать указанные должности и быть избранными в органы власти любого уровня; в-третьих, не применять к лицам, совершившим подобные преступления, условно-досрочное освобождение; в-четвертых, недопустимо применять амнистию и помилование к лицам, совершившим преступления, являющиеся опасными проявлениями экстремистской деятельности¹. Другие ученые делают акцент на конкретизации законодательства, которое характеризуется запутанностью, повторами, несогласованностью с другими положениями Общей и Особенной частей УК РФ, в частности по статьям 282 УК РФ², и, как следствие, проблематичностью его применения.

Массовый экстремизм всегда является следствием разобщенности в обществе, которое утратило общую идеологию, единые ценности и цели, характеризуется сильным социальным расслоением, где большая часть людей испытывает недовольство своим экономическим, социальным, правовым и духовным положением и считает себя «униженной и оскорбленной». В по-

¹ *Абдулин А. В.* Уголовно-правовой запрет и преступления экстремистской направленности // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современ. преступностью: сб. науч. тр.— Саратов: Сарат. центр по исслед. проблем организован. преступности и коррупции «Сателлит», 2008.— С. 278.

² *Аганов П. В.* Проблемы признания преступной группы экстремистским сообществом (по материалам судебной практики) // Там же.— С. 284–286.

добной ситуации некоторые представители низшего класса не способны видеть причины своего бедственного положения в собственном поведении, в отсутствии настойчивости, надлежащей профессиональной квалификации и социальной активности; в «недоработках» государства, коррупции в самых верхних эшелонах власти; слабой социально-экономической политике, ее декларативном характере. Вместе с тем молодежи легче признать причину своих неудач в присутствии на территории страны многочисленных нерусских диаспор из стран СНГ, которые, по их мнению, и являются факторами безработицы, криминальной обстановки, усиления бремени на налогоплательщиков.

Обращаясь к историческому прошлому России, следует отметить, что в XVIII–XIX вв. она представляла собой многонациональную империю. Если в 1646 г. на долю русского этноса приходилось около 95 % всего населения страны, то к 1914 г. — только 44,6 %, а остальные 55,4 % населения составляли 200 больших и малых народов. В 1719 г. среди них наиболее многочисленными были украинцы — 12,9 %; белорусы — 2,4; эстонцы — 2,0; татары — 1,9; чувашы — 1,4; калмыки — 1,3; башкиры — 1,1; латыши и финны — по 1,0; мордва — 0,7; немцы — 0,2 %¹.

Несмотря на различия в традиционной культуре народов и конфликты ними, Российская империя вплоть до революции 1917 г. никогда не испытывала существенных потрясений на межнациональной почве. Этому способствовали грамотная национальная политика, широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, отсутствие дискриминации по национальному признаку в вопросах получения образования, доступа к власти и другим социальным благам, а также создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских по сравнению с русскими (отсутствие крепостного права, воинской повинности, льготное налогообложение и т. д.).

Таким образом, опираясь на богатый исторический опыт, современному государству необходимо выстраивать эффективную национальную, миграционную, демографическую, социально-экономическую политику для минимизации ксенофобии, экстремистских тенденций и национализма в обществе в целом и молодежной среде в частности.

¹ Миронов Б. Кому на Руси жилось хорошо // Родина.— 2003.— № 7.— С. 13.

КУЛЬТУРА И ЭТНОПОЛИТИКА

Елена Макрушич

*аспирант кафедры истории Беларуси Гродненского
государственного университета им. Янки Купалы*

Гродно, Республика Беларусь

ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В начале XXI в. на постсоветском пространстве наблюдался рост исследований, посвященных изучению феномена этнокультурной политики. Это было вызвано актуальностью определения роли государства в деле сохранения культурной самобытности различных этносов и этнических групп.

Особый интерес у ученых вызывали проблемы создания теоретической базы этнокультурной политики, анализа деятельности властных структур и национальных объединений, сравнения различных моделей этнокультурного регулирования, разработки рекомендаций по дальнейшему проведению этнокультурной политики на различных уровнях.

Необходимо отметить, что общепринятого понятия этнокультурной политики и четкого определения ее содержания пока не существует. Одновременно употребляются такие понятия, как «национальная политика», «этническая политика» или «этнополитика», «этнокультурная политика». Это связано с отсутствием точного определения категории «нация» в гуманитарной науке и наличием нескольких подходов в рассмотрении этой проблемы.

Основным критерием различия является включение в содержание данной категории одной или нескольких этнических общностей. Согласно первому подходу нация понимается как высшая стадия развития этноса, сложившаяся на определенной территории общность людей, обладающая единым языком, культурными и психологическими особенностями, общей экономической жизнью. В таком случае сфера государственного регулирования этнических процессов именуется как «нацио-

нальная политика» (иногда «этнонациональная»), а деятельность органов государственного управления по поддержке культурного развития разных этносов и этнических групп рассматривается в общем контексте национальной политики без выделения в отдельное направление.

Сторонниками подобного подхода в России являются Р. Г. Абдулатипов, В. А. Михайлов, Н. П. Медведев, К. В. Калинина, О. В. Козлова, Е. П. Михина и др. Ведущим теоретиком данной концепции является российской ученый и политический деятель Р. Г. Абдулатипов, автор значительного количества исследований по национальной проблематике. Он ввел понятие «нация-этнос», под которым понимается «исторически сформировавшийся коллектив людей со своей специфической средой обитания, территориальным, культурно-языковым, хозяйственно-бытовым устройством, психологическим, нравственным характером, которые обуславливают соответствующий тип самосознания, идентичности, солидарности и мобилизованности»¹. На основе данного понятия «нация» национальная политика трактуется им как «система мер, направленных на защиту национальной самобытности и многообразия народов многонационального государства»¹. Высшей целью государственной национальной политики, по мнению Р. Г. Абдулатипова, является обеспечение народам (России — *Е. М.*) оптимальных условий для полноценного развития как на уровне общности, так и на уровне каждого человека, что позволяло бы стабилизировать межнациональные отношения, предупреждать возникновение трений и конфликтов между нациями-этносомами, находить достойный выход из кризисных ситуаций.

О. В. Козлова, придерживаясь концептуальных положений Р. Г. Абдулатипова, рассматривала национальную политику как политику урегулирования взаимоотношений между отдельными нациями².

¹ *Абдулатипов Р. Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России (отрывки из книги) // Личный сайт Р. Г. Абдулатипова.— 2008. URL: <http://www.abdulatipov.ru/Biblioteka.files/BOOK-01.htm>.

² *Козлова О. В.* Национальная политика Российской Федерации в 90-е годы XX века: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. истор. наук.— Казань, 2004. — 26 с.

Сторонники второго подхода рассматривают нацию как совокупность граждан одного государства, надэтническое образование («гражданская нация», «политическая нация»). Ученые, которые стояли на позициях приоритетности понятия «гражданская нация», предпочитали употреблять понятие «этнополитика» («этническая политика») как аналог «национальной политики», а также выделяли в ее содержании этнокультурный аспект как один из ведущих. В России такой позиции придерживаются В. А. Тишков, В. Ю. Зорин, М. Н. Губогло, О. Н. Максимова, В. В. Амелин, в Украине — А. О. Леонова, А. В. Антонюк и др.

Так, В. Ю. Зорин и В. А. Тишков подчеркивали, что понятие «национальная политика» более приемлемо для обозначения политики обеспечения национальных приоритетов и интересов страны, функционирования общегосударственных сфер общественной жизни (национальная экономика, здоровье нации и т. д.)¹. В. А. Тишков предлагал называть политику сохранения и управления этнокультурным многообразием этнической или этнокультурной политикой². В. Ю. Зорин в диссертации «Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ» предлагает отдельное определение этнокультурной политики: «Сфера управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами, должна называться этнической или **этнокультурной политикой**» (выделено В. Ю. Зориним)³.

Определение этнокультурной политики, данное В. Ю. Зориним, было взято за основу российскими исследователями О. Н. Максимовой и В. В. Амелиным. Украинский политолог А. О. Леонова, ведущий специалист в области этнокультурной политики в Украине, в диссертации использовала понятие «государственная этнокультурная политика в сфере этнокультурного развития»

¹ *Тишков В. А.* Прощание с Миннацем: мнение бывшего Председателя Госкомнаца России // Рус. журн.— 2001.— 15 нояб. URL: <http://old.russ.ru/politics/20011115-tish-pr.html>.

² *Тишков В. А.* О российском народе и национальной идентичности в России // В. Тишков: личный сайт. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html.

³ *Зорин В. Ю.* Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук.— М., 2002.— 54 с.

(«государственная этнокультурная политика»), которое означает деятельность государства в сфере этнокультурного развития и межэтнических культурных отношений¹. Государственная политика в сфере этнокультурного развития рассматривается автором как составная часть государственной этнополитики и государственной культурной политики.

При анализе содержания этнокультурной политики следует остановиться на проблеме определения объекта (объектов) подобной политики и структурных компонентов в деятельности государственных органов в отношении тех или иных этнических общностей. Российскими учеными первоочередное внимание уделялось изучению этнокультурной политики в отношении коренных народов и национальных меньшинств. Тем не менее, по мнению В. В. Амелина и О. Н. Максимовой, в содержание этнокультурной политики входило удовлетворение этнокультурных потребностей русских наряду с другими народами². Подобные взгляды высказывались и Р. Г. Абдулатиповым, который, говоря о так называемом «русском вопросе», отмечал необходимость защиты интересов русского населения в этнокультурном аспекте, в частности, в плане возрождения русских национальных ремесел и художественных промыслов, фольклора, традиционных праздников и обрядов³.

Украинские исследователи содержание этнокультурной политики трактовали более широко: в нее входила как деятельность органов государственной власти по возрождению и развитию культуры украинского этноса в границах Украины и удовлетворению культурных потребностей национальных меньшинств в стране, так и поддержка стремления украинской диаспоры

¹ *Леонова А. О.* Державна етнокультурна політика в Україні на сучасному етапі: механізми формування і реалізації: автореф. дис. ... д-ра політ. наук.— Київ, 2005.— 36 с.

² *Амелин В. В.* Этнокультурная политика в многонациональном регионе // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. VII. — №1. URL: www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/10/10/0000313494/Amelin.pdf; *Максимова О. Н.* Этнокультурная политика в субъектах Российской Федерации Южного Урала на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук.— М., 2006. — 198 с.

³ *Абдулатипов Р. Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России (отрывки из книги) // Личный сайт Р. Г. Абдулатипова. — 2008. URL: <http://www.abdulatipov.ru/Biblioteka.files/BOOK-01.htm>.

к сбережению этнической идентичности. Кроме того, А. О. Леонова и О. В. Антонюк рассматривали проблему экономической и культурной адаптации мигрантов (прежде всего крымских татар)¹.

При изучении реализации этнокультурной политики большинство исследователей уделяли внимание анализу нормативной правовой базы и программных документов по регулированию этнокультурной сферы, а также характеристике различных аспектов деятельности государственных органов в этой сфере. К таким аспектам можно отнести образовательный (развитие этнокультурного образования в разных формах), информационный (научное изучение истории и культуры различных этносов и этнических групп, распространение информации этнокультурного характера в СМИ) и собственно культурный (поддержка развития этнокультур, сбережение духовной и материальной культуры этносов и др.). Отдельно рассматривались вопросы функционирования национальных (этнокультурных) объединений и их сотрудничества с государственными органами.

Белорусские ученые, исследующие вопросы государственного регулирования этнических процессов, употребляли несколько понятий для обозначения государственной политики в этой сфере. Так, И. В. Ковалева параллельно анализировала такие термины, как «национальная политика», «государственная политика в отношении национальных меньшинств», «этническая политика»². Т. И. Жолнерович и Н. П. Денисюк приоритет отдавали понятию «этническая политика», которая трактовалась как внутренняя политика государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений³. Эти авторы на основе анализа раз-

¹ Леонова А. О. Указ. соч.; Антонюк О. В. Формування етнополітики в Україні: теоретико-методологічні та концептуальні засади: автореф. дис. д-ра політ. наук. — Київ, 2001. URL: <http://disser.com.ua/contents/17986.html>.

² Ковалева И. В. Национальные меньшинства как объект государственной национальной политики Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Минск, 2003. — 20 с.

³ Жолнерович Т. И. Гродненщина: основные направления этнической политики // Гродна і гродзенцы: дзевяць стагоддзяў гісторыі (да 880-годдзя горада): матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 10–11 крас. 2008 г. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. — Гродна, 2008. — С. 372–376; Денисюк Н. П. Формирование этнической политики Республики Беларусь в современных условиях // Науч. тр. / РИВШ. — 2008. — Вып. 5. — С. 75–81.

личных концепций этнокультурной политики сделали попытку дать свое понятия этнокультурной политики.

В настоящее время ученые этой Республики предпочитают использовать термин «нация» для обозначения совокупности всех граждан государства, т. е. гражданской нации, что является важным фактором сохранения межэтнического согласия и стабильности в белорусском обществе.

Таким образом, представляется целесообразным применять к обозначению сферы регулирования межэтнических процессов понятие «этнополитика», или «этническая политика». Этнокультурную политику следует рассматривать как ее ведущий компонент, представляющий собой систему мер, которые государственные органы должны направлять на обеспечение толерантных межэтнических отношений в обществе и создание условий для сохранения культурной самобытности всех этносов и этнических групп, проживающих в стране.

Владимир Примин

*и. о. доцента кафедры политических технологий Академии
государственного управления при Президенте Республики Казахстан
кандидат философских наук, член Ассамблеи
народов Казахстана*

Астана, Республика Казахстан

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

На фоне процессов глобализации и интернационализации в современном мире особенно остро встает проблема культурных различий, которые часто становятся причинами кризисов и конфликтов. Поэтому диалог между культурами, дискуссии по поводу взглядов на «свой — чужой» становятся одним из важнейших требований современности. Шаг за шагом идет развитие мультикультурного мирового общества, затрагивающее государственную, трудовую, культурную и образовательную сферы.

Понятие межкультурного диалога опирается на концепцию диалогизма М. М. Бахтина. Диалог подразумевает вопрос и ответ на него, поиски глубинной истины и смысла, выход за пределы понимаемого. Межкультурный диалог — это способ межкультурной коммуникации, направленный на взаимопонимание и взаимообогащение общающихся субъектов. Перенос этого понятия в межэтническую сферу казахстанского общества дает нам возможность рассматривать диалог как действенное средство межкультурной коммуникации.

Диалог культур позволяет видеть всю полноту культурного многообразия в нашем государстве. Традиционные ценности — основа межкультурного диалога. Они играют важную роль для наведения мостов и нахождения точек соприкосновения в межкультурном диалоге. Большое значение имеет убежденность в принципиальной значимости общечеловеческих ценностей, объединяющих различные культуры: человеческая семья, равенство, уважение достоинства всех людей, уважение к неприкосновенности личности и совести.

Национальная идентичность и национальный менталитет формируются в диалоге с культурами всех казахстанских этносов и выражаются в неприятии обособленности, националистических крайностей.

Одна из основных особенностей менталитета казахского народа — уважение к культуре, религиям, традициям и обычаям других народов. Достижения национальных культур, их открытость для диалога, инноваций, взаимного влияния и обогащения стали общенациональным достоянием всех казахстанцев. Более того, этническим группам, проживающим в Республике, отводится важная миссия — быть мостами культурного диалога между Казахстаном и другими государствами, что мы прослеживаем в последние годы по визитам делегаций Ассамблеи народов Казахстана в европейские страны, США, Великобританию, Южную Корею и Японию. В ходе визитов члены делегации (руководители национально-культурных объединений, депутаты Парламента, ученые и представители культуры) обратили внимание, что компактно проживающие этнические группы не так активны в межкультурном диалоге, как в Казахстане. И это удивительно, так как каждая страна имеет свои особенности и культурные традиции.

Среди многих уровней, сфер и институтов, которые задействованы в межкультурном диалоге, в казахстанском обществе есть специальный институт, который постоянно стимулирует межкультурные связи, — это Ассамблея народов Казахстана. Она соединяет элементы и гражданского общества, и государства. Бурное создание и развитие в конце 1980-х и начале 1990-х гг. этнокультурных объединений было чревато их национальной замкнутостью и культурной автономией. В соответствии с Законом об общественных объединениях из 136 национальностей, проживающих в Казахстане, 34 были ассоциированы в различные этнокультурные объединения. Трудно представить, какова судьба была бы уготована этнокультурным объединениям, если бы не была создана Ассамблея, а в ее лице действенный механизм стимулирования межкультурного диалога. Это помогло избежать политизации этнических отношений, перевести их развитие в культурологическое конструктивное русло.

Сегодня с высоты приближающегося 15-летия Ассамблеи зримо видно, что, развивая межкультурный диалог, она очень много сделала по консолидации всех этносов в единый казахстанский народ, созданию равных условий с целью сохранения национальной самобытности, гармоничного развития отношений между этническими группами. Так, в финансировании программ развития родных языков, национальных СМИ, национальных театров большое значение имеет государственная поддержка. Для руководителей национально-культурных объединений выделяются гранты. Дома дружбы становятся подлинными центрами межкультурного общения, в которых регулярно проводятся фестивали этнокультур, дни этносов, смотры-конкурсы учащихся воскресных школ на знание государственного и родных языков, сочинений на тему «Моя Родина Казахстан» и т. д. Республиканский лагерь «Балдаурен» (казахстанский «Артек») в Боровом ежегодно собирает детей различных национальностей на традиционные смены «Золотой мост дружбы». Все это поднимает высокие патриотические чувства и любовь к своей земле и Родине. Действительно, Казахстан имеет уникальные, ни с чем не сравнимые красивейшие места. Не случайно казахская поговорка гласит: «Кто богат землей, у того богатая страна». Здесь можно, наверное, говорить и о большем богатстве, сравнивая его с «роскошью человеческого общения», которое великий Сент-Экзюпери ставил превыше всего.

Многочисленные конференции, круглые столы под патронажем Ассамблеи стали востребованной и эффективной нормой, той трибуной выражения общественного мнения, где, образно говоря, «ткется невидимое полотно казахстанской дружбы».

Мы не раз были свидетелями того, как глава государства, председатель Ассамблеи Н. А. Назарбаев открывает и закрывает сессии Ассамблеи на разных языках народа Казахстана. Все праздники не обходятся без участия национально-культурных объединений, без фольклорных концертных номеров, национальных кухонь, спортивных соревнований. В Казахстане 1 мая отмечается как «Праздник единства народа Казахстана». Для многих людей Первомай не имел политической окраски, а был просто еще одним добрым праздником весны. Правительство

Казахстана «пошло навстречу пожеланиям трудящихся» и оставило Первомайский праздник, обернув его в многоцветные национальные одежды.

Конституционная реформа 2007 г. закрепила статус Ассамблеи в Основном законе страны, наделив ее правом избрания 9 депутатов в Мажилис парламента. Теперь все законы, принимаемые в законодательном органе страны, проходят экспертизу на межэтническую совместимость.

Введение трех заместителей председателя Ассамблеи, двое которых ежегодно будут меняться из числа руководителей этнокультурных объединений, дает возможность всем этнокультурным объединениям поочередно возглавлять Ассамблею и тем самым больше участвовать в межкультурном диалоге.

Для межкультурного общения секретариатом Ассамблеи был выпущен разговорник, позволяющий общаться на 23 языках народа Казахстана. В его подготовке были задействованы руководители этнокультурных объединений и преподаватели воскресных школ. Под эгидой Ассамблеи выпущены такие произведения, как «Энциклопедия этносов Казахстана», «Национальные виды спорта», «Кухня народа Казахстана», «Национальные традиции здорового образа жизни». На все мероприятия, проводимые в национально-культурных объединениях, как правило, приглашаются представители других национальностей.

За годы независимости в Казахстане выросла молодежь, которая не стесняется своего этнического происхождения и гордится своим казахстанским гражданством. Под патронажем Ассамблеи, национально-культурных объединений работают воскресные школы родных языков, летние языковые лагеря. Их достижения Ассамблея и Комитет языков Министерства культуры и информации представляют на республиканских смотрах-конкурсах в лучшие воскресные школы.

Действенной формой межкультурного диалога, объединяющего детей разных национальностей, являются уникальные школы национального возрождения в Павлодаре, Усть-Каменогорске, Петропавловске. Эти воскресные школы объединены под одной крышей и их финансирование осуществляется из местных бюджетов.

Межкультурный диалог можно проследить и на уровне отдельной личности как носителя двух, трех и более этнокультур. На одном из мероприятий, проводимом Дагестанским культурным центром, прозвучала мудрая пословица: «Сколько языков и культур узнаешь — столько жизней проживешь». В этой связи есть особая тема для развития этой мысли — «казахский язык как язык межкультурного общения», которую, безусловно, необходимо постоянно поднимать и стимулировать, если хотим ощущать всю полноту жизни казахстанского общества. Так, от знания государственного языка зависит продвижение по государственной службе, получение престижной профессии, в конечном счете — конкурентоспособность и языковая гармония в обществе. В отличие от некоторых стран СНГ в Казахстане языковая политика строится на балансе национальных интересов, где главными критериями выступают мир и межнациональное согласие в обществе. Постепенное овладение государственным языком всем населением — задача реальная и достижимая, о чем свидетельствуют все большее число некоренной молодежи, говорящей на казахском языке. Делопроизводство в государственных органах ведется на казахском языке и при необходимости дублируется на другие языки.

Казахстан, пожалуй, только после России, самая русскоговорящая страна, где встретить человека, не владеющего русским, почти невозможно. Значение русского языка, русской культуры для страны огромно. Н. А. Назарбаев на сессии Ассамблеи народов Казахстана сказал о том, что необходимо проводить политику поддержки русского языка как важного условия интеграции Казахстана в глобальный мир и как языка общения между нациями и народностями, проживающими в стране.

Что касается английского языка, то в эпоху глобализации и успешной интеграции Казахстана в мировую экономику без знания этого языка не обойтись. Поэтому казахстанские государственные проекты «Триединство языков» и «Путь в Европу» нацелены прежде всего на межкультурный диалог с евразийскими странами.

Воспроизводство как традиционных, так и этносоциальных ценностей — процесс постоянный. Подрастает новое поколение, в социализации которого имеются определенные издержки. Это

особенно касается сельской молодежи, для которой существуют языковые и культурные барьеры. Часть молодежи не вовлечена в общественную и трудовую жизнь, предоставлена сама себе, ведет праздный образ жизни.

Нередко в разных аудиториях и с разными собеседниками приходится сталкиваться с мнением, что психология рынка ведет к бездуховности, порождает культ силы, наживы и эгоизма. Не так давно казалось, что законов рынка достаточно для того, чтобы сплотить общество, построив на их основе прочные прагматические связи. Однако, при всей важности этих связей, они не могут дать гарантии мира в обществе, поскольку любая нестабильность политики и экономики потенциально может разрушить межнациональную гармонию. Противостоять этому поможет межкультурное общение, так как в каждой национальной культуре существует ядро духовности, позитивный информационный багаж, который передается от поколения к поколению. В диалоге необходимо указывать на отрицательные стереотипы о других национальностях и постоянно их развенчивать.

Следует учить многонациональную молодежь идентифицировать себя с историей Казахстана и важнейшими жизненными ценностями предыдущих поколений. На это направлены усилия государства и общества, взаимодействие которых активизирует Ассамблея народов Казахстана, подписав с соответствующими министерствами и ведомствами конкретные планы совместных действий.

Павел Леньо

*преподаватель кафедры истории древнего мира
и средних веков исторического факультета
Ужгородского национального университета
кандидат исторических наук*

Ужгород, Украина

Михаил Зан

*доцент кафедры политологии факультета общественных
наук Ужгородского национального университета
кандидат исторических наук*

Ужгород, Украина

ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ЛИБЕРАЛИЗМ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В Украине уже несколько лет не стихают дискуссии по поводу культурных и политических прав национальных меньшинств и особенно по языковой проблеме. Критика языковой ситуации Украины фигурирует в первую очередь в дискурсе российско-украинских отношений. Проблему не удастся решить, невзирая на то, что языковое законодательство Украины является одним из наиболее демократических в Европе.

По нашему мнению, именно толерантность украинской власти к национальным меньшинствам, которые населяют территорию Украины, провоцирует постоянные споры и претензии относительно предоставления русскому языку статуса второго государственного. Последнее, как мы считаем, является безосновательным, так как Украина является моноэтническим государством. Так, по данным переписи 2001 г., титульный эт-

нос составляет 77,8 % (37,5 млн человек)¹, т. е. государственным языком должен оставаться исключительно украинский.

Чтобы не быть голословными, сравним законодательство нескольких стран, чтобы увидеть их этнополитическую практику и отношение к вопросу государственного языка. В качестве сравнения были взяты Словакия и Румыния. Их членство в Евросоюзе значит, что в глазах европейского сообщества проблемы национальных меньшинств этих стран считаются решенными в достаточном объеме. Кроме этого, рассматривается языковое законодательство РФ, поскольку больше всего обвинений в ущемлении прав русскоязычных граждан Украины выдвигается со стороны этого государства.

Во времена независимой Украины у этнических сообществ, которые ее населяют, появились возможности развития своей самобытности, что привело к своеобразному «этническому ренессансу»². Эти возможности были зафиксированы в Декларации о государственном суверенитете Украины (1990), Акте провозглашения независимости Украины (1991), в Декларации прав национальностей Украины (1991). Основные законодательные акты, которые непосредственно регулируют языковую проблему, включают закон «О языках в УССР, действующую Конституцию, закон «О национальных меньшинствах» и др.³

Закон «О языках в УССР» (далее — Закон) действует от 1989 г. Этот акт провозглашает украинский язык государственным и одновременно гарантирует право гражданам Украины пользоваться любым родным национальным языком для получения среднего школьного образования, в СМИ, судах и т. д.⁴

Недостатком Закона является то, что этими компромиссными формулировками он не способствовал росту престижности украинского языка (он не сделал эту потребность императивом). Статья 6 Закона требует от служебных лиц владения, кроме го-

¹ *Євтух В., Троциньський В.* Етнонаціональна структура українського суспільства (довідник). — Київ, 2004. — С. 5.

² *Там же* — С. 14.

³ *Котигоренко В.* Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні. — Київ: Світогляд, 2004. — С. 520–534.

⁴ Закон «Про мови в УРСР» 29 листопада 1989 року. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=8312-11>.

сударственного, также и русским языком¹. Но эта же статья предупреждает, что «незнание» гражданином украинского или русского языка не является основанием для отказа ему в принятии на работу. Закон не предостерег обязательного знания государственными служащими украинского языка и не внедрил механизм контроля за соблюдением соответствующего требования. Двусмысленной является также статья 10 действующей Конституции, которая отмечает, что государственным языком является украинский язык и одновременно указывает, что «... гарантируется свободное развитие, использование и защита русского и других языков национальных меньшинств Украины»².

Для сравнения рассмотрим как этноязыковой вопрос решается в Российской Федерации, где россияне составляют приблизительно 80 % от общего населения страны (145 млн человек)³. До недавнего времени в стране действовал закон «О языках народов Российской Федерации» 1991 г., который в сущности является аналогичным закону Украины «О языках в УССР». Однако власть пришла к выводу о необходимости укрепления позиций языка титульного этноса и, как результат, в мае 2005 г. был принят закон «О государственном языке России»⁴. В этом локальном нормативном правовом акте, насчитывающем шесть статей (седьмая протокольная), отмечается, что государственным языком является русский, а также приводится перечень сфер его обязательного использования (т. е. охватываются

¹ Языковая проблема в Украине выходит за рамки вопроса об обязательном дублировании фильмов на украинский язык. История вопроса началась в 1989 г., когда этнические русские и русскоязычные граждане, проживающие в Украине, доверились украинскому государству и приняли активное участие в его создании. Они были уверены, что их права будут защищены. Это подкреплялось тем, что и сейчас по-прежнему действует закон Украинской ССР «О языках УССР» (ред. 1989 г.), который гарантирует использование во всех сферах жизни общества русского языка наравне с украинским.

² Конституція України, прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. URL: http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/alldocWWW/955171E206C3741642256465006D9E81!OpenDocument.

³ Масляк П. О. Країнознавство: підручник. — Київ: Знання, 2008. — С. 139.

⁴ Огульчанський Ю. Етнічна структура українського суспільства: уявні та дійсні проблеми. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2006. — С. 60.

практически все аспекты деятельности федеральных, местных, субъективных органов управления, судебная система, реклама и т. д.). В пункте статьи 1 отмечается, что при использовании государственного языка не допускается употребления слов, которые не соответствуют нормам современного русского литературного языка. Важным является положение о том, что все органы власти и ее представители должны обеспечивать защиту и поддержку государственного языка¹. Как видим, в России законодатель четко постановил, каким именно языком и на каком уровне должен владеть им государственный служащий. Такой вариант в Украине, скорее всего, восприняли бы негативно, хотя это унитарное, а не федеративное государство и действительно нуждается в защите языковых и культурных правах титульного этноса, который страдает от последствий русификации времен СССР.

В Словакии результаты последней переписи показали, что из 5,5 млн населения 85,5 % составляют словаки; 9,5 % — венгры; 1,8 % — цыгане; 1 % — русины-украинцы, все другие — 1,8 %². Эти официальные данные не совсем точно освещают ситуацию. Так, словаки многих цыган декларировали по соображениям экономической и социальной выгоды³. Языковые вопросы регулируют: Конституция 1992 г., «Документ основных прав и свобод», закон «О применении языка национальных меньшинств» 1999 г. и др.⁴

Мирное разделение Чехии и Словакии нашло отображение в Декларации об образовании Словацкой Республики 1992 г. В этом же году была утверждена действующая Конституция. В преамбуле отмечается, что она принята от имени словацкого народа, национальных меньшинств и этнических сообществ, т. е. всех граждан страны. Конституция провозгласила словац-

¹ *Огульчанский Юрий*. Указ. соч.— С. 61–62.

² См.: URL: <http://encyklopedie.seznam.cz/heslo/176509-slovensko#N.C3.A1irodnosti>.

³ *Леньо П. Ю.* Становлення і розвиток етнологічної науки в Словаччині (основні етапи, напрями, проблеми): дис. ... канд. іст. наук / ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України. — Київ, 2008. — С. 143.

⁴ *Pekar Martin*. Identita narodnostnych menšin na Slovensku po roku 1918 v suradniciach štatnej politiky a zmluvy o ustave pre Evropu / Evropske občianstvo a narodna identita. — Prešov, 2006. — S. 45–47.

кий язык государственным¹. Однако закон 1999 г. разрешает использовать язык национальных меньшинств параллельно государственному в тех населенных пунктах, где такое меньшинство составляет не менее 20 % населения². Действие закона декларирует создание школ с преподаванием языков национальных меньшинств (усвоение родного языка на уровне среднего образования) и обеспечивает подготовку соответствующих кадров учителей, квотирования теле- и радиовещания.

В Украине же школы с национальным языком преподавания позволяют открывать не только там, где национальные меньшинства составляют больше 20 % населения. Действующие законы Украины качественнее гарантируют и защищают языковые права национальных меньшинств в сравнении с законодательством Словакии, которая тоже присоединилась к международной Рамочной Конвенции о защите прав национальных меньшинств.

По оценкам 2008 г., население Румынии составляет около 22,2 млн человек. В национальном измерении большинство представляют этнические румыны (почти 90 %). Венгры составляют 6,6 %; цыгане — 2,5 %; украинцы и немцы — по 0,3 %; россияне — 0,2 %. В государстве доминирует румынская православная церковь. Для многих национальных меньшинств Румынии, за исключением венгров, характерен высокий уровень румынского языкового патриотизма. Обычно в среде родителей распространено мнение о необходимости и важности изучения именно государственного языка. Это является логическим отзывом населения на мощный потенциал и долговременную практику унификационной языковой политики страны.

В Румынии языковые вопросы регулируются в первую очередь Конституцией 1991 г. В статье 13 Основного закона государства четко декларируется, что «официальным языком является румынский», а в статье 32 — «Право на образование» еще более выразительно констатируется, что «образование всех сте-

¹ *Ustava Slovenskej republiky z 1 septembra 1992*. URL: <http://www.ciemen.org/mercator/SLOVK1-original.htm>.

² *Pekar Martin*. *Identita narodnostnych menšin na Slovensku po roku 1918 v suradniciach štatnej politiky a zmluvy o ustave pre Evropu / Evropske občianstvo a narodna identita*. — Prešov, 2006. — S. 47.

пеней осуществляется на румынском языке»¹. Законодатель одновременно в установленной Основным законом форме предусматривает учебу на родном языке лицам, которые принадлежат к национальным меньшинствам. Собственно «Закон об образовании» (1995 г.) разделом 12 очертил условия получения образования на родном языке национальных меньшинств. Впрочем условия или даже требования, которые необходимы для получения образования на родном языке «на всех уровнях и во всех формах образования», в сравнении со слишком либеральными украинскими являются слишком жесткими: 1) группы, классы, отделения, школы с языками преподавания национальных меньшинств создаются «согласно местным потребностям, по просьбе и соответственно положений Закона», который не может нарушать норму образования на официальном румынском языке²; 2) учебный процесс в средних специальных и высших учебных заведениях Румынии, согласно статьям 122 и 123, осуществляется на румынском языке. В статье 124 этого Закона четко фиксируется, что в «образовании всех уровней вступительные конкурсы и выпускные экзамены проводятся на румынском языке»; в статье 120 устанавливается, что изучение истории и географии в учебных заведениях происходит исключительно на государственном языке.

Таким образом, украинское законодательство, несмотря на архаичность некоторых правовых норм, не уступает, а иногда является более демократическим в сравнении с законами Словакии, Румынии, Российской Федерации по качеству гарантии языковых прав меньшинств, которые населяют страну. Вместе с тем, в силу двусмысленности формулировки норм законов, — актуальным остается вопрос устранения противоречий действующего языкового законодательства. Поскольку закон «О языках УССР» принимался во время других исторических условий, кажется, что более эффективно решить языковую проблему удастся путем принятия

¹ *Constituția României*. URL: <http://www.cdep.ro/pls/dic/site.page?id=339>.

² *Витяг з закону Румунії про «Про освіту»*. Розділ XII. Освіта для осіб, які належать до національних меншин // Аза Л. О. Українці Румунії: Сучасний стан та перспективи етнокультурного розвитку / Л. О. Аза, А. А. Попок, О. В. Швачка. — Київ: Соціс-Рівне: Ліста, 1999. — С. 83.

нового нормативного акта, который бы действительно гарантировал статус украинского языка на уровне государственного, поскольку проблема защиты языка и культуры титульного этноса остается актуальной и после 18 лет независимости.

Попытки принять новый закон о языках предпринимались уже не раз. На 2005 г. в Парламенте Украины было зарегистрировано 13 проектов, но ни один из них не дошел даже до стадии голосования.

Большой резонанс вызвал проект депутата Е. Кушнарера, который был представлен им вместе с социалистом В. Волгой в ноябре 2006 г.¹ Он ввел в правовое поле Украины понятие регионального языка. Несмотря на внешнюю формальную демократичность проекта закона (выбор конкретным населением языка своей национальности в качестве основного на местном уровне в сферах общения, официального делопроизводства, теле- и радиотрансляции и т. д.), он фактически усиливал позиции русского языка и придавал ему статус государственного, что противоречило действующей Конституции Украины. В случае принятия этого закона русский язык был бы введен в школьную программу в качестве обязательного предмета на всей территории Украины. При аргументировании необходимости принятия законопроекта его авторы ссылались на требования Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. В случае принятия проекта Е. Кушнарера возникло бы противоречие положению Конституции Украины о едином государственном языке — украинском.

В заключение следует отметить, что пока не будет принят закон, который бы поднял престижность украинского языка в социуме, говорить о решении вопроса не представляется возможным.

¹ См. в: *Кулик В.* Мовна політика України після Помаранчевої революції // Україна в пошуках себе (національна ідея, проблеми розвитку). — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007. — С. 280–284.

Сергей Казначеев

*профессор кафедры физического образования
и рекреации Сибирской академии государственной службы,
академик Западно-Сибирского отделения Международной славянской
академии*

Новосибирск, Россия

Марина Цыплина

*научный сотрудник Западно-Сибирского отделения
Международной славянской академии*

Новосибирск, Россия

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ БРАЧНЫЙ СОЮЗ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОСА

Затянувшийся кризис экономического развития России ставит в положение выживания большую часть населения страны. В поиске выхода из данного положения российский этнос, чаще всего на уровне интуиции, стремится мобилизовать и использовать национальный ресурс здоровья людей, опыт борьбы своих предшествующих поколений, нестандартные формы взаимодействия с окружающей природной средой, в том числе усиление биологических возможностей генома путем активации системы межнациональных браков.

Усиление биологических возможностей генома типично для реализации одной из завершающих стадий исторического развития любого этноса, описанной Л. Н. Гумилевым¹ как «пессимальная». На этой стадии ресурсом выживания этноса стано-

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли.— М.: ТОО «Мишель и К°», [1979].— 385 с.

виться брачный союз его представителей с выходцами из других стран мира и коренным населением ранее освоенной им территории, т. е., по сути, происходит растворение русского этноса в других нациях.

Наиболее типичными чертами «пессимальной» стадии сегодня являются следующие:

— представители российского этноса уменьшают, а не увеличивают свою численность;

— территория расселения россиян не увеличивается, а уменьшается, ограничиваясь пределами «петровского» времени, включая территорию старой российской «Мангазеи» и узкую полосу земли вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали;

— все большее число россиян заключает межнациональные браки не только с представителями коренных народов, населяющих ее территорию, но и с пришлым населением страны (выходцы из Вьетнама, Кореи, Китая, Узбекистана и других стран);

— интеллектуальный ресурс социально-экономического развития российского этноса в неэквивалентных объемах обменивается на квалифицированных работников или малоквалифицированных рабочих, которыми становятся выходцы из стран дальнего и ближнего зарубежья;

— невозобновляемые природные ресурсы России не потребляются внутри страны, а вывозятся за ее пределы в большом количестве¹.

По мнению Л. Н. Гумилева², восстановление значимости этноса в мировой истории развития человечества может произойти только в том случае, когда в «пессимальной» стадии своего развития он найдет новый способ выхода на стадию своего «пассионарного» развития. Применительно к российскому этносу основой выхода на эту стадию может стать правильно организованная система межнациональных браков, которая уже, но еще спонтанно, формирует себя на территории страны.

¹ СССР: Демографический диагноз / сост. В. И. Мукомель.— М.: Прогресс, 1990.— 696 с.

² Гумилев Л. Н. Указ. соч.; *Его же*. Человек и его ценности.— М., 1988.— 154 с.; *Его же*. Человек и социокультурная среда.— М.: АН ССР: ИНИОН, 1979.— 50 с.

Межнациональные браки не должны подчинять людей законам и правилам жизни пока еще доминирующего в России русского этноса. Они должны создать особую мозаику мировоззрений, правил, методов, способов, технологий выживания вступивших в брак людей в условиях социально-экономического кризиса. Более того, в этом мировоззрении должны сохранить себя большинство жизненно важных традиций, обрядовых действий, стилей жизни, присущих тем представителям народов, которые вступили в межнациональный брак. При выполнении этого условия подобный вид брака может стать одним из способов «возрождения» российского этноса.

Правильно организованный межнациональный брачный союз способен:

1) успешно реализовать биологический феномен гетерозиса, значимо увеличив устойчивость потомков этого брака к негативному действию окружающих их факторов природной и социальной среды;

2) увеличить (значимо) количество рождаемых детей без ухудшения качества и количества здоровья их родителей;

3) повысить уровень общей культуры вступающих в брак людей за счет взаимообогащения опытом, исторического знания выживания в сложных социально-экономических условиях;

4) поднять качество и количество конкретного живого труда в ведущих отраслях хозяйственного и экономического развития страны за счет включения в конкретный живой труд, производственную деятельность трудового потенциала межнациональной семьи;

5) укрепить и развить русский язык, обогатив его новыми словами, мыслями, пословицами, поговорками, знаками, символами иного языка, привносимыми брачными партнерами иной национальности.

Таким образом, межнациональный брачный союз при его неспешном, правильном оформлении, выдержанном во времени исполнении (добрачный, брачный, послесвадебный обряды), способен стать важным инструментом укрепления здоровья, обеспечения успеха в дальнейшем развитии российского этноса.

Реализация сказанного возможна только при условии формирования новой концепции института брака в России¹. В этом процессе должны участвовать не просто профильные государственные структуры, а все родственники и сродственники жениха и невесты. Более того, именно на них должна быть возложена основная обязанность создания абсолютного благополучия в новой семье.

При создании семьи должны быть максимально учтены следующие элементы:

- черты характера, личностные особенности, социальный статус потенциального жениха и невесты;
- место рождения будущих новобрачных;
- цели и мотивы предстоящей жизни вступающих в брак молодых людей;
- формы и методы повышения качества их семейно-бытовой жизни в ближайшем и отдаленном будущем;
- желание молодых людей стать мужем и женой и др.

Учет названных элементов не окажет отрицательного влияния на существующие мировоззренческие установки представителей разных национальностей, так как в процессе исторического, совместного развития народы России стали во многом похожи друг на друга и практически мало различаются между собой².

¹ *Коринфский А. А.* Народная Русь / Изд. книгопродавца М. В. Клюкина.— М.: Моховое: Дом Бенкендорфъ [Изд. репринтное], 1995.

² *Жизнь в свете и дома* / сост. В. Третьякова.— М.: ТЕРРА: Кн. лавка-РТР, 1997.— 368 с.; *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век.— М.: Республика, 1994.— 442 с.; *Юнг К. Г.* О психологии восточных религий и философий.— М.: Медиум, 1994.— 255 с.

Александр Бушев

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала
ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет» (г. Тверь),
соискатель-докторант Государственного института
русского языка имени А. С. Пушкина
кандидат филологических наук*

Тверь, Россия

ТРАНСЛЯЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ В ОБРАЗОВАНИИ

В данной статье объектом обсуждения является новая межкультурная парадигма образования, отражающая болонскую глобализацию, а предметом — система текстов, обладающих межкультурным потенциалом, и техник их понимания.

Целью статьи является демонстрация того, как национальные ценности и межкультурная эмпатия или, напротив, глухость могут составлять основу дискурса образования. На фоне теоретического анализа положений ценностной теории образования дается дискурсивный анализ возможных примеров, связанных с трансляцией национальных ценностей и выработкой межэтнической эмпатии в образовании.

В контексте проблематики морально-нравственного развития личности и общества представляют несомненный интерес рефлексия ценностей и ценностный подход в воспитании. Анализ опыта существования таких теорий в воспитании проводился в США¹. Ценности и их обсуждение имеют как долгую и представленную трудами крупнейших мыслителей историю, так и ускользают от рефлексии.

¹ См.: *Цырлина Т. В.* Ценностное воспитание в педагогике США. Критический анализ.— СПб., 1987.

Так, в авторитетной Российской педагогической энциклопедии не находим статьи о ценностях¹. Есть, конечно, статьи о морали, нравственности, об этике, в которых акцентируются индивидуальный выбор между добром и злом, важные моменты нравственных приличий, опасность морализаторства и морального террора (А. А. Гусейнов) и т. д. Однако существование в обществе системы ценностей, или, скажем, существование ценностей отечественной педагогики не признается учеными достойным отдельной небольшой статьи — ценности вновь ускользают от рефлексии. Зато находим статью о ценностном воспитании — направлении в педагогике США, Канады и стран Западной Европы, согласно которому у индивида должна быть выработана способность к самостоятельному выбору ценностей. Это было ответом на диалог культуры, массовой культуры и контркультуры в 1960-е гг. Самостоятельное этическое определение при создании нравственных критериев важно, но необходимо отметить и фактор прямой передачи и «давления» ценностей в социуме.

В качестве трудов, представляющих методологические основы ценностного выбора, рассматриваются и прагматизм Дж. Дьюи, и диалектическая теология П. Тиллиха, и диалогизм М. Бубера, и гуманистическая психология, и когнитивные работы Ж. Пиаже, Л. Кольберга, Э. Эриксона. Теория объединяет различные концепции: ценностного внушения, разъяснения ценностей, ценностного анализа, внедрения ценностей, ценностной рефлексии, ценностного действия. Природа ценностей, процесс их интериоризации и педагогический пафос теорий («помочь людям жить в соответствии с ценностями») представляют несомненный интерес для всех, кто связан с педагогической профессией.

В. Л. Абушенко определяет ценностные ориентации прежде всего как предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и (не) готовность вести себя в соответствии с ними: «Ценностные ориентации задают общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию

¹ См.: *Российская педагогическая энциклопедия* / ред. В. В. Давыдов.— М., 1999.

индивидуальных предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений, представлений о должном и механизмы селекции по критериям значимости; меру готовности и решимости (через волевые компоненты) к реализации собственного «проекта» жизни»¹.

Ценностные ориентации проявляются и раскрываются через оценки, которые человек дает себе, другим, обстоятельствам и т. д.; через его умение структурировать жизненные ситуации, принимать решения в проблемных и выходить из конфликтных ситуаций; через избирательные линии поведения в экзистенциальных и морально окрашенных ситуациях; через умение задавать и изменять доминанты собственной жизнедеятельности.

Многое зависит от отрефлексированности ценностных ориентаций, динамизма, открытости, непротиворечивости систем ценностных ориентаций. Надо учитывать, что сосуществуют разные локусы культурного пространства, подчиняемые разным нормам и задаваемые и задающие разные ценности. Отношение (*attitude*) плюс переживание значимости ведут к формированию ценности, являют ценностно-рациональную ориентацию (М. Вебер).

Ценности представляются также связанными с религиозными, расовыми факторами, а также с происхождением, профессиональным и поколенческим факторами. Текст понимается как средство услышать другую культуру как вне страны, так и внутри страны.

В средствах массовой информации сегодня различимы типы дискурсов, репрезентирующих религиозные ценности — как мессианских, так и «дискурс о неверных». Проводится идея ценностного конфликта («свой — чужой») при кросскультурной коммуникации. Ценностный компонент — значимый параметр национального сознания и самосознания — является частью аргументации при дискурсе убеждения.

Понимание при кросскультурной коммуникации интерпретируется как вопрос о конфликте ценностей. Естественным об-

¹ Абушенко В. Л. Ценностные ориентации // Новейший филос. слов.— Минск, 1999.— С. 798.

разом возникающая ситуация непонимания между представителями разных культур (национальных, религиозных, профессиональных или организационных) основывается на различиях в матрицах соотнесенности коммуникантов с социальными образованиями, с которыми они себя отождествляют. Ставя вопрос об оптимизации понимания, необходимо, помимо чисто переводческих вопросов, учитывать и проблемы различия символических средств, поведения и ролевых моделей, ценностей, присущих разным сообществам. Истоки коммуникативной идентичности следует искать в организации сообществ, которые являются средой для социальной жизни человека. Коммуникация служит задаче поддержания сообщества на уровне максимальной информационной и смысловой открытости для входящих в него людей.

В ответ на глобализацию социологи наблюдают следующие процессы: мозаичную идентичность, фрагментацию мира, сепаратистские движения, этнические конфессиональные конфликты (джихад — тоже своеобразная метафора ответа нехристианского, незападного мира на вызов глобального катка), глокализацию (*glocalization*) и фрагментативность (*fragmentation*). Происходит обособление отдельных регионов и культур, возникают конфликты идентичности. В них играют роль этнические, религиозные группы, цивилизационные группы, исторические аспекты, культурные традиции. В конфликты вовлекаются не столько интересы сторон, сколько ценности (религиозные, этнические). По ним достигнуть компромисса невозможно: по определению «они» всегда плохи, поскольку отличаются от «нас», безусловно, «хороших». Их внешность, обычаи, традиции, способ жизни и т. д., как правило, «неправильные». В отношении языка они «немые», т. е. «не мы», немцы — поскольку говорят они не по-нашему (известно, что русскому хорошо, то немцу смерть). В отношении богов и религии они — «неверные» в отличие от нас, всегда либо «правоверных», либо «православных»¹.

¹ Ольшевский Д. В. Основы политической психологии.— Екатеринбург, 2001. — С. 310.

При этом исследователи оперируют понятиями «народ», «нация», «этнос», «национальное сознание». По поводу первого из них Д. В. Ольшанский замечает: «Не имея ни одного сколько-нибудь серьезного верифицируемого операционального определения, понятие “народ” всегда играло и до сих пор играет огромную эмоционально-публицистическую роль в политике»¹. Этот же автор определяет нации как большие исторические общности людей, складывающиеся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, ряда особенностей культуры, характера и психологии в целом. В ряде западных этнопсихологических и политико-психологических концепций в качестве ведущего, а иногда и единственного признака нации до сих пор фигурирует «национальный дух».

Религиозное является частью национального сознания с его сложной структурой, описанной в этнопсихологии. Сложная взаимосвязь и взаимообусловленная совокупность в основном эмоциональных (национальный характер) и более рациональных (национальное сознание) элементов как раз и представляют собой психический склад нации.

Д. В. Ольшанский определяет национальное сознание так: «Национальное сознание — в целом совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития национально-этнической группы. Это включает в себя отношение группы к различным ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития, былые достижения и ставящиеся перед будущим задачи»².

Национальное самосознание — ядро национального сознания — включает осознанное отношение нации к ее материальным и духовным ценностям, способности к творчеству ради их умножения, осознание необходимости своего сплочения ради осуществления национальных интересов и успешного взаимодействия с другими национально-этническими группами.

¹ *Ольшанский Д. В. Указ. соч.— С. 291.*

² *Там же.— С. 302.*

Сложна структура национального самосознания. В нем теории психологии (этнопсихологии, социальной, политической психологии) выделяют менее артикулированные, эмпирические элементы (обыденное сознание) и теоретический компонент в виде рациональной надстройки над первым — идеологии нации. Везде речь идет о ценностях, обычаях, традициях, стереотипах, потребностях. Д. В. Ольшанский дает такое определение теоретическому национальному сознанию: «Теоретическое национальное сознание представляет собой кристаллизованное, научно оформленное и четко социально и политически ориентированное обобщение избранных элементов массового обыденного национального сознания, осуществляемого с определенных социально-политических позиций. Это идеология национально-этнической группы, обычно включающая в себя обобщенно положительную самооценку прошедшей истории, сегодняшнего положения и совокупность целей развития нации, программы их достижения на уровне всей общности и основных составляющих ее отрядов, а также уже кристаллизованные нормы, ценности и образцы поведения, обязательные для каждого индивида — лояльного представителя данной национально-этнической общности»¹.

Приведем пример, иллюстрирующий теоретические построения настоящей статьи. В качестве попыток толерантного дискурса, нацеленного на преодоление межэтнической напряженности, отметим информационный — дискурс, демонстрирующий текстопостроение с установкой на религиозную толерантность.

Формирование религиозной толерантности — одна из задач СМИ. Исходя из этих задач во время собрания в Иране пресс-служба Вооруженных сил США распространяла текст в целях ознакомления военнослужащих с исламской религией и ее традициями². С лингвистической точки зрения в нем важны транслитерированные реалии ислама, а с риторической — констатирующий характер, описание традиций (композиционно-речевая форма «описание»).

¹ Ольшанский Д. В. Указ. соч.— С. 302.

² Бушев А. Б. Текстопостроение с установкой на религиозную толерантность // Стилистика и теория языковой коммуникации.— М., 2000.— С. 261–263.

WASHINGTON, Oct. 20, 2003 — More than 1.2 billion **Muslims** worldwide will celebrate the start of **Ramadan**, Islam's holy month of fasting, on the October 26 or 27. The start and end dates for Ramadan may vary because the beginning of Islamic lunar months depends on the actual sighting of the new moon. Followers of Islam believe that during Ramadan, heaven's gates are wide open and hell's gates are locked shut. In the **Quran**, the Muslim holy book, it is said «You may eat and drink until the white thread of light becomes distinguishable from the dark thread of night at dawn. Then, you shall fast until the 'layl' (night).» ...In the evening, many Muslims attend «**taraweeh**» prayer at their local **mosque**. This prayer involves the recitation of one thirtieth of the Quran. By going to these prayers each night, a Muslim will hear the entire book recited by the end of the month. The primary reason for fasting is to invoke God's pleasure...The last 10 days of the month are considered among the most blessed. Those who can will retreat to their local mosque for the duration and spend their time in prayer and reflection. Among this last 10 days is **Lailat ul-Qadr**, the Night of Power. On this night, Muslims believe, **Allah** sent the Quran to humanity. Ramadan's fast fits neatly with two of Islam's other five pillars of faith in providing structure to one's spiritual life.

Мы показали, что этнокультурная специфика идентификации имен собственных неносителями языка предполагает широкое использование транслитераций, транскрипций, описательных передач реалий. В этом видятся педагогические импликации лингвистических исследований. Вообще проблема национально-культурной специфики языкового сознания, его постижения является чрезвычайно интересной, важной и сложной, мотивируется все возрастающим интересом исследователей менталитета и текста, понимания специфики межкультурной коммуникации. Выход за вербальные рамки в более широкую область представлений — ценностей, стереотипов обыденного, этнического, религиозного сознания — с риторической точки зрения характеризуется вполне оправданными ходами. Когнитивная база лингвокультурного сообщества нуждается в дальнейшем описании.

Такие исследования особенно необходимы, когда в педагогическом дискурсе актуальным становится подготовка человека

к межкультурному взаимодействию. Генерируются формы эмпатии, чуткости, чувствительности — новый тип личности, сознательно отбирающий и интегрирующий элементы различных культур. Вопросы культурной идентичности и «чужеродности» культуры особенно актуальны в последнее время в связи с массовой миграцией в национальные государства и страны иммиграции (настолько значительной, что между двумя названными категориями стран стираются различия).

Э. Эриксон писал о психосоциальной идентичности. Эта концепция получила развитие в этнологии, культурной и социальной антропологии. Культурная идентичность понимается как принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, в понимании своего «Я» с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Важное значение имеет исследование филологами процесса аккультурации — процесса усвоения личностью, выросшей в одной культуре, элементов другой культуры, субкультуры, картины мира, в том числе и прецедентных текстов, стереотипов речевого общения, значимых художественных текстов культур.

Эмир Тужба

*доцент кафедры социологии и работы с персоналом
Кубанского государственного технологического
университета
кандидат социологических наук*

Краснодар, Россия

Виктория Муха

*Руководитель Центра социологических исследований
Кубанского государственного технологического
университета
кандидат социологических наук*

Краснодар, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА¹

Богатство человеческого общества, отдельного народа или индивида измеряется прежде всего уровнем его духовно-культурного развития, количеством и качеством тех духовных ценностей, которые созданы этносом на протяжении всей его истории. Духовная культура системно включает мировоззренческие, мифологические, религиозные, философские и другие идеи.

В исследовании духовных истоков народа большое значение имеет язык, в котором в словесных обозначениях заложена вся духовность носителя данного языка. Язык является своеобразной неписаной летописью многовековой памяти народа. Она несет в себе информацию о хозяйственной деятельности, укладе

¹ *Работа* выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00577а).

жизни предков, их связях с другими народами и много иных интересных сведений. С помощью слова человек выражает свое отношение к окружающему реальному миру, формирует свое мировоззрение, миропонимание, передает мироощущение, накапливает знания, умения, фиксирует и хранит результаты трудовой деятельности человеческого разума. Многочисленные этносоциологические исследования не раз подтверждали основополагающее значения языка как этнического идентификатора.

Современный абхазский язык и другие близкородственные языки (абазинский, убыхский, адыгский, черкесский, кабардинский) образуют западно-кавказскую (адыго-абхазскую) языковую группу, насчитывающую несколько миллионов человек. Абхазский язык представлен двумя диалектами: абжуйским (западная Абхазия) и бзыбским (восточная Абхазия). Грузинский язык относится к картвельской группе иберийско-кавказских языков, на которых говорят порядка 4 млн человек.

В современном грузинском языке выделяют 17 диалектов (имеретинский, рачинский, лечхумский, гурийский, джавахский, месхский, аджарский и т. п.); картлийский и кахетинский диалекты составляют основу литературного языка. Особо выделяется группа горных диалектов.

Таким образом, грузино-абхазский конфликт имеет место между группами-носителями языков, принадлежащих разным языковым семьям. Различие этнокультур грузин и абхазов подтверждается тем, что абхазский язык не имеет ничего общего с языком современных грузин, кроме нескольких общеупотребительных слов, пришедших в него в процессе близкого проживания.

Совместное сосуществование грузин и абхазов в советский период не вписывалось в естественное содержание их разнородных менталитетов, тем более что это происходило под нажимом советской государственной системы, в том числе с помощью переселенных сюда грузин. Но зато сохранялась и доминировала естественная тяга абхазов к кровнородственным народам, объединенным языковой близостью и входящим в состав России. Принадлежность абазинского, черкесского и кабардинского языков к адыго-абхазской группе является доказательством ментальной родственной близости народов-носителей этих язы-

ков. Они проникнуты друг другом и взаимодействуют неформально, естественно и без внешних усилий. Практическим проявлением ментальной и в целом духовной близости адыго-абхазских народов является их поддержка, помощь в самое тяжелое военное время 1992–1993 гг., когда решалась судьба абхазов.

При рассмотрении сущностных характеристик субстанционального и функционального блоков культур абхазов и грузин (нормы культуры, морали, поведения, этикета, традиций, обрядов, обычаев, ритуалов) в отдельных аспектах просматривается схожесть, которая объясняется географической спецификой проживания и взаимовлияниями, имевшими место на протяжении многовековой истории их соседского сосуществования. Каждый из этих народов имеет свою самобытную традиционную культуру, свой язык, свое этническое лицо. Они отличаются друг от друга по темпераменту, характеру, психологии и т. п. Их развитие происходило на основе внутренних потребностей и собственных законов. Эти и другие признаки делают их разными, обособляют друг от друга. Потому мы воспринимаем абхазскую и грузинскую традиционные культуры как явление и чисто абхазское, и чисто грузинское, национальное. Ни географический фактор, ни этническая общность, ни фактор общения и взаимовлияния не смогли изменить национальное содержание и колорит каждой из этих культур. В основе развития культуры абхазов на всех этапах истории лежала своя уникальная, неповторимая культура, отличная от грузинской.

Во всей идеологической, политической и вооруженной борьбе с Абхазией грузинскому народу навязывается образ абхаза-врага. А в сознание абхазского народа как ответная оборонительная реакция внедряется ненависть ко всему грузинскому. Уровень враждебности и непримиримости абхазов и грузин делает их диалог невозможным. Психологические установки обоих народов резко взаимно антипатичны, крайне негативны. В массовом сознании превалируют уничижительные образы и оценки друг друга. Период политической и идеологической конфронтации, а затем война наполнили традиционные оценочные установки негативным содержанием.

В этом отношении интересен грузинский пример, описанный Ю. Анчабадзе: «Для грузин в целом были характерны достаточно высокие представления об абхазах, которые воспринимались как народ с богатой традиционной культурой, в ряде отношений даже референтной по отношению к грузинской. “Воспитан (хорошо) как абхаз”, — эта мингрельская поговорка красноречиво свидетельствует о признании абхазских культурных стандартов эталонными и идеальными для местной кавказской этнокультурной среды. Героизация и идеализация образа абхаза были характерны и для грузинской классической литературы, в частности творчества Акакия Церетели и Константина Гамсахурдиа. Однако с началом конфликта традиционные стереотипы стали меняться, положительные характеристики уступили место отрицательным, высокие степени оценки вытеснены уничижительными и резко негативными характеристиками. Массовое сознание грузин стало воспринимать абхазов как некий дикий, нецивилизованный и малокультурный народ, не имеющий собственных этнокультурных потенций, неспособный к саморазвитию и усвоению высоких культурных стандартов. Роль абхазов стала оцениваться крайне негативно... В массовом сознании грузин распространено представление о поголовном мусульманстве абхазов, что служит негативной характеристикой. Вдобавок к представлениям о поголовном мусульманстве абхазов, последние воспринимались как сильно обрусевший народ, что в массовом сознании грузин также является однозначно негативной характеристикой»¹.

Такие идеи находят благоприятную почву в сознании людей. В ситуации, внушаемой и самовнушаемой психологической установкой, такое морально-психологическое состояние осмыслению не поддается, и с помощью постоянного воздействия сверху последняя превращается в самодвижущуюся силу. Массовый человек, упрощенный, усредненный, повышенно внушаемый, становится этим искомым объектом. Сознание массового человека оказывается насквозь структурировано немногими, но настойчиво внедряемыми в него утверждениями,

¹ *Грузины и абхазы. Путь к примирению* / общ. ред.: Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе. — М.: Весь мир, 1998. — С. 113–114.

которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий каркас установлений, определяющих реакции, оценки и поведение населения.

Грузинские и абхазские оценки на официальном уровне отрицают этнический характер грузино-абхазского столкновения. Обе стороны настаивают на политических истоках взаимных противоречий. Однако противоречия политических элит, перенесенные на уровень массового сознания, не могли не вызвать нарастание чувств этнической неприязни, которые, будучи отягощенные потерями и жертвами войны, привели к углублению негативных эмоций, оформившихся в стойкую этнофобию.

Этнофобия, в свою очередь, способствует тому, что все этнопротивоположное воспринимается как враждебное, ненавистное, не сопровождаемое никакими нравственными или моральными законами и, следовательно, подлежащее уничтожению и разрушению. Так, на этнический характер войны указывает факт сожжения грузинскими войсками 22 октября 1992 г. государственного архива Абхазии и Института языка, литературы и истории, не имевших военного значения. Это следует расценивать как нанесение тяжелой травмы национальному сознанию и духовному наследию абхазов.

Абхазы, адыги и другие малочисленные народы в жестоких испытаниях в их многовековой истории, проявив стойкость, мужество, выносливость, сохранили свое физическое существование, этническую индивидуальность, язык и духовную культуру. Если цивилизованное мировое сообщество заинтересованно в сохранении этих народов, то с пути их утраченных в прошлом потребностей ментального взаимовлияния и взаимообогащения следует убрать сдерживающие силы.

Умиткан Муналбаева

*директор Этномемориального комплекса
«Карта Казахстана “Атамекен”»
кандидат педагогических наук*

Астана, Республика Казахстан

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР КАЗАХСТАНСКОГО РАЗВИТИЯ

Как известно, XXI в. является веком полиэтнических сообществ. В мире едва ли наберется десяток стран с гомогенным составом населения. Глобализация не только несет в себе угрозы вымывания этнической самобытности, но и способствует развитию полиэтничности через культурный обмен, информационные технологии, миграционные потоки и т. д. Этническое разнообразие заставляет нас учиться жить в составе единой общенациональной семьи, искать новые пути гармоничного развития и взаимодействия различных этнокультур.

Национальный компонент, этносоциальный фактор не случайно выдвигаются на передний край современной цивилизации, становятся реальными приметами времени.

Казахстанцы не раз доказывали, что умеют жить, сотрудничать, сочетать свои этнические интересы с многообразными общественными и государственными интересами. Мировое сообщество искренне проявляет интерес к этой теме и стране, которая имеет собственную модель межэтнического согласия. Эта модель формируется в процессе этнокультурного взаимодействия и положена в основу национальной доктрины.

На 14-й сессии Ассамблеи народов Казахстана глава государства Н. А. Назарбаев обозначил пять принципов этой модели. Так, первый принцип заключается в том, что этническое, конфессиональное, культурное, языковое многообразие является бесценным богатством Республики; второй принцип определяет, что наше государство целенаправленно создает все условия для развития культуры и языков этносов Казахстана; третий прин-

цип устанавливает то, что важнейшими ценностями нашей нации стали толерантность и ответственность; четвертый принцип устанавливает консолидирующую роль казахского этноса, а пятый — единство казахстанского народа.

Эти принципы реализуются через этнокультурную политику, которая в целом носит гуманный и правовой характер: действует Конституция, гарантирующая равные права и свободы всех граждан в условиях унитарного государства; ратифицирован и применяется ряд международных правовых документов, регламентирующих отношение к этническим группам. На ситуацию в межэтнической сфере оказали влияние многие факторы, в том числе толерантность, свойственная казахскому народу и другим представителям национальностей, проживающих в Казахстане. Благодаря общности ценностей и культурно-нормативному пространству общие проблемы выживания оказались более значимыми, чем межэтнические разногласия.

В настоящее время представители всех этнических групп стоят перед общими проблемами, носящими социально-экономический характер и обусловленными сложностями в процессе трудоустройства и профессиональной реализации. В этнокультурной сфере это заключается прежде всего в сохранении и развитии родного языка и самобытной культуры и воспитании гражданина — патриота как главной цели воспитания в целом.

В этой связи одной из важнейших теоретических и практических проблем является модернизация воспитательной работы, создание таких ее моделей, которые смогли бы, опираясь на традиции и опыт отечественной и мировой школы, максимально эффективно востребовать и транслировать духовный потенциал этнокультуры, в первую очередь отечественной. Наличие системы этнокультурного образования и воспитания является необходимым условием для упрочения социальной стабильности и сохранения единого ментального пространства в многонациональном Казахстане.

В сохранении этнических культур и формировании духовного единства казахстанского народа огромную роль играет государство, его институты, в том числе и учреждения культуры. Так, учреждения культуры просветительские и воспитательные

функции в этом деле реализуют, опираясь на науку, образование, семью, средства массовой информации, многонациональную литературу, искусство, музейную, архивную, краеведческую работу, туризм, спорт и т. д., т. е. через каналы, по которым идет процесс приобщения молодежи, населения к историческому разуму, общественной мысли и культуре общества в целом.

Особо следует уделить внимание этнокультурному диалогу в казахстанском обществе. Ассамблея, стимулируя диалог между государством и обществом, между этнокультурными объединениями как элементами гражданского общества, является трибуной выражения общественного мнения и национальных интересов всех казахстанцев. Благодаря этому уникальному институту, путем поощрения различных форм диалога, а также усиления взаимных связей и отношений между людьми, углубляется национальная солидарность, растет патриотический потенциал. Главным достижением в этом процессе, на наш взгляд, является такой подход к решению вопросов этнокультурного развития, когда эти вопросы не политизируются; когда на всех уровнях в спокойной деловой обстановке обсуждаются вопросы этнического развития. При этом особый акцент делается на формирование казахстанского патриотизма.

Кроме того, в диалоге большое значение имеет обсуждение этнокультурных потребностей всех этнических групп, проживающих на территории страны. Важно их учитывать, решать и на этой основе прививать любовь к Отечеству, к его истории и культуре, закладывать в наших детях здоровое чувство гордости за свою Родину, формировать у подрастающего поколения историческое мышление, причастность к важнейшим историческим событиям страны. Именно такой подход лежит в основе организации деятельности этноmemориального комплекса «Атамекен». Идея создания этого художественно-познавательного комплекса, отражающего историю государства, культуру народов, его населяющих, принадлежит первому Президенту Республики Казахстан Н. А. Назарбаеву.

Сегодня «Карта Казахстана “Атамекен”» — одно из самых посещаемых мест культурного досуга гостей и жителей столицы. «Карта Казахстана “Атамекен”» — это музей под открытым

небом, где на площади 1,7 га расположено более 400 макетов историко-культурных объектов: 14 областей Казахстана, города Алматы и Астана. Материал по Карте подготовлен в доступной форме, с приведением исторических сюжетов, событий и фактов, с содержанием элементов национального характера народа. Музей является местом популяризации культуры казахов и формирования имиджа Казахстана. На территории этнопарка представлены как достопримечательности столицы и регионов Казахстана, так ретроспективная этнокарта страны с показом культуры и традиций основных этносов, которые помогают строить воспитательную работу с различными категориями населения с учетом преемственности поколений и национальной самобытности народа.

В процессе совместной работы с учебными заведениями (проведение для школьников обзорных, тематических экскурсий, приобщение учащихся учебных заведений Астаны и Республики к историко-просветительской работе через организацию различных конференций, этнофестивалей, смотров, ежегодных конкурсов «Лучший экскурсовод», сочинений учащихся на тему «Атамекен» и т. д.), красной нитью проходит главная мысль о том, что этнокультурное взаимодействие строится на принципах уважения, дружбы, доверия и межнационального согласия. В этих целях на базе комплекса создан молодежный клуб «Атамекен», деятельность которого направлена на развитие патриотического воспитания молодежи, приобщение ее к историко-культурным ценностям, пропаганду достижений казахстанской культуры. Патриотические чувства закладываются под влиянием красоты родной земли, великой культуры и истории казахского народа, казахстанских этносов, государственно-го языка.

Патриотизм в многонациональной среде укрепляет межэтнические отношения, служит основой для консолидации независимо от расовой, этнической, религиозной и любой другой принадлежности, способствует к стремлению обретения общих ценностей и собственных смыслов жизнедеятельности.

В Казахстане нет объективных условий и каких-либо влиятельных сил для возбуждения конфликтов в межнациональной сфере. Тем не менее мир и стабильность сами по себе не прихо-

дят — они являются результатом ежедневной и систематической работы со стороны общества и государства, школы, семьи и общественности.

Динамика современных общественных процессов такова, что необходимо находить новые подходы в регулировании такой тонкой и деликатной сферы, как межнациональные отношения.

Рассмотрение этнических процессов в молодежной среде следует осуществлять с учетом всех факторов, обеспечивающих социальную стабильность, межнациональное единство и согласие. Как правило, они носят второстепенный характер и возникают только после того, как произошел инцидент между людьми различных национальностей. Нередко одни конфликтные ситуации наслаиваются на другие.

На состояние социальной стабильности в той или иной степени влияют: уровень благосостояния населения, безработица, социальная дифференцированность, развитие теневой экономики, коррупция. Определенную напряженность создают в обществе миграционные потоки и так называемые беженцы и гастарбайтеры из нестабильных регионов СНГ и ближнего зарубежья. От этого страдают наше общество и зачастую дети (наркотики, влияние духовных миссионеров и т. д.). Поэтому всегда нужно проводить превентивные, продуманные меры по регулированию этих процессов и учитывать их влияние на молодежь.

В связи с этим Майра Джилкишева, профессор, проректор Жамбылского гуманитарно-технического университета, отмечает, что на страницах «Казахстанской правды» общество, стремясь к гармоничному развитию личности, чуть было не упустило формирование «духовного начала» и поэтому предлагает в рамках учебных программ и планов воспитательной работы в учреждениях культуры и образования постоянно давать знания о культуре основных этнических групп, населяющих Казахстан. Только познавая ту или иную культуру, можно уважать ее, брать для себя то ценное, которое становится в конечном итоге общечеловеческой ценностью. Сегодня общество и основная его часть — молодежь и ее лидеры — нуждаются также в системных, комплексных и дифференцированных знаниях по формированию навыков снятия возможного потенциала напряженности в социальной сфере.

Таковыми качествами, как уважительное отношение, деликатность, аргументированность, чуткость, терпимость, т. е. то, что мы называем высокой культурой в межнациональных отношениях, должны обладать прежде всего работники сферы культуры и образования. При этом они, как представляется, обязаны видеть главную цель: сплочение, укрепление дружбы, толерантное поведение, воспитание патриотизма, нравственности, непримиримости к антисоциальным явлениям — то, что мы называем активной жизненной позицией и что является в совокупности составными качествами гармонично развитой личности.

В рамках системы подготовки и переподготовки работников культуры и педагогов-воспитателей, учителей общественных наук важен передовой опыт (как отечественный, так и зарубежный), особенно по введению государственных символов в образовательные и воспитательные программы, выработке методических рекомендаций по патриотической тематике. В этнокультурном взаимодействии государственная атрибутика становится объединяющим фактором всех этносов в единый народ Казахстана.

Население, молодежь должны всегда понимать, что патриотизм — это осознание государственного, казахского национального и общего казахстанского отношения друг к другу; это понимание того, что культура всех этносов, казахский и русский язык, родные и иностранные языки, в частности, являются ресурсом развития Казахстана. При этом следует учитывать, что патриотизм всегда конкретен. Он воспитывается на конкретных примерах и проявляется в конкретных поступках. Приведем лишь один пример. В Южном Казахстане от наводнения пострадали более 13 тыс. человек. В этой связи обращение от имени членов Ассамблеи народов Казахстана Южно-Казахстанской области к предпринимателям и бизнесменам, руководителям национальных компаний и корпораций, поддержанное депутатами областного маслихата, вышло за границы одной только области и нашло отклик во всех уголках страны. Многие национально-культурные объединения, в которые входят предприниматели, бизнесмены и деловые люди, откликнулись на этот призыв и передали средства в помощь пострадавшим. В Южно-Казахстанскую область прибыли десятки железнодоро-

рожных составов с гуманитарным грузом (продукты питания и постельные принадлежности, кровати, матрасы, полевые кухни). Простые граждане передавали часть своего заработка в помощь пострадавшим. В таких конкретных делах находят свое яркое подтверждение и дружба многонационального и единого народа, и готовность прийти на помощь к тем, кому трудно.

Большой человеческий капитал народа Республики, исторически сложившийся на основе степного права, по которому человек обязательно выделял часть своего состояния на помощь людям, становится консолидирующей частью национальной политики, направленной на обеспечение общественной стабильности и межнационального согласия. Такие качества являются культурной составляющей, формируются в процессе этнокультурного взаимодействия казахов с другими представителями этнических групп страны и все больше становятся нормой повседневной жизни. Именно в этом, на наш взгляд, заключены особенности казахстанского пути развития.

И главный вопрос заключается в том, как найти разумное начало, как повернуть полиэтничность в созидание, а не в разрушение. Казахстанцы едины во мнении, что даже мировой финансовый кризис не так опасен, когда в стране имеются стабильность и межэтническое единство, которые являются необходимым условием и важным средством, позволяющим преодолеть вызовы и риски и прийти к обновлению и развитию.

Алексей Кочергин

*научный сотрудник
Центра понтийско-кавказских исследований*

Краснодар, Россия

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

В повестку дня заседания Межпарламентской ассамблеи СНГ (2009) было включено обсуждение модельного закона «Об этнокультурных общественных объединениях граждан» (ЭКОО), разработанного российской стороной.

Данный акт, как считают его авторы, предусматривает законодательное закрепление права граждан на создание ЭКОО и формирует правовую основу для свободной этнокультурной самоорганизации и удовлетворения потребностей граждан в этнокультурном развитии безотносительно к месту проживания и специфики национально-государственного или территориально-государственного образования.

Целью такой инициативы, как можно предположить, является деполитизация этничности. Следовательно, показательно использование предиката «культурные» в определении объекта законодательного регулирования, который следует понимать как указание на его границы. В данном контексте они охватывают сферы образования, использования языка и развития фольклора и тем самым исключаются из сферы политики. Однако представляется, что следствием этой инициативы станет лишь усиление привязки этнического дискурса к проблеме распределения властных полномочий.

Несмотря на утверждение в пояснительной записке к законопроекту, что он основан на принципиально новых методологических посылах, в глаза бросается то, что специалист по национализму В. Малахов обозначил это как «методологическую неряшливость». В первую очередь в тексте рассматриваемого

документа сохраняется распространенное в российском публичном дискурсе неоднозначное оперирование концептом «национальное». Считается общепризнанным, что практикуется как минимум два понимания «нации» и «национального», во многом антагонистичные друг другу: как согражданства и как этнокультурной общности. За каждым из подходов стоит своя парадигма объяснения общественного устройства, возможных субъектов социальных отношений и моделей их взаимодействия. Попытки создания продуктивного объединительного дискурса обречены на провал, ибо в них невозможно преодолеть смысловую сумятицу, и, в конце концов, означающее теряет означаемое.

Разработчики законопроекта проигнорировали эту методологическую проблему. В тексте законопроекта доминирует использование понятий «этническое» и «национальное» как синонимов. Следовательно, можно предположить, что ими применяется второй из представленных подходов. В то же время встречается и иное употребление понятия «национальное». Так, в статье о законодательстве об ЭКОО отмечается, что «оно состоит из настоящего Закона, *национальных* законов и иных нормативных правовых актов государства»¹ (курсив — *А. К.*). О том, что «этническое» и «национальное» все-таки не синонимы даже в контексте их документа, его авторы догадываются. Поэтому и вынуждены делать уточнения, неоднократно употребляя сразу два понятия (например, «... сохранение их *национальной (этнической)* самобытности»).

Кульминацией дискурсивного диссонанса является раздел законопроекта, в котором речь идет о языках. В этом разделе предполагаемое употребление одного только понятия «национальный язык» лишь запутывает понимание объекта, что заставляет разработчиков по всему тексту раздела также использовать двойную конструкцию «национальный (родной) язык». Такое словоупотребление однозначности не придает, но все-таки позволяет оставаться в рамках этнокультурной парадигмы. Очевидно, что данное использование понятий обосновывается

¹ См.: О проекте модельного закона «Об этнокультурных общественных объединениях граждан», представленного на международном «круглом столе» в Государственной Думе. URL: <http://allpravo.ya1.ru/?p=1856>.

сложившейся практикой российского законодательства. Но тем самым дублируются все порочные моменты существующего регулирования отношений, связываемых с этничностью, на преодолении которых настаивают разработчики законопроекта. В итоге концептуальной стройности законопроекта не наблюдается, а четких границ объекта, подлежащего правовому регулированию по данному законопроекту, установить не удастся.

Представляется целесообразным придать дискурсивную складность документу посредством концептуальной его переработки с позиции трактовки понятия «национальное» как согражданства. Оперирование данным понятием необходимо оставить для случаев регулирования тех отношений, которые касаются поля активности политической гражданской общности. Для обозначения же тех отношений, которые связываются с этничностью, следует использовать соответствующую номинацию. Технически это должно проявиться в отказе от использования понятий «национальное» и «этническое» как синонимов. В большинстве случаев будет достаточно просто в тексте законопроекта заменить первое понятие вторым. В ряде же случаев потребуются введение новых категорий, например, взамен понятия «национальность», что также не следует рассматривать как значительную трудность.

Более серьезной проблемой видится достижение методологической точности в понимании концепта «этническое». Как можно предположить из содержания пояснительной записки, разработчики законопроекта хотят выскочить из рамок эссенциализма, но методологически оказываются к этому не готовы. Они согласны рассматривать этничность как идентичность, но она для них так и остается некой объективно существующей субстанцией.

Не наблюдается также понимания дискурсивной природы идентичности, ее динамического характера и многосоставной структуры. Разберем лишь только одно из следствий такого подхода. В статье законопроекта, определяющей понятие ЭКОО, отмечается, что оно «представляет собой общественную форму реализации прав граждан, относящих себя к *определенной* национальности, независимо от места проживания». А как в таком случае быть с ситуациями, не такими уж и редкими, когда индивиды относят себя и к этнической, и к «субэтнической»

группам (например, адыгейцы и шапсуги) или, наоборот, к «суперэтническим» (вайнахи), «территориальным» (дагестанцы)?

По логике законопроекта следует, что каждая организация должна соотноситься с какой-то одной этнической общностью и, соответственно, представлять только ее интересы. Имеет ли право в таком случае, например, организация, имеющая статус шапсугской, представлять интересы адыгейцев в органах государственной власти? Или участвовать в создании условий для изучения какого языка имеет право дагестанская организация? И уж совсем концептуальным получается вопрос: Будут ли иметь статус ЭКОО и подпадать под действия закона организации, позиционирующие себя как представляющие интересы двух или более этнических общностей, например, имеющие место быть в России татаро-башкирские общественные объединения? Неопределенности такого рода могут дорого обойтись всем участникам процесса, если кто-то соберется действовать строго по букве данного законопроекта.

Если и есть смысл выделять ЭКОО как отдельную разновидность некоммерческих организаций, то его конституирующие признаки следует искать не в этнической идентификации его участников, а в характере и целях деятельности по развитию этнокультурной составляющей жизни общества, как бы трудно не было определить границы поля такой активности. И тогда не так уж и важно, кем себя персонально считает член такого объединения. Более того, следует добиваться, чтобы общество как норму воспринимало ситуации, когда организация, идентифицируемая с некой одной этничностью (например, осетинская), инициировала проекты и культивировала культурную самобытность других этнических общностей (например, калмыцкой).

Положения законопроекта можно разделить на две части: имеющие отношение к ЭКОО как разновидности общественных объединений и не имеющие к ним прямого отношения. Ко вторым относится ряд положений, посвященных общим вопросам сохранения и развития языка и культуры, а также общим правам граждан в этой области. Эти нормы декларативны и в основном воспроизводят формулировки действующих российских законов. Самостоятельного значения эти положения не имеют.

Анализ положений законопроекта, имеющих прямое отношение к ЭКОО, показывает, что им не устанавливается больший объем прав по сравнению с другими некоммерческими организациями. Все те права и функции, которыми они наделяются, предусматриваются российским законодательством и для «простых» организаций третьего сектора. Возможно, по мысли авторов законопроекта, перечисление конкретных вопросов языка, культуры и образования, по которым власти предполагаемо взаимодействуют с ЭКОО, должно толковаться как допуск к таким практикам только этнических организаций. Предполагается также, что разработчики исходили из того, что ЭКОО должны пользоваться преимуществами в получении государственной поддержки при реализации проектов в области языка, культуры и образования. Однако общественная значимость проекта не зависит ни от организационно-правовой формы некоммерческой организации, ни от вида общественного объединения. Следовательно, предпочтения, оказываемые ЭКОО, если таковые будут иметь место, можно оценивать как дискриминационные. Не стоит, наверное, отмечать, что такие действия являются антиконституционными.

Следует также подчеркнуть, что законопроект не содержит самостоятельных положений о гарантиях и средствах защиты прав, предоставляемых ЭКОО. Его положения, посвященные роли государства в содействии этнокультурному развитию, содержат конструкции позволяющие, а не обязывающие. В случае бездействия государственных органов принудить их к исполнению положений законопроекта не представляется возможным в силу отсутствия соответствующего правового механизма. И в этом плане статус ЭКОО ничем не отличается от ситуации других некоммерческих организаций.

Таким образом, законопроект является декларативным и не содержит ничего нового по сравнению с тем, что имеется в российском законодательстве, хотя систематизация законодательных положений, имеющих отношение к этничности, наверное, имеет практическое значение. О продуктивности выделения ЭКОО как самостоятельного правового феномена можно говорить в случае, если господствует принцип делегирования пуб-

личной властью полномочий, функций и ресурсов обществу в связи с необходимостью поддержания этнического и культурного многообразия. Тогда ЭКОО и будут выступать как структуры, созданные и функционирующие в соответствии с этим принципом. Важно при этом иметь в виду, что связь ЭКОО с какой-либо этнической группой при таком подходе не обязательно должна обозначать членство или личное участие тех, кто относится к этой группе. ЭКОО может быть основано или не основано на индивидуальном членстве или участии. Условием членства или участия может быть, а может и не быть принадлежность лица к определенной этнической группе. Публичные ресурсы следует понимать достаточно широко, но прежде всего это означает материальные средства и властные полномочия. В тех же смысловых рамках, в которых находится понятие ЭКОО в рассматриваемом законопроекте, оно не имеет самостоятельного правового значения.

Валентина Матвиенко

*заместитель декана по заочному обучению
исторического факультета Елецкого государственного
университета им. И. А. Бунина
кандидат политических наук, доцент*

Елец, Россия

Юлия Есикова

*ассистент кафедры российской истории и археологии
Елецкого государственного университета
им. И. А. Бунина*

Елец, Россия

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ МОТИВЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КАК ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Политическая стабильность — одно из условий, необходимых для устойчивого роста и развития любого государства.

Центральным субъектом в процессе обеспечения политической стабильности выступает государство и его институты. Деятельность политических институтов, эффективность и легитимность власти, сложившийся политический курс не оставляют безучастными ни одну сферу жизни общества и, следовательно, влияют на стабилизационные процессы.

Современная российская государственность характеризуется как переходная политическая система, поэтому ее целесообразно рассматривать во взаимосвязи со стабильностью государства как структуры, обладающей набором определенных признаков.

Под политической стабильностью понимают устойчивое состояние политической системы, позволяющее ей эффективно

функционировать и развиваться под влиянием внешней и внутренней окружающей среды, сохраняя при этом свою структуру и способность контролировать процессы общественных перемен. Многообразные задачи достижения политической стабильности и сохранения достигнутого равновесия политических сил решаются как на уровне внутригосударственных, так и межгосударственных отношений.

Политические факторы являются социологическими категориями, характеризующими динамику изменений социальных процессов, выступают движущей силой и необходимым условием этих процессов. К этим факторам относят: разделение властей, социальное чувство, социальную мобильность и циркуляцию элит, социальный контроль, социальные институты, политические институты, конституционный порядок, отсутствие вооруженных конфликтов на территории государства, способность демократических структур быстро реагировать на изменяющиеся в обществе настроения, эффективность и легитимность власти; культуру, средний класс, гражданское общество и пр. Отметим, что все эти факторы не противоречат друг другу.

Политические факторы стабильности общества также разделяются на следующие виды: по характеру влияния на стабильность и общественные процессы: прямые (политические институты, гражданское общество, эффективность власти, легитимность власти); косвенные (политическая культура, разделение властей, мобильность, циркуляция элит, политический режим); в зависимости от актора: институциональные (институты власти, институты участия); представительские (политическое лидерство, средний класс, стабилизационно значимое большинство); по функциям: сохраняющие (система, ее элементы, поддерживающие равновесие); адаптационные (помогают обществу адаптироваться к новым условиям во внешней и внутренней среде); развивающие (образование новых элементов и связей, их закрепление).

Различают два типа внутривластной стабильности: автономную и мобилизационную.

Мобилизационная стабильность возникает в общественных структурах, где развитие иницируется «сверху», само же общество как бы мобилизуется для реализации цели на определенный

срок. Система мобилизационной стабильности обладает легитимностью всеобщего порыва либо открытого принуждения. Исторически данный тип политической стабильности недолговечен¹.

В этой связи наибольший интерес представляет автономный тип стабильности, т. е. независимый от желания и воли каких-либо конкретных социальных и политических субъектов, возникающих в обществе, когда развитие начинается «снизу» всеми структурами гражданского общества. Это развитие никто не стимулирует специально, оно существует в каждой подсистеме общества. Возникает единство власти и общества, необходимое для проведения глубоких социально-экономических и политических преобразований и обеспечивающее стабилизацию правящего режима. При данном типе стабильности социальные контрасты и противоречия (религиозные, территориальные, этнические и др.) сведены до минимума, социальные конфликты легализованы и разрешаются цивилизационными способами. В рамках существующей системы культивируется убеждение в благополучии страны по сравнению с другими, поддерживается динамика роста благосостояния, реализуется самоидентификация населения страны на основе общих этнонациональных традиций. Политическая система, не претендуя на роль главного субъекта общественных изменений, призвана поддерживать существующие межнациональные отношения.

Трансформация социокультурного пространства полиэтничной России, объединяющей более 100 народов со своим языком, типом хозяйствования, материальной и духовной культурой, социально-профессиональной структурой, своей особой ментальностью, является основой всех социально-экономических и этнополитических явлений. Политическая система не может быть стабильной, если государственная власть основывает свою деятельность и иницилируемые ею нововведения только на собственных интересах, игнорируя при этом интересы большинства населения страны. Благодаря четкой координации, взаимодействию и доверию друг другу, государство может за короткий срок заслужить доверие населения.

¹ *Основы стабильности общества: теория и практика* / общ. ред.: Я. А. Пляйс, Г. В. Полунина.— М., 2001.— С. 27–29.

Государство же, в котором отсутствует единая национальная идея, приемлемая для каждого этноса, обречено на утрату политической стабильности как таковой. В этой связи правомерно утверждать, что, не смотря на то что этнонациональное сознание россиян характеризуется разнородностью, определяемой собственной традиционной культурой каждого этноса, оно имеет желание и способность к усвоению инноваций. По сути дела, этнонациональное самосознание россиян есть форма общественного сознания, представляющая собой совокупность культурных ценностей, чувств, представлений, взглядов, идей стереотипов и символов.

Государство как совокупность институтов власти выступает условием устойчивого существования этнических систем. Определенные исторические формы государства возникали и разрушались вместе с возникновением и разрушением соответствующих комплексов этнических стереотипов. Вместе с тем старые институты, как и старые стереотипы, не исчезали бесследно, а сохранялись в преобразованном виде в новых этнополитических системах, под воздействием инноваций, занимая подчиненное положение по отношению к новым институтам власти и стереотипам, позволяющим успешно адаптироваться к изменившимся условиям существования людей в пределах России.

Пренебрежение к традиционным проблемам этносов, их недооценка накапливают потенциал межнациональных конфликтов, который способствует разрушению сущностных основ российского общества и стабильности государства.

В результате развала Советского Союза народы страны, независимо от их численности и исторической роли в российском государстве, фактически в очередной раз лишились привычных для себя социальных и духовно-идеологических ориентаций и ценностей. Они были вынуждены вернуться на свою традиционную этнонациональную почву¹.

Народы столкнулись с ситуацией, когда традиционные этнонациональные ценности сами по себе оказывались неспособными самостоятельно справиться с глобальными изменениями

¹ *Пляйс А. Я.* Политология и актуальные проблемы политической жизни современной России. — М.: Город, 2002. — С. 41.

современного мира в своем обустройстве. Соответственно речь идет о системном кризисе основ жизнедеятельности, развития и взаимодействия как отдельных национальных общностей, так и всего многонационального общества.

Повсеместно этническое сознание подверглось политизации даже в ущерб исконным этнокультурным основам развития народов. Политизация этнических процессов и обращенность политической стратегии к опыту взаимовыгодного сотворчества народов и культур свидетельствуют и о признании бессилия государственной власти в решении насущных общественных проблем.

Только совместными усилиями государства и представителей всех народов и культур возможно создание единого этнонационального пространства, которое будет близко и понятно всем гражданам России.

Возвращаясь к проблеме взаимодействия традиционных и инновационных мотивов этнонационального сознания как фактора политической стабильности российского государства, следует обратиться к одному из ярких проявлений указанного. Для устойчивого развития России, ее становления в качестве конкурентоспособного государства необходима выработка механизмов стратегического планирования в сферах обеспечения национальной безопасности государства.

Концепция национальной безопасности была принята в 1997 г. и сыграла свою положительную роль. Но к настоящему времени произошли серьезные изменения как в стране, так и в мире, и поэтому возникла объективная необходимость в создании нового базового документа.

Новая Стратегия национальной безопасности была разработана в июне 2008 г. Советом Безопасности РФ в соответствии с поручением Президента России, председателя Совета Безопасности РФ Дмитрия Анатольевича Медведева¹. Она развивает Концепцию, но является принципиально новым (в первую очередь по подходам) документом.

¹ См. в: URL: <http://www.znaj.ru>.

Главное отличие этого документа заключается в том, что национальная безопасность обеспечивается через достижение стратегических национальных приоритетов. В Стратегии заложен принцип безопасности через устойчивое развитие прежде всего экономики и социальной сферы, предусматривающий социальные, политические и экономические преобразования для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод российских граждан. При ее разработке использовался отечественный опыт, основанный на традиции, и зарубежный опыт, основанный на инновации.

Исследование системы взаимодействия традиционных и инновационных мотивов этнонационального сознания как факторов политической стабильности дает возможность не только понять механизмы стабилизации общественных систем как таковых, но и проанализировать их содержание с учетом национальных, исторических и иных особенностей развития российского государства.

Татьяна Коваль

соискатель ученой степени кандидата политических наук
кафедры политологии философского факультета
Томского государственного университета

Томск, Россия

ОБРАЗ РОДИНЫ В ЗНАЧЕНИИ «РОДИНА-МАТЬ»: ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Людям свойственно любить Родину, относиться к ней как к родной матери. «Ведь Родина — мать, а разве можно не любить маму, разве можно бросить ее, разве можно без нее обойтись?»¹ — читаем мы в детской энциклопедии. На сайте романс.ру в предисловии к разделу «песни о Родине» написано: «Родная земля, Родина. Эти понятия так же близки и дороги каждому человеку, как слова «Мать» и «Отчий дом». В песнях о Родине мы выражаем к ней свою любовь, в песнях о Родине мы кланяемся ей как родной матери»². Любовь к Родине сродни любви к матери, к любимой девушке: «Как невесту, Родину мы любим. Бережем, как ласковую мать», — слышим мы в популярной песне советского времени «Марш о Родине».

В основании такой любви к родине лежит древний и могучий архетип родины-матери, мифологический образ «мать-сыра земля»³. Одной из архетипических фигур, по Карлу Юнгу, является Мать⁴. Мать, согласно юнговскому описанию архетипа, есть структурная предпосылка и основа для архаического образа Земли-матери. В русской культуре данный образ, появившись

¹ См.: *Родина* // Что такое. Кто такой: в 3 т.— М.: Изд-во «Педагогика-пресс», 1999.— Т. 3.— С. 37.

² См.: *Песни о Родине на Романс.Ру* — слова, тексты и аккорды, поиск mp3 песен о Родине. URL: <http://www.romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=d-6-4-3-4>.

³ См.: *Щербинина Н. Г.* Политический миф России.— Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002.— С. 58.

⁴ См.: *Юнг К. Г.* Психологические аспекты архетипа матери // Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов.— Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996.

в киевский период, играет архетипическое значение (является культурным архетипом). Понятие «Родина-мать» появилось позднее, в период формирования национального государства, и оно связано с понятием патриотизма. Согласно К. Юнгу, архетип Матери парный с архетипом Отца. Так, архетип Матери выражает бессознательное, а архетип Младенца (Отца, Героя, Правителя) говорит о пробуждении сознания. Таким образом, женский архетип входит в героический политический миф как парная архетипическая фигура к Отцу, Герою и Правителю. Образ Родины — это политико-культурный атрибут в России, составляющий пару с Правителем при описании легитимной власти. Образ Родины с парными архетипами составляют основу патриотического дискурса.

Патриотический дискурс изначально выстраивался на основе идентичности с патриархальными образами: «Земля отцов» как вотчина («отчина»), «отечество», «отчизна»¹. Вообще в патриотическом дискурсе «Родину» зачастую называют «Отечеством» или «Отчизной». Обычно в повседневности эти понятия употребляются как полные синонимы, и в Конституции Российской Федерации понятия «Родина» и «Отечество»² тождественны друг другу, однако зачастую исследователи, чтобы разделить эти понятия, приписывают «Родине» женское начало, а «Отечеству» — мужское. Так, русский философ Георгий Федотов считает, что термин «Родина» связан с так называемым «материнским сознанием», которое апеллирует к языку, песне, сказке, народности и неопределимой, но могущественной жизни бессознательного. А термин «Отечество» — как один из возможных синонимов «Родины» — связан с «отцовским сознанием», относящимся к долгу и праву, к социально-государственной, сознательной жизни³. Таким образом, «Родина» соотносится с образом «Матери», которая рождает и воспитывает (дающее начало), а «Отечество» — с «Отцом», который не только социали-

¹ См.: Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий.— М.: РОССПЭН, 1997 — С. 289–292.

² См.: Конституция Российской Федерации.— М.: Юрид. лит., 1995.— Прембула.— С. 3 и др.

³ См.: Федотов Г. П. Судьба и грехи России.— СПб., 1992.— Т 1.— С. 324.

зирует, но и требует выполнения сыновнего долга перед родителями (берущее начало): «*Родина — мать, умей за нее постоять*» (русская пословица) или «*Родина-мать зовет!*» (лозунг с плаката работы художника Ираклия Тоидзе, 1941 г.).

Эксплуатируя чувство привязанности человека к Родине как к матери, государство оперирует термином «патриотизм», который в нужный момент способен приобрести соответствующее звучание. В «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» написано, что «патриотизм проявляется в поступках и в деятельности человека. Зарождаясь из любви к своей малой Родине, патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству»¹. Однако мы не можем не заметить явное изменение смысла — патриотизм как государственная идеологическая концепция превращает любовь к Родине в любовь к государству. В риторику патриотизма входят гражданственность и нравственность, мужество и героизм, чувство ответственности за судьбу и независимость Родины и долг перед ней. В контексте патриотизма Родиной гордятся, Родину любят, прославляют, защищают, борются и сражаются за ее свободу, за нее умирают, а еще Родине нужно быть верным, нельзя покидать ее, забывать, предавать и изменять ей. Специальные патриотические символы, в числе которых, кроме Родины-матери, также памятники былой славы, вечный огонь, герб, гимн, знамена, патриотические праздники (День защитников Отечества, День Победы, День России, День Конституции), превращаются в механизм воспитания патриотов (сыновей) страны.

Государство часто использует «материнское» понимание термина «Родина» и на этой ценной для человека почве культивирует такие качества, как самопожертвование, отпор врагу и пр. «Государственная машина», используя механизмы воспитания и пропаганды, обозначая себя Родиной, неминуемо подчиняет себе все сферы жизни человека, включая личную. Такое государство способно воздействовать на свободу человека при

¹ См.: *Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации.*— М., 2003.— С. 2. URL: <http://www.ed.gov.ru/junior/rub/patriot/konzept/konzept.doc>.

принятии решения (от выбора места жительства до самопожертвования во время войны). «Непатриотами» в любой момент с подачи государства могут быть объявлены как злостные налогоплательщики, так и бюрократы. Таким образом, патриотизм как идеологический конструкт способен включить в себя ряд терминов, довольно далеких от образа Родины в смысле Земли-матери. В прошлом веке насаждаемый псевдопатриотизм являлся особым, изощренным инструментом идеологического обоснования и обслуживания тоталитарных режимов во многих странах. В то время обвинение в непатриотизме зачастую носило политический характер и было равносильно измене Родине. Так, согласно советскому праву, измена Родине считалась особо опасным государственным преступлением¹.

Патриотическая пропаганда в СССР всецело работала на сакрализацию Родины и тем самым на мобилизацию населения страны. При советском режиме особо популярна была метафора семьи, где в роли матери выступала «Родина-мать». Отцом народов был Сталин, «народы» — братьями, а республики — сестрами. Ирина Сандомирская пишет, что из «разрозненных, полузабытых, почти утративших авторство цитат, анонимных образов, стершихся и вытесненных из воспоминаний, из школьной пионерско-комсомольской тоски, из обрывков песен и публицистических призывов, из лозунгов и анекдотов, из случайных воспоминаний детства и ностальгии взрослого возраста складывается образ Родины — набор отрывочных, казалось бы, мало связанных между собой словесных, зрительных, поведенческих текстов. Все эти тексты входят в тот общий алфавит или лексикон культуры, который объединяет между собой носителей современного русского языка и позволяет говорить о всех нас, сыновьях и дочерях Родины, как о сообществе»². Постепенно метафора «Родины-матери» прочно укоренилась в русской культуре и стала неотъемлемой частью нашего коллективного бессозна-

¹ *Статья* с названием «Измена родине» закончила свое существование вместе с УК РСФСР, действовавшего до 1 января 1997 г. В УК РФ сходное по составу преступление именуется уже «государственной изменой». См.: *Измена Родине* // Юрид. слов. на Онлайн словари. URL: http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=law&word=izmena_rodine.

² *Сандомирская И.* Родина-мать. URL: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_3658.html.

тельного. Так, к примеру, Брюс Монк, автор популярного школьного учебника «Happy English», говорил в лекциях о современной русской культуре на факультете иностранных языков МГУ: «Понятие родины в русских пробуждает много эмоций. Родина — женского рода, часто воспринимается как мать (родина-мать, родина-матушка). У нас другое отношение к своей стране. Нам никогда не пришло бы в голову назвать ее “матерью-землей”. Ваши люди испытывают ностальгию, проходя трехнедельный курс английского языка в Оксфорде. Я прожил в России, вдали от родины, девять лет, и у меня не было ностальгии. У нас с родиной совсем другие отношения»¹.

«Почему я родился именно здесь, именно в этом месте, на этой земле?» — этот вопрос является одним из главных философских вопросов в жизни человека. Ответ не известен, отсюда сомнение: жить или не жить в этой стране. Во времена доперестроечного периода было трудно и порой невозможно сменить Родину, обрести «вторую» Родину. Открытые границы, процессы глобализации, перемещение больших человеческих потоков в постсоветском пространстве привели к тому, что современный человек может жить и работать не в той стране, где он родился. В наше время стало возможным выбирать себе то место на Земле, где больше нравится, где выше качество жизни. Поэтому сегодня популярно известное «*Ubi bene, ibi patria*» («где хорошо, там и родина» (Аристофан)) или «*Не там родина, где мать родила, а там и рай, где добрый край*» (русская поговорка). Кажется, что Родина — это лишь предрассудок. Однако не всегда удается адаптироваться в новых условиях, слишком глубоко и прочно чувство Родины живет в нас. Родина закрепила и сформировала нашу ментальность и поэтому то, что близко нам, часто не совпадает и даже конфликтует с привычками и традициями других культур. Даже если мы осуществили все свои мечты, улучшили материальное положение, то достижение духовного равновесия становится трудной задачей. Можно поменять страну проживания и гражданство, но не Родину. Ее, действительно, как и родителей, не выбирают.

¹ См.: Тер-Минасова С. Г. Любовь к родине, патриотизм // Язык и межкультур. коммуникация. — М.: Слово/Slovo, 2000. — § 5. — С. 177.

Юрий Сухарев пишет, что «как у сыновей с матерями, по различным житейским обстоятельствам, отношения могут сложиться далеко не идеальными, так и к обществу, а то и к самому понятию родины, человек порой может относиться негативно, особенно если он не видит в себе причины возникших проблем и считает, что живи он в других краях, все у него сложилось бы куда как лучше»¹. Нам часто кажется, что «там хорошо, где нас нет» (русская пословица). Чувство Родины приходит к нам не сразу, а после длительных блужданий вовне. Поток несутся события, люди, желания, удовольствия, разочарования... Желание остаться и жить на Родине, любить ее и защищать складываются годами по мере смыслового наполнения этой ценности. Со временем мы начинаем понимать, что «в гостях хорошо, а дома — лучше» или «за морем тепло, а дома — теплее» (русские народные пословицы). Все же стоит отличать любовь к Родине как к Матери, Дому от Родины в значении государства, любые чувства к которому мешают нам адекватно оценивать происходящие события в стране. А любовь к Родине, как и к Маме, из раздела приватных тем.

¹ См.: Сухарев Ю. Бог и Родина // Газ. Синодального Отдела «Мирь всемь». — 2002. — 17 дек. URL: http://www.pobeda.ru/army-law/htdocs/history/bog_i_rodina.htm#top.

Михаил Хлебников

*доцент кафедры гуманитарных основ государственной
службы Сибирской академии государственной службы
кандидат философских наук, доцент*

Новосибирск, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА РУССКОЙ КОНСПИРОЛОГИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Подъем конспирологических настроений в России относится к началу XX в. Означает ли этот подъем формирование собственно «конспирологического мышления»? На наш взгляд, это не совсем верно. Природа реактивности подразумевает достаточно локальное поле взаимодействия в жестких границах причинно-следственных связей.

Исходя из этого в центре внимания первых конспирологов была попытка объяснения непосредственных причин революционного кризиса 1905 г. А. И. Генц уровень масонской опасности определяет в следующих словах: «В России масонства, давшего нам в свое время мартиниста Новикова и декабристов, — официально давно не существует: с указом 1822 г. масонские ложи были закрыты у нас навсегда; но ужасная русская действительность показывает нам, что свою разрушающую работу масонство у нас, тем не менее, ведет, и сопровождается она, увы, блестящим успехом»¹. Но примеров «блестящих успехов» масонства за практически полное столетие не наблюдалось.

Доказательная часть авторских рассуждений основывается лишь на непосредственном описании событий русско-японской войны и последовавших за ней революционных выступлений. «А что касается других видов масонской измены — то какие возмутительные примеры ее видели мы хотя бы в японскую войну, когда интеллигенция и здесь, и на театре военных дейст-

¹ Генц А. И. Масонство. — М.: Верность, 1906. — С. 57.

вий, возбуждала солдат к нарушению долга перед родиной; когда открыто устраивались фестивали по случаю наших поражений!»¹. Отметим, что сущность предъявляемых обвинений имеет опосредованное отношение к «теории заговора». Действительно, упрекать «тайное общество» в организации «фестивалей», т. е. праздников, приводит к лишению их конспиративного начала. Это, по существу, означает аннигиляцию самого содержания «тайного общества». Реальным объектом авторских претензий становятся не масоны, но радикальная часть русской интеллигенции, для которой были характерны подобные настроения.

Наибольший интерес вызывает конспирологическая позиция В. В. Розанова². Он, как известно, уделял повышенное внимание различным «темным сторонам» жизни: от сексуальных вопросов до деятельности различных эзотерических, религиозных тайных обществ. В развернутом виде эти проблемы рассматривались в контексте «еврейского вопроса», волновавшего философа: роли евреев в жизни русского общества, их влияния на культуру и политику. На протяжении долгого времени в мировоззрении В. В. Розанова равно присутствуют диаметрально противоположные подходы к еврейской проблематике: от жесткой критики еврейского этноса до заявлений, которые можно отнести к юдофильским. Подобная неоднозначность является общей характерной чертой для его стиля мышления, что можно проследить в ряде иных вопросов (например, в отношении к христианству, монархии, системе образования). Сведение вопроса к большей содержательной определенности становится возможным в контекстуальном анализе «еврейского вопроса» и «теории заговора».

«Конспирологизация» «еврейского вопроса» у В. В. Розанова становится следствием «дела Бейлиса»: судебного процесса по обвинению иудея М. Бейлиса в ритуальном убийстве киевского подростка А. Ющинского. Философ отстаивает версию о существовании в иудаизме тайной секты, практикующей использование крови христианских детей в своих ритуалах.

¹ *Генц А. И.* Указ. соч.— С. 59.

² *Розанов В. В.* Обоятельное и осязательное отношение евреев к крови. Сахарна // Собр. соч.— М.: Республика, 1997.

В сборнике статей «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» развивается мысль об изначальной конспирологической природе еврейского этноса, проявляющейся даже в особенностях еврейской письменности: «Тайнопись иудейская имеет под собой иудейское тайномыслие. Вот разгадка, — алфавита, письменности, всего: с самого начала, с самого появления на земле, иудеи пришли уже с тайной мыслью. Ничего подобного ни с одним народом!!»¹. Не случайным представляется характер ранений, нанесенных А. Ющинскому, расположение которых соответствует каббалическим «магическим буквенным формулам», имеющим следующее содержание: «человек был убит ударами в голову и грудь, как жертвенный телец Иеговы»². В. В. Розанов приходит к заключению, что закрытость евреев как этноса, стремление к сохранению максимальной дистанции с другими народами являются следствием бытования кровавого, изуверского обряда. Это подтверждается и герметичностью иудаизма, созданием искусственных трудностей для исследователей иудейских сакральных текстов.

В ходе судебного процесса конспирологические настроения В. В. Розанова получают дополнительные обоснования, подкрепляемые широкой кампанией, развернутой либеральными кругами в защиту М. Бейлиса. У философа складывается убеждение, что сама кампания с ее хорошо продуманной стратегией, значительными финансовыми вливаниями, широким использованием средств массовой информации и есть непосредственное доказательство «еврейского заговора». Активность либеральной прессы и «прогрессивных общественных деятелей», внешне не связанных с еврейской диаспорой, подтверждает реальность не только «кровавого навета», но и неформальной власти евреев: «Они пощупали русских на тельце Ющинского, как стекло испытывается на алмаз. Святые страдания Андриюши — что-то *единственное в истории и в мире* по глубине ужаса и мрака. И вот евреи «попробовали» на этих страданиях сердце Кондрушкина и Пешехонова. Сердце не задрожало»³.

¹ Розанов В. В. Указ. соч.— С. 277.

² Там же.— С. 380.

³ Там же.— С. 323.

Стремление к разоблачению преступной сущности иудаизма получает у философа достаточно неожиданное продолжение. Эффективным средством освобождения от «еврейского ига» в конечном счете становится игнорирование «еврейского вопроса», вынесение его за рамки русского национального сознания: «Борьба с еврейством для *успеха* не должна быть концентрируема. Все “густое” — неуспешно, п. ч. некрасиво, в литературе, в жизни, обществе... Вы можете успеть против еврея только тогда, когда еврей не замечает, что вы с ним боритесь. Но боритесь с ним внутренне непрестанно и неустанно. Лучше же: выкиньте его из мысли, не думайте о нем»¹. Исходя из этого «теория заговора» представляется громоздким и бесполезным инструментарием, который в большей степени не решает проблему, но лишь внешне ее обозначает.

Активное распространение получает идея о синтезе двух врагов православия и российской государственности: масонства и евреев. Присутствие в этой идее последних в определенной степени объясняется социокультурным откликом на события Первой русской революции, в которой активное участие принимали представители еврейского этноса. Они не утратили своих национальных, легко идентифицируемых, черт и поэтому выделялись в революционной массе. В итоге возникает такое широко распространившееся понятие как «жидомасонство». Но следует отметить, что данное понятие возникает не стихийно, а является продуктом авторских конструирований, с прослеживаемой исследовательской рефлексией. Так, предпринимались попытки исторического обоснования подобного сближения: «Создатели современного масонства — как видно из изложенного Англия и Евреи — две нации, которые будто бы даже находятся в кровном родстве между собой (англичане, будто бы, потомки израильтян, уведенных в плен Сарданапалом)»².

Эвристичность понятия «жидомасонство» заключается в заложенных в нем методологических возможностях и вариациях, следующих как из объективного развития «теории заговора», так и относящихся к конкретным условиям российской действи-

¹ Розанов В. В. Указ. соч.— С. 187.

² Генц А. И. Указ. соч.— С. 66–67.

тельности. Для большинства крайне правых авторов и изданий обозначенные элементы образуют некоторое «диалектическое единство»: если роль масонства заключается в основном в идеологической борьбе с существующим порядком, то евреи олицетворяют активное начало, выполняющее идеологические установки масонства.

Особенностью российского общества в отличие от западных социумов являлось, а скорее всего, и является поныне отсутствие политического пространства как такового. Сословность русского общества имеет иную природу, чем западно-европейское общество, пережившее, а может быть, переживающее и до сих пор переход от классовой организации социума к посткапиталистическому.

Для отечественного социокультурного пространства более актуальной представляется фаза выбора той или иной социально-политической модели, которая должна завершиться этапом самоорганизации общества. В ходе подобного процесса, как мы видим на примере социокультурного опыта западно-европейских стран, «теория заговора» перерастает рамки маргинальности, становясь важным элементом общественного сознания.

Следовательно, генезис конспирологического сознания должен быть соотнесен не с этапом деформации и окончательного разрушения традиционного общества, а с окончательным утверждением социокультурной модели западно-европейского либерализма, которое, как известно, так и не произошло в начале XX в.

Нам представляется более корректным тезис не о формировании конспирологического менталитета в России начала XX в., а наличии элементов «теории заговора» в концепциях отечественных деятелей консервативного направления, с известной и вполне оправданной тревогой наблюдавших процесс деформации уже упомянутого традиционного российского уклада. Сама же природа мышления консерваторов, как это ни странно на первый взгляд, антиидеологична по своей сути. Подтверждением этому служат слова Г. Рормозера: «... консерватизм означал, как правило, не отказ, а осуществление изменений, но без идеологии, прагматично и компетентно»¹.

¹ Рормозер Г., Френкин А. А. Новый консерватизм: вызов для России.— М.: РАН, 1996.— С. 99.

Культ «прагматизма» и «компетентности» достаточно четко зафиксирован в позиции М. О. Меншикова: «органическая структура не была сгнившей, никогда не была выдумана, везде выступала естественно, как требование природы, везде составляла живую организацию общества, трудовое расслоение на клетки, ткани, органы, без чего невозможна жизнь»¹. Подобные же настроения присущи и П. Б. Струве, который определил свою социально-философскую позицию как «либеральный консерватизм»: «Отвлеченные идеи всегда повторяются. Но для общественной функции идей их отвлеченное происхождение, их абстрактная филиация не имеет значения. Как общественная сила идеи и внушаются, и перерабатываются жизнью»².

Возникает вопрос: насколько в отечественных конспирологических моделях начала XX столетия присутствует и реализуется натуралистическая версия «теории заговора». Проблема эта важна в первую очередь в контексте соотносительного анализа становления «теории заговора» в западно-европейском и российском социокультурных пространствах. Как мы уже видели, генезис европейской конспирологической мысли связан с переходом от биологизаторского толкования конспирологии к социоцентрическим моделям. В связи с этим необходимо обратиться к теме наличия собственно натуралистических моделей социального развития в отечественной научной и общественной мысли обозначенного периода.

Начиная со второй половины XIX в. проблемы соотношения биологических и социальных факторов вызывают большой интерес как в научной среде, так и у образованной части русского общества.

Объяснения исторических, социальных процессов с точки зрения определяющего влияния биологической причинности можно найти в работах профессиональных ученых и у авторов, имеющих опосредованное отношение к науке.

С одной стороны, в работах Н. Д. Анучина, А. А. Ивановского, И. А. Сикорского формируются методологические и терминологические

¹ Меншиков М. О. Письма к русской нации.— М.: Москва, 1999.— С. 31.

² Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.— М.: Республика, 1997.— С. 226.

гические аспекты изучения антропологических процессов. Так, выдающийся русский психиатр И. А. Сикорский заявляет: «Антропология может дать психологии ряд весьма существенных справок, при посредстве которых ответы на некоторые основные ее вопросы могут быть доведены до степени точности и определенности; вместе с тем антропология может, подобно биологии, содействовать выяснению некоторых чисто научных, теоретических проблем, которые сближают психологию с естествознанием»¹.

С другой стороны, появляются авторы, не являющиеся профессиональными учеными естественно-научной направленности, что свидетельствует об определенной социальной актуальности данной проблемы. Так, Н. А. Бердяев, мыслитель достаточно далекий от социобиологической проблематики, все же признает важность и необходимость изучения данного вопроса: «Раса сама по себе есть фактор природно-биологический, зоологический, а не исторический. Но фактор этот не только действует в исторических образованиях, он играет определяющую и таинственную роль в этих образованиях. Поистине в расе есть таинственная глубина, есть своя метафизика и онтология»². Согласимся, что для борца за субъективно-личностное начало в его противостоянии природно-объективному подобные слова звучат достаточно парадоксально.

В первое десятилетие XX столетия начинает формироваться социально-экономическое направление русской конспирологии. Для данного направления свойственна абсолютизация экономических аспектов «теории заговора». Особый интерес для нас в этом плане представляют такие работы, как сборник Г. В. Бутми «Золотая валюта» и сочинение А. Д. Нечволодова «От разорения к достатку». В центре внимания автора находятся финансовая система Российской империи, проблемы государственного кредитования и золотовалютных операций. Г. В. Бутми и А. Д. Нечволодов выступают в качестве противников монометаллизма (золотого стандарта), при котором золото становится эквивален-

¹ Сикорский И. А. Данные из антропологии // Рус. расовая теория до 1917 г.— М.: ФЭРИ-В, 2002.— С. 219.

² Бердяев Н. А. Философия неравенства.— М.: ИМА-пресс, 1990.— С. 94.

том и непосредственной основой денежного обращения. Из констатации, о том что «в настоящее время во всех цивилизованных государствах, кроме Мексики и Китая, деньгами признают только небольшие золотые кружки, имеющие международное обращение, определенного веса»¹, следуют положения, перерастающие рамки политэкономической работы. Вопрос о золотом стандарте в авторской интерпретации становится отражением социально-политического противостояния, масштаб которого перерастает границы Российской империи: «В этой картине мы видим две партии: с одной стороны, небольшую группу международных торговцев деньгами, людей, обладающих *только золотом*, т. е. предметом, не имеющим *никакого* практического применения, кроме выделки из него мелких украшений и пломбирования зубов, а с другой стороны — огромные *государства*, обладающие *землею* и сотнями миллионов населения, представляющего из себя гигантскую *рабочую силу*, т. е. обладающие *обоими* источниками, которые только и служат для производства всего земного богатства, могущества и прогресса»². Возникает необходимость в более четкой идентификации «небольшой группы международных торговцев деньгами», что и приводит нас к еврейскому этносу.

Г. Бутми задает вопрос: «Каким образом жалкая раса, не давшая человечеству ни одной гениальной идеи, ни одного научного открытия, не приписавшая себе, даже в самоописании, ни одного великодушного подвига, каким образом эта презренная раса стала владычицею мира»³. Использование этническо-религиозной дефиниции для характеристики «первой партии» — еврейство, иудаизм — остается лишь на уровне определения, не получая дополнительного развития в контексте работы. Этнические, религиозные аспекты «теории заговора» аннигилируются социально-экономическими факторами, в связи с чем определения «еврей», «иудей» приобретают отчетливо со-

¹ Нечволодов А. Д. От разорения к достатку.— СПб.: Типография штаба войск Гвардии Петерб. воен. округа, 1906.— С. 18.

² Там же.— С. 21.

³ Бутми Г. В. Золотая валюта.— СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1904.— С. 223.

циоцентрический характер. Мессианские настроения внутри иудаизма, ранее трактуемые с религиозных, экзотерических позиций, оборачиваются вполне земными, рациональными действиями.

Г. Бутми раскрывает смысл эсхатологического аспекта иудаизма следующим образом: «государства Европы соперничали в военной доблести, избранный народ, исполняя заповедь Моисея, ссужал их деньгами, необходимыми на вооружения, достигая таким образом обещанного экономического господства с одной стороны, с другой — давая людям средство взаимною резнею очистить землю для терпеливых наследников человечества»¹.

В роли субъекта конспирологических теорий выступает русская интеллигенция, которая мыслится как особый продукт отечественного социально-исторического развития. Дискуссии о роли интеллигенции в нашей стране ведутся уже достаточно давно. Диапазон ее оценок невероятно и оправданно широк: от полного признания до полного же отрицания. Либерально-демократическая мысль всячески подчеркивает уникальность и позитивность самого бытия интеллигенции как силы, выступающей поверх сословных, классовых барьеров, выполняющей духовную миссию в русском обществе. Банальным, «общим местом» стали ссылки на то, что феномен интеллигенции присущ только России, ее специфическому историческому облику.

Отечественные конспирологические мыслители на всем протяжении XX в. полностью солидарны с подобной трактовкой, охотно признавая за интеллигенцией и «специфичность», и «феноменальность», правда, особого толка.

Согласно теоретическим построениям этих мыслителей интеллигенция обладает двойственной социально-онтологической природой. Во-первых, она является силой денационализированной и денационализующей. Об этом В. Ф. Иванов говорит так: «Интеллигенция наши исконные начала отвергает, разрывает свою связь с народом и бежит «вон из Москвы» в Европу за

¹ Бутми Г. В. Золотая валюта.— СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1904.— С. 223–224.

чужими и чуждыми нашей жизни идеями»¹. Во-вторых, будучи денационализированным субъектом социокультурной жизни России, она автоматически становится транслятором, посредством которого практически реализуется деятельность тайных обществ. Заметим, что таким образом в интерпретации российских конспирологов в бытовании интеллигенции совмещаются несколько аспектов. При этом, как правило, в качестве «тайного общества», эзотерически определяющего внутреннюю природу деятельности интеллигенции, выступает масонство.

В отечественных конспирологических моделях происходит фактическое отождествление масонства и интеллигенции. Достаточно известная работа Б. Башилова «История русского масонства» концептуально предваряется следующей трехчастной формулой: «Россию и народ привела к гибели воспитанная масонством либерально-радикальная социалистическая интеллигенция. История русской революции — есть история передовой, либерально-радикально-социалистической интеллигенции. История либерально-радикально-социалистической интеллигенции есть по существу история масонства»². Достаточно важным представляется то, что все дальнейшие страницы работы, кроме небольших исторических экскурсов, в основном в эпоху XVIII в., посвящены анализу специфики отечественной религиозно-культурной жизни. Центром внимания автора становятся имена А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, противостоящие, согласно авторской логике, «Ордену Русской Интеллигенции».

Следует также обратить внимание и на такую работу, как «Протоколы сионских мудрецов». Хотя эти протоколы и были изданы в канун Первой русской революции, они остались практически невостребованными даже в идеологических построениях крайне правых. Подлинная известность к ним пришла уже после революционных событий 1917 г. Парадоксальна, но в то же время закономерна и объяснима с позиций нашего подхода,

¹ Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра до наших дней.— М., 1997.— С. 498.

² Башилов Б. История русского масонства.— М.: Энцикл. рус. цивилизации, 2004.— С. 22.

география распространения «Протоколов сионских мудрецов»: Германия, Франция, Великобритания, США. Эти страны, кроме Германии, являясь победителями в Первой мировой войне, не должны были испытывать чувство социального дискомфорта, выраженное в поиске и декларации внешних и внутренних врагов, на что нам указывают представители неофрейдистского подхода. Здесь уже вступает в силу закон компенсаторности, который содержит не объяснение отдельных, хотя и ярких, эпизодов исторического потока, а дает целостное представление о социокультурной динамике посредством «теории заговора».

Мухабат Шарафутдинова

*доцент Узбекского государственного университета
мировых языков
кандидат филологических наук, доцент*

Ташкент, Узбекистан

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ И ЭПИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В РОМАНЕ А. ЧУЛПАНА «НОЧЬ И ДЕНЬ»

Известно, что великие произведения обладают даром вечной жизни, отличаются способностью к постоянному самообновлению. Разные поколения вычитывают в них не одно и то же и по-разному толкуют их смысл. К таким вечным произведениям можно отнести и роман А. Чулпана «Ночь и день» (1935)¹.

Творчество Абдулхамида Чулпана (1898–1938), замечательного поэта, писателя, драматурга, публициста, переводчика, литературного критика, формировалось в начале XX в. под влиянием творчества джадидов И. Гаспринского, М. Бехбуди, А. Фитрата, А. Авлони и др. Это был период революций и усиления движения за национальную свободу. А. Чулпан очень рано увлекается восточной поэзией, особенно турецкой и персидской, тщательно изучает творчество Фирдауси, Хафиза, Саади, Омара Хайяма, Джалалиддина Руми, Алишера Навои, Тевфика Фикрета, Габдуллы Тукая.

Большого внимания заслуживает драматургическая деятельность А. Чулпана. Ему принадлежит немалая заслуга в развитии узбекского советского театра. В 1921–1923 гг. А. Чулпан работал директором театра «Турон» в Ташкенте. Одновременно он занимался совершенствованием мастерства и культуры речи актеров. Известны его драматические произведения: «Бай» (1914), «Еркиной» (1921), «Халил Фаранг» (1921), «Грех»

¹ *Чулпан А. Ночь и день / пер. с узб. А. Исмаилова // Звезда Востока.— 1989.— № 9–10.*

(1917–1919), «Любовь Чабана» (1926), «Бунт рабыни» (1926), «Муштумзор» (1928), «Худжум» (1928), «Товарищ Каршибаев» (1929) и т. д.

В 1924 г. в Москве в Доме просвещения была открыта узбекская драматическая студия, в которой обучались актерскому и сценическому мастерству и узбекские актеры. Известные артисты и режиссеры театра им. Вахтангова способствовали совершенствованию театрального мастерства студийцев. А. Чулпан же с 1924 по 1927 г. работал в этой студии в качестве литературного сотрудника, драматурга и переводчика. Здесь, в Москве, А. Чулпан знакомится с литературной средой, изучает пути развития нового театра, а также опыт известного режиссера — Мейерхольда. Параллельно с этим он занимался переводами трудов по истории русского и европейского театра, читал лекции о жизни и творчестве известных зарубежных драматургов, обучал студийцев нормам литературного языка, дикции, культуре речи.

Можно смело утверждать, что творчество А. Чулпана на сегодняшний день достаточно широко исследовано. Однако, как всякое эпохальное явление, к каковым, безусловно, относится наследие А. Чулпана, в узбекской литературе XX в., оно продолжает оставаться открытым для научного постижения в историко-литературном и теоретическом плане.

Как известно, узбекская литература начала XX в. опиралась на художественный опыт восточной литературы (в частности, арабской и турецкой). Однако для А. Чулпана, переводчика русской и европейской литературы, этот путь был далеко не единственным. В силу того, что А. Чулпан в творчестве широко использовал художественный опыт европейской литературы, его роман «Ночь и день» отличается своеобразием.

В данной статье рассмотрим функции сценических элементов в художественной концепции романа А. Чулпана «Ночь и день» (1936). Как уже отмечалось, художественное видение А. Чулпана формировалось под влиянием театрального искусства. На наш взгляд, это непосредственно повлияло и на процесс создания романа.

При внимательном чтении произведения обнаруживается достаточно заметное присутствие в художественной ткани текста А. Чулпана ярко выраженных театрализованных эпизодов.

В романе «Ночь и день» писатель через художественные образы анализирует предреволюционную действительность Туркестана, исследуя самые глубокие пласты социальной жизни, демонстрируя при этом обострение общественных конфликтов, «гниение» империи изнутри, созревание революционной ситуации. Изображая характеры своих персонажей, автор передает их внутренний мир, раскрывает душевные переживания, которые не только приближают, но и делают понятным то время. Сюжет романа сводится к тому, что совсем юную девушку по имени Зеби отдают замуж за известного вельможу — Акбарали-мингбаши — четвертой женой. Соперницы, желая избавиться от Зеби, подсыпали яд в чайник с водой. К сожалению, воду из чайника выпил Акбарали. Суд обвиняет Зеби в умышленном убийстве мужа и приговаривает ее к семи годам каторжных работ.

С главной героиней романа Зеби мы знакомимся с первых страниц произведения. Зеби, подобно многим узбекским девушкам своего времени, выросла в четырех стенах, лишённая воли и свободы. Отец, Раззак-суфи, собственными руками столкнул ее в пропасть — отдал замуж за известного вельможу Акбарали четвертой женой.

Начало романа заключает в себе четко выстроенную завязку — об этом свидетельствует эпизод поездки Зеби в кишлак, где и возникла идея о ее замужестве. Здесь ясно прослеживается основательно продуманная драматургическая основа композиции романа.

Так, в романе А. Чулпана, как в драме, почти все действующие лица, вплоть до незначительных, представлены заранее, до начала событий. Как в драме, в романе все действие выстраивается вокруг главной интриги — женитьбы Акбарали-мингбоши на Зеби. Это событие затрагивает интересы многих и требует участия почти всех лиц, хотя степень участия их в этом различна.

В романе, как в драме, берется не вся жизнь персонажа (Зеби, Раззак суфи, Акбарали, Мирякуб и др.) — нет биографии, нет предыстории, нет развития характеров, но показаны лишь их действия на момент развития сюжета. Первый толчок к дейст-

вию исходит от Салти, подруги Зеби, пригласившей ее в поездку в кишлак. Между тем непосредственно действие начинается с приглашения Зеби к себе домой Султанхон — младшей жены Акбарали, хотя ей сразу объяснили, что этот неосторожный шаг может закончиться очередной женитьбой Акбарали. В этой интриге действуют еще две старшие жены Акбарали — Пошшахон и Хадичахон, которых объединило чувство ревности. Они почти уподобились друг другу: обе имеют соперниц, обе оказались отвергнутыми своим мужем, обе наблюдают за происходящими событиями и совместно переживают свои маленькие радости в чинимых ими кознях. При этом каждая из них наделена своим характером. Пошшахон более коварна и проворна. Именно соперничество этих двух старших жен сыграло немаловажную роль в женитьбе Акбарали на Зеби. Показательно, что все происходящие события в произведении, повороты в сюжете строго мотивированы характерами и положением действующих лиц. От еле заметной психологической черты любого персонажа зависит ход последующих действий: сюжет не разворачивался бы, если бы не было этих соперниц: не положила бы Пошшахон яд в чайник Зеби, не умер бы Акбарали. Его смерть, которой никто не желал, неожиданно создает трагическую коллизию вокруг Зеби и ведет к развязке — кульминационному событию романа: суду над невинной женщиной.

Большой интерес представляет принцип создания характера Зеби. Критика увидела в ней образ угнетенной женщины¹. Действительно, на первый взгляд, роман поражает своим социальным обличением. Однако эта формула, как мы полагаем, не вмещает всего замысла А. Чулпана: она слишком узка для него и однозначна. В начале произведения Зеби изображена веселой, живой и задорной девушкой. Особый смысл носит певучий голос девушки, как атрибут театральный: и писатель, и сами участники романа постоянно подчеркивают необычный голос девушки, который буквально завораживает окружающих.

¹ *Мамажанов С.* Бизнинг Чўлпон.— Ташкент: Езувчи, 1997; *Каримов Н.* Поэт, пробудивший независимость.— Ташкент: Маънавият, 2000.

Писатель постоянно акцентирует внимание на ее голосе. Зеби поет во время поездки в кишлак, поет среди девушек в гостях. Слава о ее чудесном голосе распространилась далеко. Она дошла и до Акбарали-мингбоши, женитьбу которого на Зеби фактически организовали его близкие.

Чуть позже, когда Зеби получила разрешение отца на поездку, писатель заметит: «Раскрылось окошечко клетки» (С. 36)¹. По возвращении из поездки в кишлак голос Зеби стал звучать все меньше и меньше. Читатель перестал слышать ее чудесный голос. Одновременно ее участие (действие) в романе в качестве персонажа постепенно теряет активность и силу. Это был первый ход или первый акт. Зеби, совершенно не принимая участия в действии, подобно шахматной пешке была передвинута из родного дома в дом Акбарали — из одной клетки в другую.

Следующий шахматный ход — смерть Акбарали. По ходу действия романа известно, что в последний свой день Акбарали, расстроенный беспорядками в городе, вернулся домой, много выпил. Зеби накрывает ему поздний ужин. Описывая трапезу Акбарали, писатель не пропускает ни одной детали. Пьяный мингбоши принимал пищу настолько безобразно, что Зеби стало плохо, и она вышла на воздух. Ей захотелось пить, однако чайник с водой был в комнате, где находился пьяный муж, и она не решилась войти. В прихожей Зеби выпила холодной воды. Будь этот чайник с водой (к этому времени вода уже была отравлена) рядом, Зеби выпила бы сама, тем более что ее мучила жажда. Однако все произошло иначе. Ночью, ничего не подозревая, она подает мужу чайник с отравленной водой, в результате мингбаши умирает.

Зеби опять оказалась в новой «клетке», но теперь уже в настоящей. Характерно, что она не протестует против судьбы, не пытается искать выхода и даже не пытается обмануть судьбу. Но самое главное, что Зеби не понимает всей трагичности своего положения.

Последний ход — это сцена суда. На протяжении романа фактически идет подготовка к главному представлению — этой

¹ Здесь и далее в скобках приведены страницы из романа *Чултана А. «Ночь и день»*.

сцене суда — центральному действию романа, обставленному как чисто театрализованное представление — томоша. Она не понимает, что ее обвиняют в убийстве мужа (ей вообще непонятно, как можно убить собственного мужа). Она не понимает русского языка, на котором идет вся процедура суда. Переводчик переводит лишь то, что считает нужным. Таким образом, Зеби просто присутствует на суде, никак не принимая участия в «представлении», если не считать ее коротких ответов на вопросы судьи. По мере приближения действия к финалу она вообще прекращает говорить. Все решается без ее участия. Зеби вновь передвинута в новую клетку. Теперь она из действующего лица превращается в зрителя-наблюдателя: «Не понимающая языка Зеби стала наблюдать за мимикой говорящего» (С. 261).

Таким образом, на глазах читателя происходит перемещение персонажа из одного положения в другое. Писатель продолжает в развертывании сюжета использовать игровой прием и параллельно игру слов. Обратим внимание на то, что ключевым в тексте романа становится слово «томоша» — представление. Это слово в тексте повторяется несколько раз. Сначала писатель как бы невзначай говорит фразу: «... Султанхон заметно оживилась после рассказа о представлении, устроенном под окнами невесты двумя женщинами...» (С. 8). Далее в поезде Мария, ожидая Мирякуба, тоже как будто случайно роняет: «началось представление» (С. 35). Позже, по мере развертывания сюжета, на это слово уже падает фазовое ударение. Например: «Протокол эмас, томоша!» (Не протокол, а загляденье) (С. 255). Здесь же «Томоша!» (Представление); или «Не понимающая языка Зеби стала наблюдать за мимикой говорящего, как на представлении» (С. 261).

Таким образом, в первых двух случаях это было упоминание о представлении. В последних случаях в одном слове использовано несколько смыслов: загляденье; представление; наблюдение. Каждое новое осмысление слова означает очередную веху в развитии темы, общее движение которой идет по восходящей — к суду над Зеби как к настоящему театрализованному представлению.

Итак, мы вплотную подошли к проблеме театрализации повествования в романе «Ночь и день».

С. Мамажонов, анализируя роман А. Чулпана «Ночь и день», отмечал, что в романе «преобладают не описание, а изображение, действие, сценичность; роман состоит из самостоятельных, но друг друга дополняющих сцен»¹.

Д. Куронов продолжает мысль С. Мамажонova: «Действительно, роман “Ночь и день” наличием существенных драматических элементов стоит особняком в узбекской романистике 1920-х — 1930-х годов»². Более того Д. Куронов идет дальше: он разделяет сцены романа на два типа: первый — сценические представления, создающие сюжет произведения; второй — сценические эпизоды, усиливающие эпическое начало произведения.

Исследование романа А. Чулпана показывает наличие в нем драматически-сценического начала. При этом мы не ставим целью игнорировать значение лиризма или снизить значение эпического повествования в романе. Тем более, очевидно, что при внимательном чтении можно видеть постоянное соприкосновение эпического элемента с драматическим.

¹ Мамажонов С. Чўлпон ва театр // Нафосат, 1992.— № 1.— С. 12.

² Куронов Д. Чўлпон поэтикаси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— Ташкент, 1998.— 29 с.

**ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ
И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В СИБИРИ**

Дмитрий Михайлов

*доцент кафедры гуманитарных основ государственной
службы Сибирской академии государственной службы
кандидат исторических наук, доцент*

Новосибирск, Россия

ИСТОКИ АЛТАЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Становление национализма как социокультурной системы в основном связывают с процессом модернизации и развитием капиталистических отношений. Наиболее удачно общественно-политические последствия этого перехода сформулировал Дж. Бройи, который считал, что это появление идеи государства как общественной формы, а общественной жизни как формы частной¹. До этого на частную жизнь посягали корпорации (особенно церковь), а государство в его династийной форме являлось сферой частной.

Распространение товарно-денежных отношений взламывает старые социальные системы и создает качественно новые категории населения, значение которых постоянно повышается. Массовая маргинализация неизбежно сопровождается мировоззренческим крахом. Прежние морально-этические нормы и ценности приходят в упадок, поскольку они не только не могут объяснить происходящее, но и остро ему противоречат. Крушение традиционной картины мира порождает общую потерю идентификации. Образовавшийся идеологический вакуум в условиях зарождения новых типов сообществ заполняется национализмом как идеологией. Национальная идея определяет характер восприятия новых политических образований и обосновывает их границы.

Националистический дискурс зарождается в культурно-просветительской среде. Первый этап развития национального движения характеризуется деятельностью группы энтузиастов,

¹ См.: *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // *Нации и национализм.* — М.: Праксис, 2002. — С. 224.

направленной на изучение культуры, языка, истории той или иной культурной общности. В связи с этим роль интеллигенции в процессе становления национализма значительно повышается. При этом сама цель — создание нации — не декларируется, и часто последствия, которые связаны с деятельностью первых активистов национального движения, не осознаются. Главным итогом их трудов является пропаганда особенностей и исторических корней культурных достижений недоминирующей культурной общности¹. Идет процесс монтирования культурно-исторических образов, которые будут заполнять пространство коллективной памяти сообщества и станут основой будущего единства.

Утверждению национализма как нового принципа социальной организации способствует появление передовых быстро развивающихся технологий, которые создают принципиально новые средства для обеспечения социальной унификации (массовая печать, всеобщая грамотность, всеобщая воинская повинность и т. д.). Это является последним и решающим фактором в генезисе национализма.

Таким образом, для того чтобы выявить предпосылки зарождения национализма и проследить его истоки, необходимо определить: во-первых, социальные последствия капиталистической трансформации; во-вторых, мировоззренческий кризис и порождаемый им идеологический вакуум; в-третьих, особенности начального процесса научно-публицистического освоения особой культуры, т. е. зарождение националистического дискурса.

Особенно четко переход к национализму выявляется в сопоставлении «с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых — а вместе с тем и в противовес которым он появился²». К таким системам Б. Андерсон отнес религиозное сообщество и династическое государство. На

¹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм.— М.: Праксис, 2002.— С. 125.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма.— М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001.— С. 35.

территории Горного Алтая подобного рода социокультурных форм к концу XIX в. не существовало. В исторической памяти алтайцев фиксируется западно-монгольское ойратское государство, Джунгарское ханство — сильное феодальное образование, в состав которого Алтай входил в XVII–XVIII вв.¹ Однако в связи с отсутствием письменной традиции иметь широкую основу и реализацию в общественно-политической практике спустя полтора столетия эти воспоминания не могли. В XIX в. весь кочевой мир переживает период упадка. Характерно замечание П. П. Румянцева в отношении кочевников Казахстана: «Далее нет уже истории киргизского народа, а есть история сельских обывателей — инородцев степных областей»².

Основу социальной организации Горного Алтая составляли родовые группы. Родоплеменные образования отличает крайняя аморфность — постоянные изменения, образующие новые конфигурации, скрепляемые генеалогическими мифами³. На Алтае в XIX в. родоплеменные отношения были зафиксированы административным устройством. Каждый алтаец по родовой принадлежности прикреплялся пожизненно к определенному родовому старосте (зайсану), не имея возможности уйти от него, даже если жил на большом расстоянии. Во второй половине XIX в., благодаря расширяющейся торговле по Чуйскому тракту, на Алтае начинают активно развиваться капиталистические формы хозяйства. Товарно-денежные отношения здесь не вытекали из логики внутреннего экономического развития, а вторгались извне, подвергая ломке традиционные социальные институты.

Л. П. Потапов убедительно доказал, что к концу XIX в. алтайское общество в новых экономических условиях трансформировалось быстрыми темпами. Главными факторами этих преобразований стали: во-первых, вторжение русского капитала в алтайские стойбища; во-вторых, введение денежных податей и

¹ *Моисеев В. А.* Участие населения Горного Алтая в антицинской освободительной борьбе // История Республики Алтай.— Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002.— Т. 1.— С. 291.

² Цит. по: *Артыкбаев Ж. О.* Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий).— СПб.: Мажор, 2005.— С. 33.

³ *Абашеев С. Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности.— М.: Алетейя, 2007.— С. 18–19.

повинностей; в-третьих, появление товарной формы хозяйства¹. Кочевая экономика под напором рыночных отношений пережила сильный стресс. В результате возникла специализация скотоводства, ориентированная на рынок, что нанесло сокрушительный удар по традиционным социальным структурам². В условиях периферии эксплуатация приобретала чудовищные формы³. Новое общественное состояние на Алтае окончательно утверждает землеустроительная реформа 1911–1913 гг., которая была направлена на разрушение феодального землевладения и общинного землепользования и фактически санкционировала упадок родового строя⁴.

Очевидно, что массовая ресоциализация привела к психологической растерянности, состоянию фрустрации. Так, А. М. Сагалаев отмечает: «К началу XX века в общественном сознании жителей Горного Алтая наблюдается брожение. Впервые, может быть, за многие века их мироощущение оказалось в трагическом разладе с действительностью. Оно уже не могло объяснить много из происходящего»⁵.

Бедствия, связанные с русско-японской войной, и в целом революционная ситуация в стране усугубили положение. Мировоззренческий кризис на Алтае особенно ярко иллюстрирует появление новой религии. В 1904 г. властям пришлось применить силу в связи развивавшимся массовым религиозным движением — бурханизмом. Принципиально важен отклик, который нашел в народе призыв к новой вере — в общественных молениях принимали участие от 1 500 до 4 000 человек⁶. Потребность в новой идее свидетельствовала о наличии идеологического вакуума.

Алтайский националистический дискурс был детерминирован и развивался в контексте общих идеологических процессов,

¹ *Потанов Л. П.* Очерк истории Ойротии.— Новосибирск: ОГИЗ, 1933.— С. 150.

² *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир.— Алматы: Дайк-Пресс, 2002.— С. 37.

³ *Демидов В. А.* От Каракорума к автономии.— Новосибирск: НГУ, 1996.— С. 15–16.

⁴ *Там же.*— С. 18.

⁵ *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа.— Новосибирск: Наука, 1992.— С. 142.

⁶ *Там же.*— С. 145.

протекавших в Российской империи. В 1829 г. стала функционировать Алтайская духовная миссия во главе с незаурядным церковным деятелем архимандритом Макарием. Характерно, что целью деятельности миссии было стремление сделать алтайцев «истинно русскими»¹. В середине XIX в. русификация на Алтае сталкивалась с серьезными проблемами — сформировавшееся православное меньшинство не было стабильным. Немаловажную роль в этом играло и то, что зачастую православная церковь отождествлялась с грабительской экспансией русского капитала. Все это порождало недоверие и не способствовало вытеснению шаманизма. Как заметил П. Б. Струве, насильнический официальный национализм «прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму»².

Если в XVIII в. описанием культуры населения Алтая занимались в основном православные миссионеры, то со второй половины XIX в. развернулась серьезная научно-исследовательская деятельность, которая прежде всего была связана с именем выдающегося тюрколога В. В. Радлова. В дальнейшем значительную роль в развитии алтаистики сыграли областники. Отечественная этнографическая наука XIX в. был свойствен оппозиционный характер³, а в случае с областниками она имела еще и недвусмысленный сепаратистский налет. В России культурный потенциал малых наций, который состоял из научно-публицистического описания языка, искусства, мифологии и т. д., сразу же приобретал политический оттенок.

Именно на этом фоне и в этой среде во второй половине XIX в. началось формирование пока еще крайне малочисленной алтайской интеллигенции — главного носителя национальной идеологии. Среди ее представителей был художник Г. И. Гуркин, тесно связанный с областниками. Уже в 1918 г. он активно участвовал в работе Каракорум-Алтайской окружной

¹ *Потанов Л. П.* Указ. соч. — С. 106.

² *Струве П. Б.* Два национализма // *Нация и империя в рус. мысли начала XX в.* — М.: Изд. дом «ПРЕНСА», 2004. — С. 228.

³ *Бочаров В. В.* Политическая антропология и общественная практика // *Журн. социологии и социал. антропологии.* — 1998. — Т. 1, № 1. — С. 131–145.

управы — по-настоящему первом проявлении алтайского национализма в общественно-политической практике.

Таким образом, национализм на Алтае как социальная форма стал прямым следствием разрушения традиционного мира кочевников под натиском товарно-денежных отношений. Параллельно начинается формирование алтайской национальной идеологии, которая корнями уходит в культурно-просветительскую деятельность областников. Заявив о себе впервые в конце XIX в., алтайский национализм особенно ярко проявился уже как общественно-политическая практика в полный драматизма период гражданской войны. Важными факторами в дальнейшем функционировании алтайского национализма станут образование Ойротской автономной области в 1922 г., всероссийская перепись населения 1926 г., широкое распространение грамотности и др.

Леонид Савинов

*доцент кафедры социологии и социального управления
Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В Послании Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию в ноябре 2008 г. понятия «российская нация» и «единство многонационального народа» получили серьезную политическую поддержку¹. Однако ни российская нация, ни ее единство невозможны без адекватной историческому времени государственной этнополитики.

В широком смысле под этнополитикой мы понимаем определенную сферу политической жизни общества, в которой так или иначе затрагиваются интересы и ценности этнических групп и других акторов, включенных в межэтнические отношения.

В узком смысле этнополитика — это конкретная деятельность органов государственной власти, а также местного самоуправления и других институтов гражданского общества, направленная на регулирование межэтнических отношений.

В современной России проблема эффективной этнополитики, в том числе в ее региональном содержании, сопряжена с рядом проблем теоретико-методологического, нормативно-правового и политико-прикладного содержания.

В теоретико-методологическом сопровождении этнополитики существуют проблемы, имеющие объективные основания. Это связано главным образом со спецификой исторического развития советской школы этнологии (в западной научной традиции соци-

¹ См.: *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml.

альной и культурной антропологии), основанной в значительной степени на крайне примордиалистском (природно-историческом) понимании сущности этноса и этничности. На этих принципах была построена и вся советская национальная политика.

Одним из ошибочных и опасных по своим политическим последствиям советской национальной политики был принцип исторической иерархии форм этноса как «племя — народность — нация». Во-первых, он закрепил в массовом сознании смешение понятий «этнос» и «нация». При этом нация понималась как высшая форма развития этносов. Во-вторых, в зависимости от того, на какой стадии исторического развития находились этносы, за ними закреплялись политические, социально-экономические и культурные возможности и ограничения. Именно такое неравенство в СССР, по нашему мнению, стало одной из причин распада страны как этнической федерации.

Неточность использования категорий этноса и нации сохраняется в современных научных и политических дискурсах, а также и в текстах действующей Конституции РФ, Концепции национальной политики Российской Федерации, федерального закона «О национально-культурной автономии» и др.¹

На уровне региональной этнополитики все еще серьезной проблемой методологического содержания остается проблема понимания природы диаспоры как социального феномена. Диаспору можно понимать как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности исхода с «исторической родиной» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» — в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе². В силу этого невозможно говорить об алтайской или тувинской диаспоре в Новосибирске, есть армянская или казахская диаспоры.

¹ См.: *Савинов Л. В.* Этнополитика в современной России: некоторые проблемы конституционно-правового обеспечения // Правовая политика и правовая жизнь. — 2009. — № 1. — С. 50–54.

² *Дятлов В.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / редкол.: В. И. Дятлов, С. А. Панарин, М. Я. Рожанский.— М.; Иркутск: Наталис, 2005. — С. 95.

В нормативном правовом сопровождении этнополитики имеются проблемы, связанные с незавершенностью формирования ее законодательной базы. Сегодня правовая основа для регулирования федеративных и межэтнических отношений требует нового осмысления.

Вместе с тем необходимо провести широкое экспертное обсуждение и оценку готовящихся документов. К примеру, проект Концепции федерального закона «Об основах государственной национальной политики в Российской Федерации», подготовленный группой ученых под руководством академика В. А. Тишкова, вызвал серьезные споры как в научном, так и политическом сообществе. Прежде всего вызывают вопросы, связанные с трактовками понятий «права народов», «межэтнические отношения», «самоопределение народов» и т. д.

И наконец, необходимо выделить политико-прикладные проблемы современной этнополитики, которые главным образом определяются взаимодействием основных акторов этнополитики: государством и муниципалитетами, с одной стороны, и этносами и этнофорами, с другой, в рамках институциональных и неинституциональных отношений.

В этой связи значительно возрастает роль национально-культурных автономий (НКА). Однако на сегодняшний день многие из них являются квазисоциальными организациями, представляя собой типичные fake-структуры¹.

Например, в Новосибирской области наиболее крупные этнические сообщества имеют несколько этнонациональных организаций, что свидетельствует о расслоении внутри этих сообществ и различии в интересах. Кроме того, наблюдается раскол внутри самих НКА.

Другой значимой проблемой НКА является фактическое участие в их деятельности рядовых членов автономий — этнофоров. В большинстве случаев НКА (в том числе и иные институции) — не самые важные и значимые для общин и диаспор в целом организации.

В этих организациях имеется также проблема качества лидерства: насколько этнолидеры понимают и принимают приоритеты и задачи государственной этнополитики, насколько они готовы к конструктивному диалогу с властью и обществом, насколько они подготовлены к общественному лидерству и т. д.

¹ Григорьев М. Fake-структуры против проекта «Россия». URL: http://www.zlev.ru/95_40.htm.

Не секрет, что некоторые из них активно используют инструментальные возможности своего положения: это естественное стремление к лидерству, престижу и социальному признанию; выстраивание патрон-клиентских отношений с рядовыми членами автономий; прямые выходы на представителей властей и возможность, говоря современным бюрократическим языком, «решать вопросы»; возможность прямого контакта с властями «материнских» государств или регионов.

Новые независимые государства, особенно Закавказья и Центральной Азии, их правящие элиты, стремятся контролировать соответствующие диаспоры, использовать их ресурсы для государственного строительства, борьбы за власть¹.

Однако национально-культурные автономии — это только часть сети внутриэтнических отношений и связей, часть весьма важная, показательная, но, возможно, не главная. В основном эти сети строятся на неформальной основе, и, по понятным причинам, изучать неформальные связи и структуры чрезвычайно сложно (сложно даже в том случае, если они не носят криминального или просто закрытого характера). Например, что мы знаем о китайской или вьетнамской диаспоре в Новосибирске?

В последнее время усиливается внимание НКА и ее лидеров к проблемам миграции. В Ассоциации НКА и НО «Содружество» (Новосибирская область) выделено направление по решению вопросов с трудовой миграцией, хотя это не входит в структуру уставной деятельности самих автономий. Вопросы миграционного регулирования — это вопросы, входящие в сферу деятельности органов государственной власти.

Данный факт является ярким примером того, что сегодня национально-культурные автономии пытаются изменить статус данного института — трансформироваться из социально-культурного субъекта, занимающегося исключительно вопросами сохранения и развития этнической самобытности, культуры, языка, традиций, образования, в гражданско-политический субъект.

В связи с этим обращает на себя внимание проблема взаимодействия НКА и других этнонациональных организаций с органами государственной власти и местного самоуправления. Такое взаимодействие может осуществляться как минимум

¹ Сулейманов Н. В СНГ миграция плохо совмещается с демократией // Независ. газ. — 2003. — 24 июля. — С. 8.

в двух направлениях: во-первых, в рамках прямого диалога отдельных автономий со структурами власти; во-вторых, как опосредованное взаимодействие через ассоциированные или представительские структуры. Так, с 2001 г. в Новосибирске успешно работает консультативный совет по делам национально-культурных автономий и организаций при мэрии города.

В последнее время активно обсуждается вопрос о создании по инициативе представителей НКА консультативно-координационного совета при губернаторе Новосибирской области. На наш взгляд, создание такого органа накануне формирования нового состава областной общественной палаты является преждевременным. Сама общественная палата предоставляет широкие возможности этнонациональным организациям и прежде всего национально-культурным автономиям.

Корректная и продуманная работа со структурами власти должна стать важным направлением в работе этнонациональных организаций. Необходимо уйти от ультимативных требований и завышенных ожиданий. Сегодня лидеры некоторых автономий, в том числе их молодежного крыла, пытаются оказывать активное влияние на органы государственной власти и местного самоуправления, отдельные этнические группы и на их формальных и неформальных лидеров, в том числе на межличностном уровне через социальные сети.

Исходя из этого, в работе самих властных структур по отношению к таким организациям должны быть выделены приоритеты. Государство и местные власти обязаны в первую очередь поддерживать автохтонные (внутренние) этносы: как этническое большинство (русских), так и российские миноритарные этносы.

Особым направлением государственной этнополитики должна стать работа с молодежью. Именно в этой среде в силу их возрастной специфики находят благодарную почву различного рода антрепренеры от этнополитики.

Не секрет, что некоторые зарубежные государственные и общественные организации стремятся включить часть российской молодежи в деятельность, направленную против существующего политического режима. Однако озабоченность этой проблемой не должна перерасти в испуг власти, в стремление в каждом видеть агентов влияния.

Одним из важнейших направлений этнополитики и власти, а также в деятельности самих этнонациональных организаций

должно стать воспитание толерантного восприятия мультикультурного окружения. При этом особое внимание необходимо уделять патриотическому воспитанию молодежи в условиях мультикультурного окружения.

Не менее значимой представляется деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по противодействию экстремистской деятельности, основанной на межэтнической розни и ксенофобии. В этой сфере сосредоточены основные риски и угрозы российской этнополитики, в том числе и в ее региональном содержании.

Подводя итоги, выделим основные возможности и ограничения государственной региональной этнополитики в современной России.

В первом случае:

— это исторические традиции межэтнического согласия и мира, особенно характерные для Сибири;

— тенденции к усилению этносоциальных и этнополитических процессов, направленных на национальную (гражданскую) консолидацию и поддержание этнокультурного многообразия;

— возрастание социально-экономических потенциалов государства и регионов по обеспечению эффективной и действенной политики в сфере межэтнических отношений.

Во втором случае:

— это укоренение в массовом сознании терминологии и принципов советской национальной политики, когда нация понимается как высшая форма развития этноса;

— моральная устарелость основного нормативно-правового акта федерального уровня, регулирующего этнонациональную политику государства, — Концепции национальной политики Российской Федерации;

— фактическое стремление федерального центра и некоторых регионов вывести этнополитику из сферы актуальных политических дискуссий и снять ее из нормотворческой повестки дня;

— слабая этнологическая, этносоциологическая и этнополитологическая подготовка государственных и муниципальных служащих, включенных в управление этнополитикой и межэтническими отношениями.

Семен Дьячковский

*аспирант Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера*

Якутск, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

С 2000 г. началось формирование модели федеративных отношений. Так был взят стратегический курс на укрепление государственности в лице всех институтов и уровней власти с целью предотвращения дальнейшей дезинтеграции федерации. Выстраивание четко работающей исполнительной вертикали стало рассматриваться как обязательное условие решения неотложных социально-экономических проблем и задач в сфере безопасности государства¹.

Политическая элита исполнительной власти Республики Саха (Якутия) (далее — РС(Я)) с пониманием отнеслась к данным инициативам. В частности, об этом заявил Президент РС(Я) М. Е. Николаев в статье «Укрепление исполнительной власти — важнейший фактор созидания»².

Однако, интерпретируя последовавшие потом политические события, Э. Паин утверждает, что принятые меры — это метод прямого административного давления федерального центра на региональную элиту и систему местного управления в целом. В качестве примеров приводится «почти демонстративное отстранение от президентских выборов в республиках в начале 2002 г. таких претендентов, как М. Николаев в Якутии и Х. Гуцириев в

¹ *Выступление В. В. Путина при представлении Ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. // Рос. газ. — 2000. — 11 июля.*

² *См.: газ. «Якутия». — 2000. — 1 июня. — С. 3–4.*

Ингушетии...»¹. Из этого он делает заключение, что такие действия Кремля взвинчивают накал этнополитической ситуации в регионах и оставляют неприятный отпечаток в сознании населения.

В связи с этим рассмотрим динамику показателей легитимности органов государственной власти. Действительно, мониторинг социально-политической ситуации в РС(Я) в 2001–2002 гг., проведенный Республиканским информационно-консалтинговым агентством при Администрации Президента и Правительства РС(Я) (далее — РИКА), показал нисходящую динамику показателей «зоны доверия» органам федеральной власти. В оценках уровня доверия органам власти РФ фактор этнической детерминации общественного сознания нашел эмпирическое подтверждение только в отношении Президента РФ. Влияние этнического фактора не наблюдается в оценках уровня доверия законодательному и исполнительному органам власти РФ. На наш взгляд, это связано с тем, что в общественном сознании персонифицированный образ главы государства объединяет все ветви государственной власти, концентрируя в себе всю полноту политической ответственности.

Респондентам предлагалось выразить отношение к реформированию федеративных отношений. Так, исследования показали, что большая часть населения с пониманием отнеслась к идее обеспечения единства системы исполнительной власти, приведению в соответствие региональной законодательной базы и т. д. Корреляционная зависимость оценок от этнической принадлежности респондентов свидетельствует о том, что проводимые и иницилируемые президентом страны меры воспринимаются коренными жителями регионов скорее настороженно. Это отчасти можно объяснить тем, что, с одной стороны, население понимает конструктивность реформирования федеративных отношений, с другой стороны, закрытый и односторонний характер принимаемых решений не может не вызывать настороженность у сознательной части населения. Высокий процент респондентов, затруднившихся дать оценку проводимой политики, указывает на низкий уровень разъяснительной работы властей.

¹ *Пайн Э.* Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность // Полит. наука в России и мире: [сайт]. URL: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php>.

Данную тенденцию усиливал дефицит достоверной политической информации по реформированию федеративных отношений. Однако, согласно результатам мониторинга оценок состояния межнациональных отношений с 1999 по 2002 г., это не привело к ухудшению межнациональных отношений в Республике. В динамике оценок состояния межнациональных отношений отмечается незначительное увеличение доли респондентов, характеризующих межэтнические отношения как стабильные.

Этнополитический фактор существенно не повлиял на уровень доверия населения органам государственной власти РС (Я). В результате выборов в Республике произошла легитимная смена президентской власти. Уровень доверия населения Президенту РС (Я) В. А. Штырову составил 65,3 %; Вице-президенту РС (Я) А. К. Акимову — 47,3 %; Правительству РС (Я) во главе с С. Назаровым — 46,4 %¹.

Кроме того, было выявлено, что показатели «зоны доверия» Президенту РС (Я) значительно выше аналогичных показателей «зоны доверия» законодательному и исполнительному органам власти Республики, администрациям улусов. Динамика общественного мнения показывает снижение показателей «зоны недоверия» Президенту Республики за счет увеличения удельного веса затруднившихся ответить на вопрос. В этом отношении значительна зависимость показателей уровня доверия от этнической принадлежности. Это можно объяснить сохранением высокого рейтинга политического влияния первого Президента Республики М. Е. Николаева (57,1 % — среди саха; 32,2 % — среди русских)². Однако к 2006 г. соотношение показателей уровня доверия к В. А. Штырову по этническому признаку постепенно выровнилось.

В 2004 г. существенным изменениям подверглись основы федеративных отношений, в первую очередь соотношение политико-административной власти между центром и регионами.

¹ В. А. Штыров — первый год президентства (январь 2003 г.) // Отчет Респ. информ.-консалт. агенства при Администрации Президента и Правительства РС (Я). — 2003. — С. 13.

² *Мониторинг* общественно-политической ситуации в Республике Саха (Якутия) «Власть и политика» (июнь 2002 г.).— Там же.— 2002.— С. 19.

Главным нововведением стала замена выборов глав регионов процедурой наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации региональным парламентом по представлению Президента РФ. Кроме того, была значительно упрощена процедура отстранения губернатора от должности, Президент РФ получил прямое право роспуска законодательного собрания своим указом.

Укрепление административных рычагов контроля над регионами вызывает неоднозначную оценку. С одной стороны, становление единой системы исполнительной власти, формируемой из центра, создает предпосылки для дальнейшей комплексной модернизации системы государственного управления, т. е. реализации административной реформы в масштабах всей страны; с другой — существенно сокращает степень автономии российских регионов. По мнению В. А. Ковалева, главный эффект отмены губернаторских выборов — это сокращение зоны публичной политики, так как, по сути, на уровне региональных элит происходит замена политики администрированием¹. В результате этого область политики для населения становится более закрытой, а происходящие процессы — менее понятными.

Так, социологические исследования, проведенные РИКА в 2004 г., показали, что большинство населения Республики негативно отнеслось к отмене прямых выборов главы региона: отрицательно высказались 54,4 %; положительно — 20,6 %; безразлично — 8,2 %; затруднились ответить — 16,8 %². Стоит отметить, что негативное отношение превалирует у наиболее сознательной части населения, у лиц с высшим образованием.

Кроме того, в исследованиях было выявлено, что принятые меры привели к изменению уровня доверия федеральным органам государственной власти. Так, удельный вес недоверия главе государства увеличился среди представителей старших возра-

¹ Ковалев В. А. Российская политика и федерализм в рамках «управляемой демократии»: последствия отмены губернаторских выборов в Российской Федерации // Полит. наука. — М.: ИНИОН РАН, 2007. — № 2. Губернаторы в России: От выборов к назначениям.— С. 12.

² Социально-политическая и общественная ситуация в РС(Я) // Отчет Респ. информ.-консалт. агентства при Администрации Президента и Правительства РС (Я).— 2004. — Т. 1.— С. 27.

тных групп, которые на момент проведения исследования ожидали последствия принятия «суперзакона». Сопутствующим фактором могло стать усиление в Республике позиций финансово-промышленных групп. В связи с этим в 2004 г. анализ общественных настроений в Республике показал, что подавляющее большинство населения продемонстрировало крайне негативное отношение к переходу недр Республики в распоряжение федеральной власти: доля положительно оценивавших составила 9,1 %; отрицательно — 72,1 %; безразлично — 5,3 %; затруднились ответить — 13,6 %¹. Правда, это не повлекло серьезных изменений оценок в сфере политики и экономики. Было зафиксировано незначительное ухудшение ситуации в политике: численность респондентов, отметивших ухудшение положения, была выше числа респондентов, которые отметили позитивные сдвиги в политической жизни Республики. При этом не добавляет оптимизма высокий процент ответов о том, что политическая ситуация в Республике «осталась прежней». Озабоченность вызывает также и значительный удельный вес людей, затруднившихся дать ответ. В сфере экономики в основном наблюдалась стабилизация оценок населения сложившейся ситуации. Однако удельный вес негативных оценок все же превышал аналогичный показатель позитивных оценок.

Таким образом, реформирование органов государственной власти РФ и РС(Я) привело к некоторым изменениям в социально-политической сфере. Вызывает тревогу относительное ограничение зоны публичной политики. Решение этой проблемы возможно только при условии повышения прозрачности органов государственной власти и создания механизма взаимодействия между государственной властью, научным и гражданским обществом.

¹ *Социально-политическая и общественная ситуация в РС (Я)...* — С. 26.

Евгений Антропов

*аспирант отдела этнографии
Института археологии и этнографии СО РАН*

Новосибирск, Россия

**ДИНАМИКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРВОЙ ДЕСЯТКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Подвижность полиэтничного сообщества Сибири исторически определялась на основе постоянного взаимодействия переселенцев, аборигенного населения и старожилов. Многонациональное сообщество края включало коренное население, народы, проживающие в европейской части страны в рамках своих административно-территориальных образований, а также этнические группы, имеющие государственность за пределами России.

В процессе присоединения сибирских земель значительную роль сыграли служилые люди из белорусов, литовцев и поляков. Пионерами колонизации края были и выходцы с Европейского Севера — русские, а также народы финно-угорской группы (коми, пермяки, зыряне, мордва)¹. После отмены крепостного права и особенно после реформы А. П. Столыпина последовала активизация украинской и белорусской миграции.

Основные тенденции динамики населения Сибири в 1920-х гг. были связаны с внутрорегиональными перемещениями из села в город, вызванными индустриализацией. Прирост горожан составлял 1 млн человек в год и более. К 1926 г. численность населения Сибири достигла 11 024 тыс. человек. Из них русских насчитывалось 6 767,9 тыс.; украинцев — 827,5; белорусов — 320,3; мордвы — 107,8; татар — 96,1; немцев — 78,8; чувашей — 78,8.

¹ *Новосибирск* — многонациональный. Народы и религии / отв. ред.: А. А. Бадмаев, В. Октябрьская. — Новосибирск: Изд-во АртИнфоДата, 2002. — С. 4.

шей — 48; поляков — 45,8; латышей — 26,9 тыс. человек. Десятку наиболее многочисленных национальностей замыкали 32,7 тыс. евреев. В период форсированной индустриализации и насильственной коллективизации 1930-х гг. в регионе активно возникают этнические поселения мордвы, чувашей, немцев и казахов.

В межпереписной период наибольший прирост среди титульных национальностей союзных республик СССР был зафиксирован у белорусов, переместившихся тем не менее на пятое место. Их общая численность в регионе увеличилась на 119 %. Русское население увеличилось на 59 %, а украинское уменьшилось на 13 %. Имея положительную динамику; третье место сохранил за собой татарский этнос; четвертое — мордовский; шестое — немцы. Замыкали десятку чуваша, евреи и поляки.

Массовая эвакуация населения из европейской части России в предвоенные и военные годы, насильственная депортация, нарушение хода естественного воспроизводства и прямые потери сибиряков на фронтах Великой Отечественной войны определили долговременные тенденции динамики этнодемографической структуры региона. Несколько крупных волн депортации сформировали немецкое население Сибири, сконцентрировавшееся в южных районах Сибири: Омской, Новосибирской и Кемеровской областях. Местами спецпоселения латышей в Сибири были выбраны районы Красноярского края (7,5 тыс. человек), Новосибирской, Омской и Томской областей¹. Первая пятерка народов Сибири, согласно данным переписи населения 1959 г., подверглась значительным перестановкам по сравнению с 1939 г. Немцы, занимавшие последнее место по причине более чем четырехкратного увеличения численности, вышли на третью позицию. Четвертое и пятое места заняли соответственно татары и белорусы.

В 1960–1970-е гг. в масштабах региона была сделана ставка на развитие научного и энергетического потенциала. Городское население первой пятерки национальностей Сибири продолжало пополняться как за счет села, так и межрегиональной миграции. В число народов первой пятерки, большинство которых проживало в сельской местности, уже в 1959 г. входили только немцы

¹ Лоткин И. В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. — М., 1996. — С. 44–45.

и казахи. По результатам переписи 1979 г. значительно снизили свое представительство пять народов из первой десятки национального состава Сибири: украинцы (второе место в десятке) — на 17,5 %; немцы (третье место) — на 10,8 %; мордва (восьмое) — на 30,8 %; евреи (девятое) — на 33,9 %; латыши (десятое место) — на 34,2 %. Среди народов, увеличивших численность, русские (первое место) прибавили 16,1 %; татары (четвертое) — 11,0 %; белорусы (пятое) — 1,8 %; казахи (шестое) — 15,8 %; чувашаи (седьмое место) — 1,1 %.

Наиболее интенсивную динамику численности в межпереписной период продемонстрировали народы союзных республик, которые не вошли в первую десятку, но превысили в регионе 10 тыс. человек: узбеки (60,5 %); азербайджанцы (52,9 %); армяне (29,7 %). По данным переписи 2002 г., последние два этноса входят в первую десятку национального состава Сибирского федерального округа (СФО).

Появление азербайджанцев в Сибири связано с организацией нефтяных промыслов и развитием рыночной торговли. Азербайджанцы, проживающие в крупных сибирских городах, отличаются многочисленностью и организованностью общин. Значительная часть из них имеет высокий образовательный ценз.

Армянское присутствие в ряде районов Сибири уже с середины XX в. характеризуется как долгосрочное, хотя и временное по характеру, связанное с сезонными работами. Причиной значительного увеличения численности армян в регионе были события, которые произошли в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Так, землетрясение 1988 г., военные действия в Нагорном Карабахе, распад СССР, тяжелая экономическая ситуация в Армении способствовали увеличению миграции армян в Россию и сибирские города¹.

По данным переписей 1979 г. и 1989 г., изменение этнической структуры региона в целом соответствует тенденции к перераспределению населения в пользу города. Выезд из сельской местности в город увеличился с падением уровня социально-экономического благосостояния деревни. Негативные последствия для этнодемографической структуры населенных пунктов с выраженной долей одной национальности имела кампания по укрупнению хозяйств и ликвидации «неперспективных» деревень.

¹ *Новосибирск* — многонациональный. Народы и религии ... — С. 39.

Перемещения населения села привели к большой дисперсности в расселении компактно проживающих этносов, что ускорило этноассимиляционные процессы. К 1970 г. населенные пункты Западной Сибири делились по национальному признаку на 22 разновидности. При сохранении действующих тенденций изменения численности населения в ближайшем будущем исчезнут литовские, белорусские и латышские села¹. Интенсивно проходило размывание чувашского этноса. По данным 1989 г., на территории Западной Сибири чуваша наиболее дисперсно были расселены в Новосибирской и Омской областях².

К 1989 г. в первой десятке сокращению численности подверглись чуваша, мордва и евреи. Латыши вышли из списка, освободив позицию для азербайджанцев. Высокие темпы роста в первой пятерке за межпереписной период продемонстрировали украинцы и белорусы. Увеличению численности этих народов в регионе до конца 1980-х гг. способствовало интенсивное развитие топливно-энергетического и транспортного комплексов.

С распадом СССР широкие масштабы принимает этническая эмиграция за рубеж. В 1989–2002 гг. в связи с интенсивным оттоком на историческую родину в Сибири значительно сократилась численность немцев, евреев и эстонцев. Получение суверенитета республиками, входящими в состав РФ, активизировало выезд представителей титульных этносов в соответствующие регионы России. В результате сибирские территории потеряли значительное число украинцев, белорусов, мордвы и чувашей. Компенсация демографических потерь в последние годы осуществляется почти исключительно за счет русскоязычного нетитульного населения новых республик Центральной Азии, трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев из стран СНГ.

Среди восьми представителей первой десятки национального состава СФО, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., произошло значительное сокращение численности. Русское население, несмотря на существенный миграционный при-

¹ Фукс Л. П. Расселение в Западной Сибири: Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. — Новосибирск: Изд-во ПРО: Агентство «Сибпринт», 2003.— С. 100.

² Коровушкин Д. Г. Чуваша Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997.— С. 16–17.

рост в СФО из государств СНГ, уменьшилось на 3,4 %; украинское — на 38 %; немецкое — на 32 %; татарское — на 12,5 %. В первой пятёрке национальных диаспор незначительно сократилось только казахское население. Одновременно нарастающими темпами увеличивается численность народов, проживающих в основном за пределами РФ. В 1939–2002 гг. численность азербайджанцев в регионе увеличилась в 50 раз; армян — в 20; киргизов — в 16; узбеков — в 9 раз. К 2002 г. в десятку национального состава региона, вытеснив евреев, попадают армяне. Ближайшим претендентом на замыкающую позицию, занимаемую в 2002 г. мордвой, является таджикский этнос.

Помимо действующих отрицательно миграционных факторов уменьшению украинской и белорусской диаспор Сибири способствуют низкий уровень рождаемости и смена этнической идентичности (при переписи населения эти народы зачастую указывают русскую этническую принадлежность). Высокая динамика численности среднеазиатских и закавказских диаспор региона обусловлена интенсивной миграцией, официальный объем которой снижался с начала 1990-х до начала 2000-х гг. В 1993–2004 гг. в СФО из Киргизии прибыло 48 тыс. человек; из Узбекистана — 44,6; из Таджикистана — 20,7; из Азербайджана — 14,6; из Армении — 13,9 тыс. человек¹.

Оценка истинной численности национальных диаспор Сибири затруднена. Существенными характеристиками миграции остаются сезонность и нелегальность. Кроме того, для значительной части мигрантов пребывание в регионе является адаптационным периодом на пути в европейские страны и США. Длительность их присутствия в субъектах СФО обусловлена степенью адаптации и интеграции в современную урбанизированную среду. Интенсивная динамика численности и удельного веса диаспор определяет дальнейшие перспективы этнодемографической структуры региона.

¹ *Иностранные мигранты на сибирском рынке труда* / под ред. С. В. Соболевой, И. В. Октябрьской. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. — С. 54–55.

Василий Мархинин

*старший преподаватель факультета
социальных технологий
Сургутского государственного университета
кандидат философских наук*

Сургут, Россия

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮГРЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Выводы исследований базируются на материалах опроса по теме «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Югре, пути их гармонизации», проведенного сотрудниками кафедры политологии Сургутского государственного университета по заданию правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в ноябре 2007 — июне 2008 г.

Исследования проводились в 12 городах и поселках округа. В общей сложности было опрошено более 1 500 респондентов.

Одна из рабочих гипотез исследования состояла в том, что позиция респондентов в межнациональных отношениях определяется их социально-экономическим положением; благоприятное положение является предпосылкой отсутствия конфликтов, а неблагоприятное — предпосылкой их возникновения.

Если иметь в виду ситуацию «в общем и целом», это объяснение было вполне подтверждено полученными материалами. Что же касается обстоятельств, которые оказывают влияние на понимание респондентами конкретных коллизий в межнациональных отношениях, была выявлена несколько иная ситуация.

Ответы, указывающие в целом на бесконфликтный или же конфликтный в той или иной степени стиль межнациональных отношений, распределились практически поровну в каждой из выделенных этнических групп (рассматривались славянские этносы, татары и башкиры, коренные народы Севера, народы российского Северного Кавказа и Закавказья, народы Средней

Азии). Иными словами, озабоченность характером межнациональных отношений оказалась в равной мере свойственна представителям всех этносов.

В отношении представлений о содержании и причинах межнациональных конфликтов представители различных этнических групп продемонстрировали неодинаковое видение.

При ответе на вопрос — «В чем, по вашему мнению, причина столкновений, которые произошли в ряде регионов РФ в последнее время на почве межнациональных конфликтов?» — были выявлены существенные расхождения во мнениях представителей народов Кавказа и Средней Азии (в массе своей обосновавшихся в округе сравнительно недавно) и, условно говоря, автохтонного населения (представители славянских этносов, татары, башкиры, представители коренных малочисленных народов Севера).

Если в автохтонных (точнее, сформировавших большинство населения округа в 60–80-х гг.) группах чаще других выбирался ответ, указывающий на некорректные действия мигрантов (от 26 % в татаро-башкирской группе до 38 % среди представителей народов Севера), то в группе кавказских и среднеазиатских этносов, представители которых в массе своей прибыли в округ в постсоветское время, большинство респондентов указывает на провокационные действия СМИ и политиков (31 %).

При этом ответы внутри «мигрантской» группы были неоднородны. Так, наибольшую обеспокоенность провокационными действиями недобросовестных политиков высказывают представители северокавказских этносов (41,6 %). Они же значительно реже представителей остальных «мигрантских» групп (армяне, азербайджанцы, народы Средней Азии) указывают на действия приезжих как причину возникновения конфликтов (5,6 % у представителей северокавказских этносов против 17,6 % в среднем в группе).

По нашему мнению, это, с одной стороны, обусловлено тем, что обсуждение в СМИ проблем взаимоотношений кавказских этносов с остальным населением РФ часто приобретает формы приписывания кавказцам вообще деструктивного стиля поведения. Такая трактовка «этнопсихологических» причин конфликта широко известна и вызывает понятное неприятие у представи-

телей кавказских народов. Внутригрупповая солидарность подталкивает значительную их часть к тому, чтобы рассматривать свои этносы исключительно как «пострадавшую сторону». Отрицание какой бы то ни было роли своих земляков в возникновении конфликта является в данном случае формой психологической защиты.

«Мигрантская по преимуществу» группа этносов неоднородна в культурном, социально-экономическом и в гражданско-правовом отношениях. В ее составе присутствуют граждане России и граждане бывших союзных республик, высокооплачиваемые работники нефтегазовой отрасли и предприниматели, низкооплачиваемые разнорабочие и уличные торговцы, студенты, люди с высшим образованием и те, кто не имел возможности закончить хотя бы начальную школу. Все это не позволяет говорить о том, что мнения респондентов, попавших в эту группу, непосредственно предопределены их экономическим положением.

Различия в распределении ответов «мигрантских» и «местных» групп указывают на специфическую социально-психологическую и информационную ситуацию. В этой связи обратим внимание на широко распространенное в «мигрантской» группе мнение, согласно которому межнациональные конфликты провоцируются политиками и СМИ.

Задавая нашим респондентам вопрос о причинах межнациональных конфликтов за пределами Югры, мы вполне отдавали себе отчет в том, что фактических сведений об этом у них нет, и происхождение конфликтов могло объясняться ими лишь на основе обрывочных сведений из СМИ, понятых по аналогии с собственным житейским опытом. Но дело в том, что такой феномен, как разжигание межнациональной розни политиками и СМИ, практически отсутствует в Югре (в отличие от многих регионов России в округе многие годы наблюдается нулевая активность антимигрантских и вообще националистических сил) и, следовательно, деструктивная деятельность политиков не может быть предметом непосредственного опыта, на котором могли бы основываться суждения респондентов.

Некоторые респонденты давали простое объяснение — «мигранты»-де готовы видеть источник межнациональных проблем

езде, но только не в своем собственном поведении. Однако в данном случае оно не представляется убедительным. Другие в ответах «сваливали» вину за соответствующие события на местные власти, лидеров национальных общин, криминалитет. Небольшая часть респондентов предпочла вместо этих ответов указать на обстоятельства, которые заведомо отсутствуют в повседневной жизни региона.

Житейский опыт подсказал большинству опрошенных лишь то, что сами по себе местные власти, национальные лидеры и криминалитет лишь в сравнительно малой мере оказывают воздействие на социальную обстановку в населенных пунктах, и эта обстановка обуславливается воздействием более глубоких, труднее улавливаемых факторов.

Такое положение дел в распределении ответов можно было бы объяснить тем, что анкета ставила перед респондентами вопрос, по поводу которого они не располагали сколько-нибудь продуманной точкой зрения. Но против такого объяснения говорит другой факт. Структура ответов на вопрос о причинах аналогичных конфликтов непосредственно в округе совпала со структурой ответов на вопрос о причинах конфликтов в России в целом: у представителей среднеазиатских и кавказских этносов, давших ответ на вопрос о том, что вызывает напряженность в межнациональных отношениях в Югре, на первом месте вновь оказались провокации политиков и СМИ; у славян, татар, башкир, хантов и манси — увеличение доли мигрантов.

По нашему мнению, такая ситуация свидетельствует об информационной дезориентированности «мигрантских» групп: чувствуя напряженность в межнациональных отношениях, они не находят для нее объяснений в реалиях, известных им из собственного опыта.

Кроме того, дезориентированность отчасти объясняется тем, что один из главных каналов получения информации — СМИ — не внушает респондентам доверия в объяснении межнациональных отношений. Так, навязчиво предлагаемая телевидением версия, согласно которой межнациональные столкновения недавнего времени имеют якобы не межнациональный, а чисто криминально-бытовой характер, не разделяется подавляющим большинством респондентов. Такое объяснение причин кон-

фликтов выбрали 7,7 % опрошенных. Этот показатель был заметно выше лишь в кавказской группе (13 %), в которой, как было указано, в целом сильнее распространены недостаточно реалистичные представления о причинах межнациональной напряженности.

Исходя из этого факта можно утверждать: даже достаточно широкая пропагандистская кампания в СМИ не в состоянии сегодня способствовать предотвращению межнациональных конфликтов. Представляется очевидным, что такие официальные мероприятия, как «уроки толерантности» в школе, пропаганда, направленная против нездоровых форм национализма, не смогут дать больший эффект, чем упомянутые попытки представить межэтнические конфликты в качестве чисто криминальных.

Определенные перспективы имеет в этом отношении работа, ориентированная на долгосрочную перспективу по налаживанию коммуникации между представителями различных этносов. Налаживать связи между различными национальными культурами, развивать контакты между их носителями должны в первую очередь неформальные, неофициальные сообщества (например, национально-культурные объединения). Конкретными формами такой работы могут быть, например, мероприятия, проводимые совместными усилиями различных национальных общин.

Потенциальная роль органов власти на уровне округа может состоять в создании правового поля, стимулирующего развитие межкультурной коммуникации. Целесообразно было бы предоставлять преференции сообществам, которые готовы способствовать решению этой социально значимой задачи.

**ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ:
ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ**

Сергей Коба

*аспирант кафедры социологии и социального управления
Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Обсуждение национального вопроса на разных дискуссионных площадках часто сопровождается эпитетами: нерешенный, вечный, застарелый и т. д. Так общество в каком-то смысле отмечает «долголетие» проблемы и в то же время признает собственную беспомощность перед ней. Между тем от того, какими будут межнациональные отношения в сегодняшней России, во многом зависят ее целостность и благополучие.

В условиях многонационального, поликультурного государства необходима ориентированная национальная политика, основанная на принципах согражданства и сохранения национальной идентичности народов, живущих на территории страны. Поэтому государство онтологически должно быть «надэтническим» институтом, способным выражать интересы всех объединяемых им национальностей. Идеология и политика, не учитывающие чаяния и нужды отдельных этнических образований, как правило, приводят к возникновению напряженности в отношениях между различными народами¹, что является дестабилизирующим фактором в процессе консолидации общества.

Современные этнополитические процессы диктуют необходимость выработки механизмов адекватного воздействия на сферу межнациональных отношений. Ключевыми субъектами влияния, принимающими непосредственное участие в процессе формирования и реализации политики государства, являются политические партии (в особенности), входящие в состав Феде-

¹ См: *Файзулин Ф. С., Зарипов А. Я.* Грани этнической идентификации // Социс.— 1997.— № 8.— С. 41.

рального Собрания РФ. Следовательно, выполняя функцию медиатора между обществом и государством, политические партии в зависимости от программных заявлений и практических действий, а соответственно, и качественного и количественного состава их социальной базы способны как минимизировать степень этнической напряженности в обществе, так и умножить ее.

Обращаясь к проблеме отражения «национального вопроса» в программах современных политических партий, сфокусируем исследовательский интерес на двух обозначенных принципах: согражданства и сохранения национальной идентичности.

Итак, прежде всего остановимся на программе партии парламентского большинства — Единой России (ЕР). Нужно отметить, что авторы текста программы не прошли мимо интересующего нас вопроса, однако несколько удивляет избранный стиль изложения. В качестве приоритетных целей партия провозглашает: «Создание условий для самореализации каждого гражданина России, независимо от его социального положения, национальной принадлежности, вероисповедания — т. е. создание общества равных возможностей». <...> Далее Россия признается страной, «которая стала общей Родиной для всех россиян, где полноценно развиваются национальные культуры и языки, уважаются национальные и религиозные чувства каждого человека, искореняются любые проявления ксенофобии и национализма, создаются благоприятные условия для сбережения и развития народов, укрепления российской нации»¹. На первый взгляд, текст имеет исключительно «привлекательное» (для национального электората) содержание. Но, к сожалению, только на первый взгляд. Используя такие обороты, как «создаются благоприятные условия», «уважаются национальные чувства», «искореняются любые проявления ксенофобии»... и т. д., авторы как бы постулируют то обстоятельство, что деятельность, регулирующая межэтнические отношения в России, находится на стадии завершения, если уже не завершена. Причем результат этой деятельности, несомненно, положительный, «Россия — страна, которая стала общей Родиной для всех россиян».

¹ Программа партии Единая Россия. URL: <http://edinros.er.ru/er/rubr.shtml?110100>.

Таким образом, партия Единой России практически отрицает наличие проблем в сфере межнациональных отношений в многонациональном российском обществе и, как следствие, не предлагает ничего, чтобы улучшить ситуацию, следуя максиме «все и так хорошо». Получается, что идеологи ЕР либо не видят проблем подобного характера, либо предпочитают о них молчать. И первое, и второе обоснование столь недалёковидного отношения к принципиально важному для России вопросу лишь укрепляет уверенность в том, что в среднесрочной перспективе «национальный вопрос» останется в череде не только нерешённых, но и не решаемых. Однако нужно отметить, что позиция центристов относительно видения специфики национального вопроса в РФ не тождественна концептам других политических партий. Например, программные заявления левых выглядят более взвешенными, в них отражена не только суть проблемы, но и предлагаются инструменты, способствующие ее решению.

Среди левых следует отметить программу партии Справедливая Россия: авторы (программы) не только признают принцип согражданства, но и указывают на наличие серьёзных проблем в ходе его реализации.

В качестве первостепенных причин этнической напряжённости в России в программе выделены такие, как деформация государственности в 1990-х гг.; социальная дезадаптация мигрантов, их невключённость в социально-культурные отношения; отсутствие понятной национальной политики в многонациональной стране¹. Вместе с тем авторы провозглашают готовность партии к деятельности, направленной на устранение указанных проблем посредством формирования сбалансированной национальной политики. Помимо откровенно рекламных заявлений, таких как «партия будет бороться с распространением ксенофобии, жестко искоренять любые проявления расизма... и т. д.», предлагается достаточно конкретный набор инструментов, необходимых для реализации поставленных целей: создание органа исполнительной власти, ответственного за формирование и реализацию национальной политики; поддержка историко-культурных, этнокультурных, военно-патриотических,

¹ Программа партии Справедливая Россия. URL: <http://www.spravedlivie.ru/>.

краеведческих обществ и организаций; поддержка и распространение образовательных, просветительских программ, направленных на преодоление этнофобии и формирование общероссийской гражданской идентичности¹.

Текст программы Справедливой России является демонстрацией намерений и внимательного отношения партии к проблеме выстраивания эффективной национальной политики, нацеленной на формирование толерантного общества с высокой степенью консолидации.

За толерантность и консолидацию общества выступает также КПРФ. «Дружба народов и равноправие наций»¹ наряду с коллективизмом и патриотизмом признаны основополагающими принципами национальной политики России, которые намерена последовательно претворять в жизнь эта партия.

Кроме этого, в тексте программы подчеркивается необходимость искоренения межнациональных конфликтов, всех форм сепаратизма, русофобии, национализма и шовинизма. Другими словами, КПРФ не только не отрицает наличие проблем в отношениях между народами разных национальностей, но и настаивает на необходимости их решения. Хотя нужно признать, что в тексте нет ясности относительно инструментов, способных регулировать межэтнические отношения, конструктивно разрешать имеющиеся конфликты и осуществлять превентивные меры по недопущению новых.

Однако понимание способов реализации намеченных целей у Коммунистической партии несколько специфично. Так, подчеркивая важность государственной целостности России, авторы программы обещают: «Воссоздать обновленный Союз советских народов и обеспечить национальное единство русского и других народов СССР»¹. Этот тезис существенно оттеняет в целом позитивное впечатление от текста раздела программы (национальная политика): во-первых, по причине противопоставления «русского» и «других народов»; во-вторых, посыл «единство... народов СССР», т. е. в программном документе партии в качестве одной из целей национальной политики провозглашается объединение народов несуществующего государства, что

¹ Программа КПРФ. URL: <http://kprf.ru/>.

само по себе абсурдно. Замысел авторов понятен: они ориентируются на тех, чья память хранит позитивные образы прошлого. Но как быть с теми, кто помнит негативные сюжеты или вообще родился и вырос в Российской Федерации? Вопрос остается открытым.

«Особого внимания» среди программ политических партий относительно изучаемого вопроса заслуживает программа ЛДПР, которая по смыслу скорее похожа на «катехизис русского националиста», нежели на программу намерений партии, позиционирующей себя как патриоты России. По мнению идеологов ЛДПР, в основу национальной государственной политики должен быть положен принцип: что хорошо для русских, то хорошо для всей России¹. При этом авторы текста считают, что у русских не должно быть монополии на патриотизм, любить Россию может представитель любой национальности. Разрешив любить Родину, авторы заключают: «Необходимо беречь наши народы, нельзя создавать этническую рознь, национальную враждебность. Необходимо решить все межэтнические конфликты»¹. Методов решения «всех» межэтнических конфликтов предлагается немного, ЛДПР выступает за создание унитарного государства и ликвидацию всех привилегий национальным меньшинствам.

Очевидно, подобные заявления приносят ЛДПР некоторое количество голосов в периоды выборов процессов, но каким образом они способны содействовать «доброму отношению между людьми любой национальности»¹ непонятно.

В заключение нужно отметить, что реализация принципов «согражданства» и «сохранения национальной идентичности» находится под большим вопросом. Так, даже на уровне программ необходимость их реализации отчетливо прописана только у левых, центристы считают проблему надуманной, а правые вообще идею нации (согражданства) подменили националистическими идеями. Другими словами, трактовка национального вопроса в программах политических партий главным образом ориентирована на «захват» национального электората, чтобы с его помощью получить большее число голосов и, соответственно, мест в Государственной Думе.

¹ Программа ЛДПР. URL: <http://www.ldpr.ru/partiya/>.

Людмила Хирьянова

*аспирант кафедры философии Белгородского
государственного университета*

Белгород, Россия

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОГО РЕГИОНА)

В российском обществе в начале XX в. произошел разрыв с религиозно-духовным мировоззрением, который закрепился в период тотального атеизма. На современном этапе наблюдается тенденция к сближению общества с традициями этого мировоззрения.

В культурологии, истории и религиоведении более интенсивно стали изучаться различные религиозные объединения. Усилия ученых направлены на восстановление «духовных ниш» общества в ходе научной реконструкции бытования традиционной и нетрадиционной религиозности современного российского общества.

В этом аспекте опыт старообрядчества становится «кристаллизированным» образцом представлений о том, каким образом может сохраняться духовно-религиозное учение, которое на протяжении всей своей истории находилось в состоянии гонения.

На основе архивных данных проанализируем историко-культурное состояние внутрискладового беспоповского согласия на территории Белгородского региона в эпоху богослужебного режима советской истории.

После революции 1917 г. старообрядчество как религиозное объединение жестко инкриминируется со стороны государственной власти. В старообрядческом селе Кошлаково прошел ряд мер по уничтожению и закрытию культовых центров. В 1928 г. органами советской власти был закрыт женский монастырь, существовавший с XIX в., а в 1939 г. закрыли храм Николы Чудотворца. Действие религиозного фактора свелось исключительно к тайным богослужениям по домам. Многие жители села Кошлакова, в том числе и духовные лидеры, стали жертвами «красного террора» и коллективизации.

Колоссальное значение для белгородских старообрядцев имел Второй Поместный собор Поморского согласия, проходивший в селе Кошлаково с 1 по 10 июня 1927 г. Органами советской власти было выдано разрешение на созыв съезда старообрядческого духовенства и мирян (ГАБО, ф.Р. — 426, о.1, д. 428, л. 278). На Кошлаковском соборе присутствовали более 200 представителей старообрядческих поморских общин России. Председательствовал П. В. Ершов, занимавший пост председателя Высшего Духовного Совета. На соборе решались вопросы следующего характера:

«1. Духовные права и обязанности настоятелей прихода. Порядок их поставления и исполнения служения. Суды и наказания; 2. О соблюдении уставности и чинности богослужений и отправления треб. Установление чинов вхождения во храм. Крещение, исповеди, браки, каждение, погребение, поминование и прочь; 3. О соблюдении христианских обычаев в домашней и общественной жизни; 4. О поднятии нравственных начал среди прихожан; 5. Об устройении иноческого чина; 6. О соблюдении постановлений соборов и духовенства совета; 7. О порядке приема старообрядцев, не приемлющих брака; 8. Об учреждении духовного совета в селе Кошлаково; 9. О принадлежности общинных молитвенных домов» (ГАБО, ф. Р. — 426, о.1, д. 428, л. 278).

В годы Великой Отечественной войны, когда советская власть была вынуждена обратиться к авторитету верующих во имя победы, государственная политика в отношении религии немного смягчилась. В стране прошли акции по регистрации религиозных организаций. Для регистрации необходимо было предоставить в советские органы список «двадцатки». Кошлаковская община старообрядцев усилиями верующих была зарегистрирована 3 октября 1946 г. (ГАБО, ф. Р. — 1179, о. 1, д. 166, л. 7–11). Духовным наставником являлся Тарасов Николай Федорович, 1872 г. р. Верующие пытались вернуть храмовое здание у колхоза. До 1947 г. Церковный совет платил страховку за здание (неиспользуемое по назначению). Были сделаны усилия по восстановлению храма. По свидетельству информантов, «*Каждый принес по дубу, крышу крыли камышом, камыш резали всем селом*» (Тарасова Анастасия Кондратьевна 1919 г. р., село Кошлаково, запись: сентябрь, 2007 г.). Но действия верующих были остановлены местной властью (ГАБО, ф. Р.— 139, о. 1, д. 8, л. 7).

Церковно-богослужбная деятельность старообрядческих поморских общин на территории Белгородского края после окончания Великой Отечественной войны реализовывалась в частных домах, чаще всего без регистрации (кроме Кошлаковской общины).

Новая волна гонений обрушилась на Церковь в период хрущевской оттепели: закрывались храмы, запрещались богослужения. В исследуемом регионе прошел ряд мер по выявлению и уничтожению старообрядческих общин, не зарегистрированных в органах советской власти. В селе Крапивном богослужения проводились в доме Хомяковой (верующей преклонного возраста). В праздничные дни в молитвенном доме собирались до 100 человек верующих. Служба, некоторые обряды (панихида) и таинства (крещение) совершались бывшей монахиней Кошлаковского монастыря Дергаусовой Татьяной Ивановной. В беспоповстве Поморского толка известна практика женского наставничества, особенно имевшая место в малочисленных или отдаленных от центра общинах. Старообрядческую поморскую общину в хуторе Ковалевка Никитовского района возглавляли сестры Агафья и Соломида Тимофеевны Бакулины. Община собиралась в их доме и насчитывала 140 человек (ГАБО, ф. Р.— 139, о.1, д. 8, л. 218). В селе Хвощеватом (Фощеватом) старообрядческая община, состоящая из 90 человек, действовала в доме духовного наставника Кислинского Ивана Григорьевича (ГАБО, ф. Р.— 139, о.1, д. 8, л. 16). В 1957 г. местная власть сделала строгое предупреждение организаторам церковных собраний (ГАБО, ф. Р.— 139, о.1, д. 8, л. 115).

Старообрядцы села Кошлакова продолжали активно ходатайствовать о возвращении полуразрушенного храма, который колхоз переоборудовал под детские ясли. Председатель колхоза Тарасов Тит утверждал, что здание не может принадлежать верующим, так как уже куплено колхозом. Старообрядцы ездили в Москву к члену Политбюро Л. С. Полянскому, который «разъяснил», что решение данного вопроса должно быть принято на местном уровне — при созыве колхозного собрания. Председатель Т. С. Тарасов по поводу собрания ответил отказом и заявил, что верующих много и если поставить вопрос о здании храма на голосование, то колхозу придется его отдать. Состоялся район-

ный суд между Кошлаковской старообрядческой общиной и колхозом. Суд вынес решение не возвращать храм верующим. На требование показать соответствующую документацию члены заседания суда и председатель отказались. В мае 1957 г. верующие обратились к Н. С. Хрущеву с жалобой по вопросу возврата и восстановления храмового здания. Ответ был дан через обком партии и переслан в Никольский сельский совет Шебекинского района с разъяснением «о незаконном притязании верующих» (ГАБО, ф. Р. — 139, о.1, д. 2., л 1., л. 2, л.16).

В 1958 г. Кошлаковская община старообрядцев повторила попытку приобрести храмовое здание. Средства на восстановление здания планировалось собрать с жителей села, поскольку все были готовы принести пожертвования. Уполномоченному совета по делам религиозных культов были представлены данные о росте общины, насчитывающей около 1 500 человек из 433 дворов. Однако, несмотря на усилия верующих, здание храма не было передано религиозной общине. Это аргументировалось тем, что все имущество национализировано и бывшее церковное здание является собственностью колхоза имени Ленина (ГАБО, ф. Р.— 139, о. 1, д. 8. л. 11). Церковно-богослужебная деятельность Кошлаковской общины на протяжении всего существования советского строя реализовывалась на территории частных домов на правах аренды.

В условиях атеистической идеологии действие религиозного фактора в старообрядческом селе минимизировалось. Так, в период с 7 по 14 января 1958 г. в дни рождественских праздников молитвенный дом в Кошлаково посетили 80 верующих, в следующие дни Святки — до 50–60 человек. В Пасхальные дни 1958 г. богослужение посетили около 200 человек (ГАБО, ф. Р.— 139, о. 1, д. 11, л. 16, л. 54, л. 57, л. 94). Среди приходивших на богослужение практически не было молодежи. Это являлось результатом атеистической пропаганды, направленной на уход молодого поколения из церкви. По указу обкома КПСС во время церковных праздников, особенно на Пасху и Рождество, в сельских клубах проводились развлекательные мероприятия: «В эти дни огромную роль играли указания обкома КПСС об организации в селах вечеров молодежи с выступлением коллективов самодеятельности, кинофестивалей и других мероприятий, на-

правленных на отрыв молодежи от церкви» (ГАБО, ф. Р.— 139, о. 1, д. 11, л. 94).

Тоталитарная власть делала все, чтобы аннулировать вековые нравственные нормы, укорененные в вере. Уполномоченный совета в своих распоряжениях писал: «...прежде всего, для атеистической пропаганды нужно в обязательном порядке привлечь всю интеллигенцию села — учителей, врачей, зав. клубов, библиотек... Что касается формы, то тут следовало бы не ограничиваться чтением одних лекций перед аудиторией, а широко практиковать метод индивидуальной и подворной работы. Отстаивая у церковников каждого человека... Для того чтобы оторвать верующих от церкви, нужно сделать культпросвет учреждения местами, способными удовлетворить все духовные потребности, как стариков, так и подростков. Если пришли старики, они смогли бы отдохнуть, а молодые повеселиться. Только тогда у людей отпадет желание ходить в церковь» (ГАБО, ф. Р. — 139, о. 1, д. 11, л. 57).

Трансляция духовного опыта в советское время происходила на уровне отдельных семей. Известно, что некоторые партийные деятели старообрядческих сел не снимали иконы в своих домах. В селении Крапивном из семи коммунистов только у одного не было икон. Председатель колхоза «им. Ленина» (с. Кошлаково) Тарасов Тит также имел в своей квартире иконы, а его жена — глубоко верующий человек, принимала активное участие в церковной деятельности общины (ГАБО, ф. Р. — 139, о. 1, д. 8, л. 100).

Итак, в период воинствующего атеизма в обществе произошел радикальный разрыв религиозных традиций. Внедрение секуляризационного мировоззрения и разрушение церковной общины существенно подорвали основы старообрядчества. Широкие слои сельской общественности утратили живую веру и отошли от религии; сохранить веками выработанный старообрядческий быт было практически невозможно. Однако в некоторых семьях старoverы (как среднего возраста, так и молодежь) старались строить свою духовно-бытовую жизнь по завету предков, сохранять культурные идеалы и правила своей конфессии. Главными факторами сохранения старообрядческой культуры на современном этапе являются историческая память и культурная идентичность ее носителей.

Айвика Мушич-Громыко

*аспирант кафедры философии Новосибирского
государственного университета
экономики и управления*

Новосибирск, Россия

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ И. КАНТА — НЕПРЕХОДЯЩЕЕ НЕОБХОДИМОЕ

Вопросы взаимоотношений глобального института власти с таким ответвлением политологии, как этнополитика, невозможно, на наш взгляд, рассматривать без обращения к истории философско-правовых взглядов виднейших мыслителей.

В этом смысле представляется необходимым обратиться к философско-правовому наследию И. Канта.

В философской системе И. Канта, возможно, впервые в современной Европе вопросы права были рассмотрены под углом ценности. В какой-то мере такое терминологическое обозначение ценности права, отражая особенности общепринятой лексики XVIII в., имеет в кантовских суждениях сугубо светское, мирское значение. Такой ракурс рассмотрения призван выразить отношение к праву — стать определяющей категорией, ключевым звеном правосознания людей в гражданском обществе. Ведь по сложившемуся с конца позднего средневековья (и до наших дней) словоупотреблению нет другого словесного символа, другого терминологического обозначения, кроме слова «святой», которое бы выражало высшее, самое высокое отношение к тому или иному предмету, причем отношение — предельно уважительное, почтительное, не допускающее никаких исключений (следует напомнить, что в России даже в первые годы после октябрьского переворота, когда открыто провозглашался и проводился в жизнь откровенно атеистический режим диктатуры пролетариата, Ленин говорил о том, что нужно «свято» соблюдать законы и предписания «советской власти»).

Главное же, что предопределило столь возвышенное отношение И. Канта к праву, — это сама суть философских воззрений И. Канта, его философия идей о праве: идей, посвященных не только праву как звену «замысла» природы, но, в частности, и тому, что относится к глубинным, природным корням права, той «путеводной нити природы», которая «таинственным образом связана с мудростью»¹. Решающее значение в данном отношении имеют философские представления И. Канта о внутреннем духовном мире человека, находящегося «по ту сторону» представлений о природе, когда, кстати будет замечено, он в связи с характеристикой прирожденных, необходимо принадлежащих человеку и неотчуждаемых прав говорит о том, что здесь человек выступает «гражданином сверхчувственного мира»¹. Именно в таком ключе Кант пишет о том, что «человечество в нашем лице должно быть для нас самым святым, так как человек есть субъект морального закона, стало быть, субъект того, что само по себе свято»¹.

И. Кант был убежден, что неизбежная конфликтность частных собственных интересов может посредством права приводиться к определенной согласованности, исключающей необходимость прибегать к силе для разрешения противоречий. Право И. Кант трактует как проявление практического разума: человек постоянно приучается быть если не морально добрым, то во всяком случае хорошим гражданином. В духе своей философии И. Кант пытается и правовые нормы вывести из априорных положений. В основе права, по его мнению, лежат три начала: храни твое личное право, не нарушай чужого, воздай каждому по справедливости. Эти нормы, по обычной для мыслителя «традиции», носят абстрактно-формальный, бессодержательный характер. Ведущая идея Канта состоит при этом в том, что частная собственность благодаря своему априорному происхождению носит вечный, всеобщий и необходимый характер. В связи с чем немецкий философ писал, что человек является самым главным предметом в мире, ибо он для себя — своя последняя цель и что право человека должно считаться священным».

¹ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. — М., 1985. — Т. 3.

При рассмотрении права как самого святого, что есть у бога на земле, есть и такая сторона вопроса, которая требует дополнительных характеристик: это — понимание ценности права с точки зрения категорий, находящихся «по ту сторону» представлений о природе, выраженных в духовном мире человека, — трансцендентальных идей чистого разума: свободы, бессмертия, бога. То есть того понимания внутреннего духовного мира человека, в котором господствуют идеалы и высшие начала морали, начала добра и совести, светлые начала разума, формируются нравственная личность и, исходя из своей трансцендентальности, человек выступает как разумное, разумно действующее, нравственное, свободное существо¹.

При всей сложности такого подхода к действительности, трудностях его восприятия традиционным (и добавим постклассическим) мышлением надо отдавать ясный отчет в том, что без учета глубоких духовных основ нашей жизни, находящихся по-прежнему «по ту сторону» представлений о природе, идеи свободы личности, прирожденных неотъемлемых прав, личной ответственности и личной вины лишаются каких-либо оснований. Это значит, что отпадает возможность самой постановки вопроса как объективированном бытии разума и тем более — о праве человека — праве в высоком духовном человеческом значении, способности возвыситься над властью, стать целью и под углом зрения высоких, духовных, нравственных начал.

Именно здесь проявляется и значимость высших моральных начал и ценностей для реализации жизненных целей. Недаром еще в лекции И. Кант сказал: «Конечное назначение человеческого рода состоит в наивысшем моральном совершенстве, которое достигается при помощи свободы человека, благодаря чему человек приобретает способность к высшему счастью»².

Вместе с тем, наряду с допустимой, думается, гипотезой о, возможно, трансцендентных, сверхчувственных корнях самого феномена права (как олицетворения архаической оппозиции логическое / магическое), требуется известный разворот аргумен-

¹ См.: *Ойзерман Т. И.* К характеристике трансцендентального идеализма И. Канта: метафизика свободы // *Вопр. философии.* — 1980. — № 6.

² *Кант И.* Из лекций по этике // *Этическая мысль.* — М., 1978.

тации, перевод ее в иную плоскость, к учету того факта, что позитивное право охватывает внешние практические отношения, область прозаических, грубых, эгоистических интересов и страстей. Но эти фактические, суровые и жесткие, особенности сферы внешних, практических отношений людей, не только не устраниают, но как раз предопределяют то обстоятельство, что именно право является — как это ни парадоксально — образованием, наиболее близким к духовному миру человека, адекватным, совместимым с ним (т. е. выступает качеством логического посредника).

Исходя из изложенного можно заключить, что право в земной, прозаической жизни призвано быть носителем чистого разума, выступать в качестве главного права человека. И поэтому право должно быть (при реализуемом заложенном в нем потенциале) не только прочной и твердой опорой для активности, творчества, самостоятельной деятельности людей на «земле», в сфере внешних отношений, но и оно должно «сделать» человека центром людского сообщества — личностью и в этой связи опорой (именно — опорой, не более и не менее того) для утверждения во взаимоотношениях между людьми высоких духовных, моральных начал, идеалов и ценностей.

В сфере внешних и практических отношений иной, сравнимой по социальной силе, энергетике и органике опоры для утверждения и реализации духовных, моральных ценностей человека среди социальных образований не существует. Уникальное значение права состоит в том, что при его помощи оказывается возможным распространять высокие проявления разума, трансцендентальные ценности — духовные, моральные начала, идеалы — на область внешних, практических отношений, т. е. создавать условия, быть своего рода стартовым пунктом, опорой для того, чтобы «возвращать» их людям в сфере отношений, наполненных антагонизмами, конфликтами, страстями, суровыми и трудными буднями. При этом следует возвращать эти человеческие ценности не в виде одного лишь «милосердия», «блаженной любви», «сострадания», других категорий патерналистского сознания и традиционных порядков, а в виде свободы человека, выраженной в субъективных правах и ограниченной законом.

Алексей Белоус

соискатель кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

РУССКАЯ ИСТОРИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ К. Д. КАВЕЛИНА

XIX в. для России — это век расцвета русской философии и культуры, но это также и век расцвета русской исторической мысли, век формирования русской исторической школы, век Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского и др.

Формирование русской исторической школы не было стихийным процессом. Оно протекало в обстановке борьбы различных философских позиций, в ходе которой складывался единый философский подход к русской истории, названный затем русской государственной школой, давший России классические труды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и др. Однако до сих пор в анализе философских основ, на которых выстраивалась во второй половине XIX в. русская государственная школа, наблюдается существенный пробел. И это не случайно. Философская концепция русской истории в XIX в. формировалась как необходимая неотъемлемая часть русского национального самосознания, как фактор его формирования и развития. В XX в. ведущая в общественном сознании тема интернационализма и материализма сделала невозможным объективное изучение тех философских источников, которые животворили дух русских историков в их полном объеме.

Ключевой фигурой в процессе формирования русской исторической школы XIX в. является К. Д. Кавелин.

«Что было движущим началом русской жизни? Что в ней развивалось?» — на эти вопросы русская историческая наука и русская философия должны дать конкретные ответы, избегая «общих слов», «принадлежащих ко всем государствам в мире,

но не проясняющих русской истории». Сентенции типа «народ, развиваясь, образует государство» вызывали у К. Д. Кавелина негодование. Философско-историческая мысль должна исследовать особенное, специфическое в истории России, но не абсолютизируя ее особенности, не изолируя ее от «всемирного исторического развития». История России — это история европейской христианской страны, имеющей специфические черты. Исследование истории России должно строиться на научных основах. Поэтому формируемая в середине 50-х гг. XIX в. русская историческая школа К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева порывает с предшествующим ей взглядом на историю страны как на совокупность отдельных фактов, отдельных этапов («удельный период», «монгольское иго»), внутренне не связанных между собой и к тому же определяемых случайными внешними причинами.

Как сложился этот взгляд? Современные исследователи А. И. Новикова и И. Н. Сиземская в статье «Парадигма русской философии истории» утверждают, что русская историческая наука сначала «накопила огромный материал», а потом «начала задаваться теми же вопросами, что и философская мысль — вопросами о смысле исторического бытия, о путях и судьбах исторического развития в России»¹. Однако анализ творчества К. Д. Кавелина опровергает эту схему. Русская историческая школа и русская философия рождались одновременно в бурных дискуссиях славянофилов и западников — в дружбе, полемике, трудах и беседах, статьях и письмах.

История России — это единый закономерный процесс развития, в котором объективно необходимое и сознательно-волевое духовное начало образуют развивающееся диалектическое единство. В поисках закономерностей этого развития русский историк отталкивался от философии Г. Гегеля. По мнению этого философа, закономерный процесс развития народа движется от семьи, «поглощающей личность», к гражданскому обществу обособленных и враждующих личностей, образующих корпорации и сословия, и завершается образованием государства как высшей исторической формы — формы воплощения раз-

¹ Новикова А. И., Сиземская И. Н. Парадигма русской философии истории // Очерк рус. философии истории. — М., 1996. — С. 5.

витого, т. е. нравственного общественного сознания, преодолевшего индивидуализм частного сознания. По Г. Гегелю, дух народа развивается вместе с историей и историческое развитие осуществляется в ее внутренней органической обусловленности.

Однако в русской истории, по К. Д. Кавелину, закономерность развития «народного духа» поставила вопрос о государстве иначе, чем в Германии. Опередив стадию «гражданского общества», в России родилось «живое сознание единства», как «фундамент, на котором построилось здание Московского государства». Так, Иван III и Иван IV, как считал К. Д. Кавелин, чувствовали духовную потребность народа в единстве, в создании централизованного государства.

К. Д. Кавелин в трудах дает переоценку личности Ивана Грозного. Русские историки XVIII в. и первой половины XIX в. М. М. Щербатов, В. Н. Карамзин, А. Л. Погодин, напротив, считали, что деятельность Ивана IV «лишена исторического смысла», она — «продукт патологического психического состояния» государя, «источник неисчислимых бедствий».

«Кавелин первый дал иную оценку Ивана Грозного»¹. Он считал Ивана IV одной из центральных фигур русской истории. Его деятельность (Ивана IV) наиболее точно выразила и субъективно-духовные, объективно-необходимые закономерности развития России, и дух народа, его «живое сознание», и объективную необходимость политического объединения страны. Эту позицию К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев отстаивали в дискуссиях с философами и историками, такими как Ю. Ф. Самарин, И. Д. Беляев и др. Они опирались на самый кропотливый анализ исторических документов, заложив тем самым основы русской государственной школы, согласно которой, сложившись, государство становится субъектом исторического развития России².

¹ *Рубинштейн Н. А.* Русская историография. — М., 1941. — С. 336.

² *Там же.* — С. 300.

Екатерина Яцемирская

студентка Южного федерального университета

Ростов-на-Дону, Россия

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ведущим принципом организации геополитического устройства системы мирового порядка является национальное деление. Однако глобализация и связанные с ней процессы вносят асимметрию в географию традиционного национального деления. Такие явления, как диаспора, национальные меньшинства, этнические конфликты, создают предпосылки для дополнительной интерпретации смысла этнической и национальной идентичности.

Исходя из этого насущными становятся следующие вопросы: Что лежит в основе этнической и национальной идентичности? Можно ли между ними ставить знак равенства? Как эти типы соотносятся между собой и как должна самоопределить себя Россия: как многонациональная страна или полиэтничная нация?

Проблема соотношения и взаимодействия этнической и национальной идентичности является недостаточно разработанной: эти термины часто употребляются как синонимы.

Рассмотрим основные подходы к определению понятия этничности:

— примордиалистский подход, означающий от лат. *primordial* — изначальный (К. Гиртц, П. Ван ден Берг и др.), рассматривает этничность как некую объективную данность, как надсубъективную характеристику индивида, обусловленную либо историческим развитием, либо биологической эволюцией;

— модернистский подход, в основе которого лежит идея о том, что нации возникают в эпоху «Модерности», Нового времени (Э. Геллнер). Нации формируются на политической, т. е. на внеэтнической основе, они возникают по мере перехода от

аграрного к индустриальному способу производства. В работах Э. Геллнера феномен этничности отходит на второй план и внимание больше уделяется нации-гражданству;

— инструменталистский подход, который исходит из того, что этничность и национальность детерминируются ситуационно. К этничности прибегают и используют ее в целях социальной мобилизации, преодоления конкуренции и т. п.;

— конструктивистский подход (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др.), который рассматривает национальную и этническую идентичность как сконструированную реальность, а не как объективную данность. Национально-этнические общности — конструкты, созданные политическими лидерами и интеллектуалами, хотя и приобрели с течением времени видимость естественности.

Нетрудно заметить, что все подходы к этничности подчеркивают какую-то одну сторону данного явления. Дать однозначное определение этничности очень трудно, это объясняется ее сложной связью с культурными и социальными аспектами.

При разработке и реализации конструктивной и эффективной этнической политики существуют затруднения, проистекающие из метафизических особенностей распространенного дискурса идентичности, которому имманентно свойственны смешение этнического и национального, этнической и национальной идентичности, принципиальная неспособность различения нации как согражданства, социально-политической общности и этноса как природно-культурной общности. Это связано с тем, что долгое время в традициях отечественной науки понятие «нация» использовалось в значении этнонации — этнической общности.

Сейчас в научном сообществе есть активные сторонники закрепления за понятием «нация» значения согражданства. Своеобразный выход из теоретических дискуссий предложил сторонник конструктивизма в России В. А. Тишков. Он считает, что следует отказаться от термина «этнос» и термина «нация» в его этническом значении и сохранить значение понятия «нация», принятого в международной политической практике, т. е. совокупности граждан одного государства.

Наконец, играет роль и расширение в этносоциологии этнопсихологического направления, в котором, как и за рубежом, используется термин «этническая идентичность». В современной этнопсихологии этническая идентичность означает результат процесса самоотождествления субъекта с одной или несколькими этническими группами на фоне дифференциации от иных групп, выражающийся в чувстве общности с членами той группы, с которой происходит отождествление, и восприятие как ценности ее основных характеристик.

Национальная идентичность не является продуктом развития этнической общности. Она имеет обоснование идентификации в виде политических сообществ граждан. Ни одна из появившихся наций не обладала на момент появления общностью культурных признаков (язык, традиции, обычаи и т. д.). Нации всегда представляли и представляют собой политические и полиэтничные образования.

Следует подчеркнуть, что термин «национальный» в современном российском лексиконе (в выступлениях политических и общественных деятелей, в обыденных разговорах) используется в двух значениях. Так, слова «национальная культура», «национальный праздник» — это соответствующие проявления этнической культуры того или иного народа. А такие выражения, как «национальная идея», «национальная программа», «национальная безопасность», обозначают принадлежность не к этническим группам, а к государству, населению страны в целом.

Таким образом, в данном контексте термин «нация» обозначает более широкое, чем «этнос», понятие. Это сообщество людей, которое объединяется совокупностью общих признаков, среди которых этническая составляющая не всегда является определяющей. Эта точка зрения получает все большее распространение, когда термин «нация» используется как государственная, социально-экономическая, культурная общность людей, сознающих историческое и духовное своеобразие, а также единство интересов.

Иван Анисимов

студент Сибирской академии государственной службы

Новосибирск, Россия

Кристина Гулевская

студентка Сибирской академии государственной службы

Новосибирск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В политическом процессе современной России активно действуют социальные группы, выступающие с позиции интересов этнических общностей, что способствует возникновению этнополитических отношений. Этнокультурную политику следует понимать как «сферу управления и обеспечение интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами»¹. Этнополитика в российском обществе способствует повышению толерантности, разрушению негативных стереотипов по отношению к представителям некоторых этнических групп, а также снижению различного рода «фобий»².

Н. М. Лебедева отмечает, что этническая толерантность понимается как «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а также наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия собственной, т. е. этническая толерантность является не следствием ассими-

¹ *Краткий психологический словарь* / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского.— М.: Политиздат. — 1985.

² *Амелин В. В.* Этнокультурная политика в многонациональном регионе // Журн. социологии и социал. антропологии.— 2004.— Т. 7, № 2.— С. 159.

ляции, отказа от собственной культуры, а характеристикой межэтнической интеграции»¹.

Формирование позитивного образа собственной культуры является залогом этнической толерантности. Важнейшим компонентом этого образа будут представления об историческом прошлом этнической общности. Вера в древность исторических корней своей группы и длительную совместную историю во многом определяет характер и степень консолидации этнической общности. «Такие группы людей, которые... имеют субъективную веру в общее происхождение, так что эта вера становится важной для пропаганды образования общности, в том случае если они не представляют “кланы”, мы будем называть “этническими группами”, независимо от того существует ли между ними объективно единство крови или нет»².

По сути, в основе этничности лежат коллективные воспоминания, и в связи с этим ключевую роль в понимании процессов национальной консолидации будет играть анализ свойств коллективной памяти, т. е. памяти как социального феномена. Индивидуальная память всегда социально обусловлена, поскольку опосредована определенными принятыми в данном обществе способами восприятия³. В этом смысле память выступает не как итог деятельности группы, а как условие существования самой группы. «Ведь всякая идентичность индивидуальна, но никогда не бывает других индивидуальных идентичностей, кроме исторических, т. е. построенных в некоем поле социальных ценностей, поведенческих норм и коллективных символов»⁴.

Важнейшими средствами актуализации коллективной памяти, ее основополагающими элементами являются топосы — места в коллективной памяти, образы отечественной истории;

¹ *Лебедева Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой.— М., 1997.

² *Вебер М.* Отношения этнической общности // Журн. социологии и социал. антропологии.— 2004.— Т. 7, № 2.— С. 13.

³ *Зенкин С.* Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // М. Хальбвакс. Социальные рамки памяти.— М.: Новое изд-во.— 2007.— С. 19–21.

⁴ *Балибар Э.* Нация как форма: история и идеология // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности.— М.: Логос-Альтера.— 2003.— С. 110.

это точки в символическом пространстве культурной памяти, т. е. явления, которые вызывают обострение идентичности, усиливают ощущения общности и обеспечивают единство народа. Чтобы попасть в коллективную память, событие должно обрести определенный смысл, превратиться в символ — элемент идейной системы данного общества. Соответственно изменение общественно-политической и этнополитической ситуации, социальная переориентация должны сопровождаться новой интерпретацией старых символов, а может быть и отказом от неактуальных образов.

С этой точки зрения следует рассматривать проект «Имя России», представленный 12 июля 2008 г. телеканалом «Россия» совместно с Институтом российской истории РАН и фондом «Общественное мнение». Организаторами заявлена цель — привлечь внимание аудитории к истории нашей страны. Проект состоит из нескольких этапов: исходный список включил в себя 500 имен, путем голосования их осталось 50, затем 12, а в итоге — 1 победитель¹. С 5 октября в эфире канала «Россия» транслировалось ТВ-шоу. Представителями 12 героев отечественной истории, прошедших в финал проекта «Имя Россия», были звездные адвокаты.

Авторитетность проекта и широкая реклама обеспечили ему значительный общественный резонанс. Его обсуждали не только в Интернете, но и в средствах массовой информации. При этом высказывалось множество точек зрения как к проекту, так и к кандидатам титула «Имя Россия», порой диаметрально противоположных.

В формировании национального самосознания решающую роль играет формирование образа отечества, поэтому проект «Имя России» следует рассматривать как целенаправленное воздействие на общественное сознание с целью консолидации российского общества. Образы национальных героев, пропагандируемых с экрана участниками проекта «Имя России», являются топосами российской культурной памяти. Очевидно, что проект не только формирует общественное сознание, но и отражает его современное состояние.

¹ *Имя Россия*. Исторический выбор 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru>.

Следовательно, культурная память как одна из основ этнической идентичности является непосредственным фактором современной этнополитики. С этой точки зрения проект «Имя России» следует воспринимать как уникальный источник, который, несмотря на известные издержки, отражает национальное самосознание россиян. Поскольку здоровый образ отечества обеспечивает национальное единство, позволяет преодолевать нуклеаризацию общества и мобилизует гражданское самосознание, переоценить актуальность этой проблемы невозможно¹.

Проект «Имя России» стал главным поводом для начала нашей работы, целью которой является выявление некоторых особенностей процесса формирования образа национальной истории: В каком возрасте начинается ее конструирование? От чего зависит этот процесс? Каков его механизм?

Исходя из этих целей в качестве объекта исследования использовали образы отечественной истории (исторические деятели) в восприятии российской молодежи. С помощью метода анкетирования был проведен опрос среди 273 человек. С целью выявления динамики особенностей восприятия отечественной истории опрашиваемые были разделены на три группы: старшеклассники в возрасте до 17 лет (93 человека), студенты от 17 до 25 (84 человека) и респонденты от 25 до 40 лет (96 человек). Опрашиваемые должны были узнать персонажа, дать оценку его вклада в отечественную историю, указать на основные источники информации, составить свою тройку финалистов и назвать имена людей, олицетворяющих современную Россию.

О проекте «Имя России» слышали 100 % опрошенных; смотрели 33 %; принимали участие в голосовании 12 %. Из них 21 % не заинтересовались проектом «Имя России». Следует отметить, что глубокого интереса среди школьников и студентов проект не вызвал.

На примере первой и третьей групп респондентов мы установили, что основным источником информации об истории России остается школа. Вовлеченность человека в общественно-

¹ *Магвайр М., Руттен Э.* Культурная память в России: Первые совместные чтения Кембриджского университета и журнала «Новое литературное обозрение // НЛО.— 2007.— № 87; Журн. зал. URL: www.magazines.russ.ru.

политический процесс, его гражданская позиция напрямую определяются его знаниями, полученными на занятиях по истории и обществознанию. В этом же ключе следует рассматривать и данные по студентам, поскольку зачастую Интернет является единственным источником при подготовке к семинарским занятиям и экзаменам.

Отсутствие полноценной информации и ее качество порождают другую тенденцию — конъюнктурность в восприятии прошлого. На это указывает наиболее часто отмечающаяся отрицательная оценка вклада в историю В. И. Ленина и Ивана IV, ставшая нездоровой тенденцией в отечественной публицистике. При этом никто из представителей первой и третьей группы не упомянул ни одного исторического деятеля, кроме деятелей, представленных в списке. Это указывает на отсутствие самостоятельного и творческого взгляда на историю России. Образ прошлого у большинства из опрошенных был схематичен.

Данные анкетирования позволяют констатировать слабое освещение общественностью вопросов, связанных с отечественной историей. По данным опроса ВЦИОМ, 83 % россиян считают себя патриотами¹. Интересно, что патриотизм — единственная ценность общественно-политического характера, которую разделяют большинство наших соотечественников.

Следует также отметить общую тенденцию к отождествлению понятий «Родина» и «Государство». Характерно, что старшеклассники по большинству позиций сближаются с представителями третьей группы, а данные по студентам выглядят несколько обособленно. В этой связи отметим, что современные исследователи воспринимают поколение как культурный конструкт, который не привязан к конкретным хронологическим координатам. Речь идет о том, что называется «моделью поколения», которая укоренена «в коллективной памяти» и воспроизводится неоднократно.² Характер поколения, сформированный

¹ *Патриотизм истинный и мнимый* // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 591 от 05.12.2006 г. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3680.html>.

² *Каснэ И.* От молодости к молодости (Отцы и дети: поколенческий анализ современной России) // Отеч. зап.— 2005.— № 3; Журн. зал. URL: www.magazines.russ.ru.

событиями, происходившими во времена юности, оказывает решающее влияние на всю последующую (взрослую) жизнь людей¹.

Признавая большое значение проекта «Имя России» в популяризации родной истории, следует признать, что как консолидирующий фактор он не мог иметь особого значения. Большинство топов культурной памяти в России остаются «горячими», т. е. политически актуальными, и используются в качестве инструмента политической борьбы². Топосы культурной памяти — это не просто набор известных фактов, объектов и т. д., а восприятие их в определенном культурном и идеологическом контексте.

Монтирование культурной памяти необходимо начинать с создания единого социокультурного пространства, в котором не должно быть острых противоречий. Иначе обсуждение исторических имен только провоцирует новую волну политизированной дискуссии.

Научный руководитель —
кандидат исторических наук Д. А. Михайлов

¹ Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социолог. исслед.— 1992.— № 2.— С. 47.

² Эткнд А. Столетняя революция // Отеч. зап.— 2004.— № 5.— С. 44–45.

Татьяна Байрымова

студентка Сибирской академии государственной службы

Новосибирск, Россия

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ
ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ
АЛТАЙ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

Укрупнение регионов стало актуальным механизмом региональной политики России с 2004 г., когда началось объединение автономных округов. Объединение субъектов стало возможным с вступления в силу в 2001 г. закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Этот закон гарантирует добровольность объединения путем обязательного проведения референдума на территориях объединяющихся субъектов РФ. Проблемы укрупнения субъектов Федерации активно поднимаются в органах власти некоторых регионов страны и в СМИ.

По данным ФОМ, в целом респонденты считают, что эта мера принесет больше пользы, чем вреда (29 %); 17 % опрошенных убеждены в том, что вреда будет больше; 22 % полагают, что такое укрупнение не повлечет никаких изменений. Респонденты отмечают, что слияние их региона с соседними усилит беспорядок, вырастет чиновничий аппарат, а это только приведет к хаосу и коррупции (10 %). Как считают 11 % опрошенных, в результате слияния регионов снизится уровень жизни людей, так как к их «богатому» региону присоединятся «бедные», которые станут «нахлебниками». Из опрошенных 5 % надеются, что чиновничий аппарат сократится и в результате упростится управление. Жители неблагополучных регионов полагают, что станут жить богаче, поднимется производство, появятся новые рабочие места (10 %) ¹.

¹ Укрупнение регионов // Сайт «Фонд общественного мнения». URL: <http://www.fom.ru/topics/195.html>.

В основном за укрупнение регионов выступают представители политических элит. В их высказываниях легко увидеть две основные идеи — социально-экономическую и управленческую. Однако немногие из них задумываются об этносоциальных последствиях объединения регионов. Спикер Совета Федерации С. Миронов отмечает, что: «40 субъектами управлять, с точки зрения государства, гораздо эффективнее, нежели 89»¹. Сторонниками объединения считаются также Дмитрий Козак и в целом институт полпредства, Александр Казаков (председатель Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике), политические партии. Так, для КПРФ укрупнение регионов означало возвращение к советским экономическо-географическим принципам; для «Единой России» — прежде всего как способ повышения эффективности управления; для СПС — устранение внутренних административных и торговых барьеров, которое могло дать новый импульс к развитию бизнеса. ЛДПР видела в сокращении количества регионов знак того, что половина пути по направлению к формированию унитарной государственной системы уже преодолена.

Президент РФ Д. Медведев в интервью «Независимой газете» говорил, что не против укрупнения: «Это твердая позиция федеральной власти и моя в том числе: мы никого ни к кому не присоединяем, сами по себе с такими идеями не выходим. Если регион не хочет присоединяться, что может быть определено только на референдуме, значит, он должен работать как прежде»².

Противники укрупнения субъектов (В. Сергиенко, член комитета Государственной Думы по региональной политике; А. Климов, председатель подкомитета по вопросам межрегиональных отношений Государственной Думы; А. Макаркин, заместитель директора Центра политических технологий) считают, что главная беда заключается в подходе к проблеме и что до сих пор нет никакой внятной концепции — как, кого и зачем

¹ *Карта* Родины будет перекроена // Независ. газ. URL: http://www.ng.ru/regions/2003-06-09/1_map.html.

² *Медведев Д. А.* Решение об объединении должны принимать сами регионы по итогам референдума / РИА Новости. Дальневост. округ. URL: <http://dv.rian.ru/politics/20080923/81697395.html>.

объединять. Добровольное объединение субъектов — процесс очень долгий, требующий множества согласований, «созревания» населения и компенсаций элитам. Главное препятствие — это региональная идентичность, а поскольку большинство «малых» субъектов Федерации относится к числу национальных автономий, то это еще и национальная идентичность. Укрупняя регионы, Центр рискует столкнуться с ростом национализма на местах¹.

В национальных регионах общественность выступает против объединения своего субъекта, так как слияние двух субъектов, отличающихся по статусу, означает отказ от национальной государственности коренного населения. Например, особое сопротивление против объединения оказали жители Республики Алтай, когда в 2006 г. остро обсуждалась проблема присоединения Республики Алтай к Алтайскому краю.

До 1991 г. Горно-Алтайская автономная область входила в состав Алтайского края, затем стала самостоятельным субъектом Федерации. На протяжении многих лет некоторые политики, в первую очередь из Алтайского края, пытались инициировать рассмотрение вопроса о ликвидации Республики путем присоединения ее к краю.

После получения самостоятельности в Республике начали усиливаться экономические трудности. Местные власти не нашли правильного варианта адаптации к новым экономическим реалиям. На территории Республики Алтай почти не осталось заводов, фабрик, а которые остались, были приватизированы в 1990-е гг., а затем из-за нехватки денежных средств закрыты, что привело к массовому увольнению рабочих, невыплате заработной платы и т. д. Но многие жители Республики считают, что именно независимость помогла пережить тяжелый постсоветский период, поскольку этот статус дает возможность напрямую обращаться и общаться с федеральным центром и самим формировать и распоряжаться собственными средствами.

Процесс слияния двух Алтаев зашел довольно далеко. И в этом процессе, несмотря на более высокий конституционный

¹ Туровский Р. Укрупнить нельзя помиловать // Полит. журн. URL: <http://www.politjournal.ru>.

статус, Республике уготована роль быть ведомой, подчиненной. Об этом свидетельствует тот факт, что в течение последних лет функции головных региональных контор многих федеральных служб (финнадзора, лесного хозяйства, водных ресурсов, охотнадзора, рыбнадзора, ветнадзора и ряда других) переданы в Барнаул, а в Горно-Алтайске остались только их филиалы. Кроме того, в отношениях между Республикой Алтай и Алтайским краем существует энергетическая зависимость.

Однако из 250 лет вхождения в состав России Горный Алтай является республикой всего 14 лет. Для некоторых алтайцев, казахов и русских, проживающих в Республике, объединение ассоциируется с реализацией непродуманных проектов, которые могут нанести ущерб экологии этого уникального уголка природы: это и строительство ГЭС на Катунь, и прокладка газопровода через заповедное плато Укок, и прямая автомобильная дорога на Китай. По всем параметрам экономики Республика Алтай проигрывает Алтайскому краю. По сути, единственной отраслью экономики, на которой Республика теоретически может приподняться, остается туризм¹.

Присоединение к Алтайскому краю не устраивает и коренное население, и русскоязычное. Так, жители Горно-Алтайска (из них составляют 80 % русские, остальные — алтайцы, казахи и др.) начинают осознавать, что объединение регионов приведет к существенному ослаблению роли г. Горно-Алтайска, и поэтому они не хотят становиться жителями еще одного периферийного города. Национальная элита — представители алтайских племен — утверждает, что объединение грозит коренным алтайцам ассимиляцией, снижением статуса алтайского народа, подрыву этнической культуры, роли его языка и местных традиций, что в конце концов приведет к исчезновению этноса. Сохранение статуса республики служит гарантом сохранения этничности.

А. Квашнин, полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе, заявил, комментируя перспективы объединения Республики Алтай и Алтайского края, что: «Административно-территориальное деление регионов должно

¹ *Попов А.* Сопrotивление неизбежному // Эксперт Online. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/42/soprotivlenie_obedineniyu_subektov/.

происходить не по национальному принципу, а по хозяйственному, исходя из наличия совместной инфраструктуры»¹.

Громкие слова этого представителя и настрой в Администрации Президента РФ насчет ликвидации Республики Алтай побудили население к проведению многотысячного митинга протеста против слияния двух Алтаев. Сначала волна митингов прошла в районных центрах и кульминации достигла, когда в Горно-Алтайске на центральной площади 31 октября 2006 г. прошел пятитысячный митинг. Инициатором митинга выступала организация «За республику». Главы родов призвали жителей Горного Алтая «грудью встать на защиту статуса республики». Совет зайсанов (глав родов) Республики Алтай, Тос-Торгоо (исполком) Курултая (съезд) алтайского народа обнародовали обращение к президенту с просьбой прекратить деятельность по подготовке объединения Республики Алтай и Алтайского края.

У митингующих в руках были плакаты и транспаранты: «Республика — наше будущее», «Квашнин — руки прочь от республики», «Нет объединению» и т. п. В принятой участниками митинга резолюции отмечается: «Считаем кощунством и неуважением к нам, что идеологи объединительного процесса начали его в год 250-летия добровольного вхождения алтайского народа в состав России... Утрата статуса республики означает потерю всего того, что достигнуто: районные и северные коэффициенты, целевые программы, высшие и средние учебные заведения, прямое финансирование и выход в федеральные органы. Мы станем муниципальными районами Алтайского края, что мы уже проходили...»².

Казалось бы, жители Республики Алтай отстаивали статус своей малой родины, к тому же в конце 2007 г. А. Бердников (глава Республики) убедил администрацию президента РФ в необходимости сохранения статуса Республики Алтай. Но в 2008 г., после введения нового указа в Республике Алтай об обязательном изучении алтайского во всех школах, проблема присоединения к Алтайскому краю вновь стала актуальной. Так, в

¹ Полпред Анатолий Квашнин об объединении алтайских регионов: Кто-то боится потерять теплое место // Регнум. URL: <http://www.regnum.ru/news/726494.html>.

² Открытое противостояние // Эксперт Online. URL: <http://www.expert.ru/news/2006/10/31/mitingaltai/>.

горно-алтайском еженедельнике «Листок» появилась статья, в которой был выражен протест против изучения алтайского языка в ненациональных школах. Авторы данной статьи сделали резкое заявление о том, что если указ войдет в силу, то они от имени всех противников данного указа направят ходатайство в администрацию президента РФ о присоединении Республики Алтай к Алтайскому краю. Указ об обязательном изучении алтайского языка во всех школах так и не вошел в силу до сих пор.

Опрос населения г. Горно-Алтайска в 2009 г. показал, что большинство опрошенных в возрасте от 18 до 70 лет высказываются против присоединения к Алтайскому краю. Из 75 опрошенных 14 выразили согласие за присоединение к краю.

Анализ ситуации укрупнения субъектов на примере дискуссий вокруг проблемы объединения Республики Алтай и Алтайского края показывает, что процесс объединения нуждается в строгом научном подходе, в разработке концепции формирования нового субъекта. Особую роль в объединительных процессах играет этнический фактор. На примере Республики Алтай и Алтайского края можно видеть, что алтайский народ добился сохранения своей государственности, и слияние субъектов не произошло. Мы считаем, что слияние регионов оправдывается лишь в том случае, если, во-первых, оно отвечает чаяниям населения соответствующих территорий, во-вторых, обеспечивает гораздо более эффективное использование потенциала объединяющихся регионов и, следовательно, улучшение условий жизни людей.

Объединения регионов, происходящие сегодня, — объективный процесс. Важно понять, во имя чего он делается: во имя амбиций политических лидеров или во имя интересов населения регионов. Если будет происходить дальнейшее объединение во имя интересов народа, то этот процесс может обрести всеобщую поддержку. Без сомнения, необходимо проводить референдум, т. е. должно быть волеизъявление населения.

Поэтому в настоящее время необходимо на федеральном уровне разработать концепцию развития федеративных отношений, которая закрепила бы целостное видение перспектив модернизации федерализма на ближайшую перспективу.

Научный руководитель —
кандидат исторических наук Д. А. Михайлов

Клавдия Дейнега

студентка Кубанского государственного университета

Краснодар, Россия

ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ (НА МАТЕРИАЛАХ КОНФЛИКТА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)

Актуальность темы обусловлена все возрастающим процессом этнизации, охватившим глобальное, мировое пространство. Этнические проблемы в ряде горячих точек носят ожесточенный характер, прямо или косвенно оказывают негативное воздействие на внутренний климат и политические процессы, происходящие в России, угрожают ее целостности, политической и экономической стабильности.

Современные вооруженные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности на земном шаре. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к разрастанию, подключению все большего числа участников, что создает серьезную угрозу не только тем, кто непосредственно оказался вовлеченным в конфликт, но и всем живущим на земле.

На территории Российской Федерации особо разрушительные формы этнополитического конфликта приобрел в Чеченской Республике. Этнический конфликт есть разновидность социального конфликта.

Данный конфликт отличается самоидентификацией конфликтующих сторон в этнических терминах. Среди характеристик этнического конфликта следует выделить эмоциональную насыщенность, вследствие чего он относится к числу одних из самых трудно управляемых конфликтов.

Практически любой этнополитический конфликт приобретает насильственные формы, поэтому политическое насилие можно определить как особый тип действия, направленный на навязывание воли одного человека или группы остальным, для чего используется физическая сила. Результаты, полученные

посредством насилия, чаще всего не совпадают с намерениями субъектов политики, сопровождаются побочными, нежелательными эффектами. Наконец, масштабы политических задач, решаемых с помощью насилия, ограничиваются в основном тактическим уровнем и достигают стратегического уровня лишь при сочетании физического принуждения с другими средствами.

В террористической деятельности насилие имеет особый статус, так как терроризм является одной из основных форм проявления политического насилия. Поэтому терроризм можно определить как планируемый курс действий, избираемый группами и индивидами, преследующими определенные политические цели. Этот курс действий рассматривается его активистами — обычно лишенными власти группами или индивидами — как лучший, если не единственный, способ достижения таких целей, где насилие выступает как инструмент сохранения либо, наоборот, изменения проводимой в государстве политики.

В конфликте можно выделить период нарастания сепаратистских тенденций 1991–1999 гг., который, в свою очередь, распределяется на несколько этапов:

Первый этап, 1991–1994 гг., можно охарактеризовать как установление диктатуры Д. Дудаева, провозглашение независимости Чечни.

Второй этап, 1995–1996 гг., характеризуется боевыми действиями на территории Республики, которые федеральный центр обосновывает наведением «конституционного порядка». Все боевые действия складываются неудачно для федерального центра. В этот период происходит достижение временного перемирия с Москвой, после заключения Хасавюртовского соглашения, и попытка решения основных задач чеченским правительством для заложения основ чеченской государственности.

Третий этап, 1997–1999 гг., характеризуется приходом А. Масхадова к власти, религиозными спорами и неудачной попыткой создания независимого, легитимного государства.

Проект создания независимого чеченского государства так и оказался нереализованным. Данная попытка осуществлялась в форме этнополитического конфликта в его крайней, радикальной форме с элементами гражданской войны. Неизбежным следствием этого было широкомасштабное применение насилия.

Таким образом, применение насилия в Чечне напрямую связано с последствиями этнополитического конфликта в виде вооруженного сепаратистского движения. Насилие в Республике носило как системный, так и несистемный характер. Системный характер проявления насилия был связан с вооруженными методами подавления сепаратистов со стороны федерального центра, но это было не всегда оправданным. Кроме того, системное насилие в еще большем масштабе применяли сепаратисты (например, захват больницы в Буденовске 14 июня 1995 г.; серия террористических актов в российских городах Буйнакске, Москве и Волгодонске 4–16 сентября 1999 г.).

В нынешней ситуации, когда 16 апреля 2009 г. был снят режим контртеррористической операции, политическое насилие в большей мере носит несистемный характер. Но это включает в себе не меньшую опасность, чем применение системного насилия.

Для преодоления чеченского насилия и нормализации жизни в Чеченской Республике прежде всего необходимо интегрировать Чечню во всероссийское политическое пространство, укрепить правопорядок как в Республике, так и на всей территории Российской Федерации, и сменить политическую элиту Чечни.

Наталья Данилова

студентка Сибирской академии государственной службы

Новосибирск, Россия

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭТНОПОЛИТИКА В НОВОСИБИРСКЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На сегодняшний день сохраняется теоретико-методологическая проблема содержания категорий «этнос» и «нация». Она ведет к ошибкам массового сознания, когда под этническим понимается национальное. На наш взгляд, более точным при определении политики в сфере межэтнических отношений является термин «этнополитика», поскольку он исключает всякую двусмысленность.

Вместе с тем в данной работе термины «этнонациональная политика» и «этнополитика» употребляются как синонимичные, и термин «национальная политика» относится только к советскому периоду.

Под муниципальной этнонациональной политикой (этнополитикой) понимается самостоятельная политика органов местного самоуправления, направленная на гармонизацию межэтнических отношений и развитие этнокультуры, языка, традиционного образа жизни и обычаев этносов в рамках полномочий, определяемых федеральным законодательством.

Анализ сущности и содержания этнополитики в Новосибирске на основе деятельности отдела по взаимодействию с религиозными организациями и национально-культурными автономиями и организациями мэрии города, а также самих национально-культурных автономий и национальных организаций позволяет определить особенности и специфику управления межэтническими отношениями. Анализ позволяет также определить возможности и ограничения муниципальной этнополитики в городе.

К возможностям муниципальной этнополитики можно отнести: устойчивое социально-экономическое положение в горо-

де, финансовый потенциал муниципалитета; достаточно большой исторический опыт содержательной и сбалансированной работы органов местного самоуправления по гармонизации межэтнических отношений в городе и развитию культуры, языка, традиций как этнического большинства, так и этнических меньшинств; достаточно высокий уровень толерантности жителей города, фиксируемый в течение ряда лет.

К ограничениям муниципальной этнополитики в городе можно отнести: слабую нормативную правовую обеспеченность муниципальной этнополитики; значительное усиление миграционных потоков, меняющих этносоциальную структуру населения; неакцентированность работы местных отделений политических партий и общественных движений, а также СМИ по пропаганде этнической толерантности и значимости российского мультикультурного сообщества.

Достижение высокого уровня этносоциальной стабильности в городе невозможно без установления высокого уровня интеграции всего местного сообщества. В связи с этим можно сформулировать условия достижения эффективной муниципальной этнополитики:

Во-первых, необходима более тесная экономическая интеграция на основе дифференциации общественного труда.

Во-вторых, пристального внимания требуют параметры социальной интеграции: формирование доступной системы вертикальной и горизонтальной социальной мобильности и модели социального партнерства.

В-третьих, особую актуальность приобретает политическая интеграция: сближение этнонациональных элит и групп интересов, обеспечение их взаимодействия, а также формирование и развитие политических институтов для координации этнополитических процессов.

В-четвертых, необходима ценностно-идеологическая интеграция: сближение базовых ценностей и идеологических приоритетов, воспитание культурной и религиозной терпимости, формирование идей общероссийской гражданственности и общерегиональной идентичности.

В-пятых, важна интеграция в сфере гражданских институтов: создание единой общегородской системы предупреждения,

предотвращения и урегулирования этнических конфликтов, усиление роли и повышение эффективности гражданских процедур по защите прав человека на свободное использование и развитие родного языка, культуры, традиций и обычаев, уклада жизни, отправления религиозных обрядов и т. д.

В Новосибирске следует организовать не только мониторинг текущих этносоциальных изменений и качественный анализ, но и долгосрочный, среднесрочный и краткосрочный прогнозы этой ситуации. Самостоятельной проблемой, на наш взгляд, остается изучение влияния этнического фактора на систему муниципального управления.

Весьма интересным также представляется принцип субсидиарности. В нашей интерпретации применительно к муниципальной этнополитике субсидиарность понимается как принцип распределенности полномочий и ответственности (например, на уровне города и его районов, на уровне территориальных органов самоуправления).

В заключение отметим, что анализ реалий этнополитики в Новосибирске позволяет сформулировать вывод о позитивной перспективе межэтнических отношений в городе. Результаты социологических исследований, проведенных среди молодежи и экспертов, свидетельствуют о достаточно положительных ожиданиях в этносоциальной сфере. Вместе с тем нельзя отрицать негативных влияний, связанных с усилением миграционных процессов и ухудшением экономической ситуации в условиях глобального кризиса.

Научный руководитель — доцент Л. В. Савинов

Кира Кирченко

студентка Сибирской академии государственной службы

Новосибирск, Россия

**УПРАВЛЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ
В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
АВТОНОМИЙ)**

Россия на протяжении всей истории была и остается одним из крупнейших в мире полиэтничных государств. На ее территории проживают более 130 этносов (этнических групп), обладающих уникальными особенностями материальной и духовной культуры. В связи с чем проведение взвешенной и адекватной этнонациональной политики, определяемой как деятельность властных и общественных структур, должно быть направлено не только на регулирование процессов в сфере межэтнических отношений с учетом специфических интересов этнических общностей, но и на формирование гражданской нации («надэтническая» интеграция).

Характерными особенностями современной этнополитики являются:

— моральная устарелость основных нормативных правовых актов федерального уровня, регулирующих этнонациональную политику государства (Концепция национальной политики Российской Федерации, федеральный закон «О национально-культурной автономии») и отсутствие закона о государственной этнополитике;

— отсутствие унифицированного понятийного аппарата, единой терминологии; укоренение в массовом сознании терминологии и принципов советской школы этнологии (в западной традиции культурная или социальная антропология) и национальной политики, когда нация понимается как высшая форма развития этноса.

Одним из общественных институтов реальной демократии, реализующим этнокультурные потребности, является национально-культурная автономия (НКА). НКА представляет собой форму объединения граждан, проживающих разрозненно и относящих себя к определенной этнической общности, создаваемую для самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, традиций, обычаев, развития языка, образования и традиционной культуры.

Вместе с тем существует ряд проблем, связанных не только с отсутствием единого подхода к пониманию сущности и содержания НКА, ее субъектности, но и с этнической дифференциацией общества, обособлением этнических групп и возможностью управления в сфере межэтнических отношений.

Рассмотрим эти проблемы подробно.

1. До настоящего момента не определен статус НКА: является ли она культурным субъектом, т. е. занимается исключительно вопросами сохранения и развития этнической самобытности, культуры, языка, традиций, образования, или же субъектом политико-правовой активности, т. е. обладает правом участия в политической жизни. Сейчас активно идут процессы, направленные на изменение статуса данного института, — из культурного субъекта в гражданско-политический. При этом 86,6 % экспертов (представители национальных организаций (НО) и НКА) придерживаются мнения о том, что автономия — это культурный субъект, и только 6,7 % экспертов считают, что НКА в первую очередь является политико-правовым субъектом.

2. Многие этнонациональные организации крайне дистанцированы от этнических общностей, интересы которых они должны представлять. Таким образом, можно говорить, что эти организации, по сути, нелегитимны и в их деятельности этногруппы не заинтересованы. Однако одни эксперты — представители НО и НКА (66,7 %) — считают, что в деятельности НКА заинтересована большая часть соответствующей этнической общности; другие эксперты (6,7 %) указывают на заинтересованность отдельных людей; 13,4 % экспертов признают, что заинтересованность в деятельности НКА крайне низкая. Необходимо отметить, что такая неинституциональная форма организации этнических общностей, как землячество (этнические

сообщества, которые переселились с определенной территории, не имеющей собственную государственно-политическую субъектность), характеризуется большей известностью и поддержкой, нежели иные национальные объединения.

3. Субъектом этнонациональной политики является не сам этнос как таковой, а этноэлита — группа лидеров, выступающая от лица этнической общности, но стремящаяся реализовать в рамках общественной организации собственные интересы: это повышение своего социального статуса и значимости, реализация собственных амбиций, получение дополнительных финансовых средств из разных бюджетов и различного рода преференций (ложные структуры, fake-структуры). Необходимо упомянуть, что не все национальные организации следует относить к ложным, многие из них реально действуют в соответствии с целями их создания.

4. Низкая заинтересованность этнического сообщества, особенно молодого поколения, в развитии своей культуры, изучении языка и традиций, а также в участии в деятельности НКА и организаций. Основной причиной этого является отсутствие практической необходимости, что характерно для крупных урбанизированных центров, таких как Новосибирск. В результате экспертной оценки было выявлено, что 40 % респондентов считают, что в сохранении и развитии национальной культуры, образования, языка, традиций заинтересована большая часть этнической общности; 20,0 % считают, что заинтересованы только отдельные группы людей; 20 % считают, что не заинтересованы только отдельные группы людей; 20 % затруднились ответить. Столько же экспертов указывают на то, что заинтересованность либо крайне низкая, либо вообще отсутствует.

5. Отсутствие желания или низкая активность некоторых руководителей и участников НКА в сотрудничестве с органами власти и государственными учреждениями в решении социально значимых проблем.

Более половины экспертов считают, что характерными особенностями современной этнополитики России являются: ее слабая развитость, несоответствие существующим реалиям или отсутствие как таковой. При этом основная нагрузка по ее совершенствованию ложится на государство в лице органов власти, в последнюю очередь — на общественные организации.

Решение этих проблем представляется возможным при следующих условиях:

— Взаимодействие органов власти и этнонациональных общественных объединений должно основываться на сотрудничестве и социальном партнерстве в вопросах сохранения и развития этнической самобытности, культуры, языка, традиций всех этнических общностей.

— В решении социально значимых вопросов должны участвовать не только отдельные этнолидеры, но и этнические общности как субъекты управления либо непосредственно, либо через легитимных представителей, в том числе НКА.

— Органы государственной власти и местного самоуправления, а также общественные объединения обязаны учитывать права и свободы гражданина независимо от его этнической принадлежности, социального положения и территории проживания; противодействовать этноцентризму, этноэгоизму, а также проявлениям культурного (этнического) национализма, ксенофобии и экстремизма, в том числе посредством распространения объективной информации о жизни, культуре, традициях этнических общностей, проживающих на территории региона.

— Реализация органами власти государственной этнонациональной политики на территории субъекта Федерации должна осуществляться с учетом этнических, конфессиональных и иных особенностей, в интересах всего общества, а не одной этнической общности.

Ориентация на эти принципы позволит привлечь общественность в управление в сфере межэтнических отношений и найти баланс сил между органами власти и этнонациональными объединениями для более эффективной реализации этнонациональной политики.

Научный руководитель — доцент Л. В. Савинов

Максим Тудупов

студент Сибирской академии государственной службы

Новосибирск, Россия

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И СПЕЦИФИКА

В последние годы в России отмечается рост национального самосознания народов, проживающих на ее территории. Не является исключением и Республика Бурятия, в которой достаточно компактно проживают несколько этнических групп.

Несмотря на то что процессы взаимодействия народов в настоящее время значительно изменили свою направленность и внутреннюю логику, они до сих пор занимают важное место в структуре политического пространства, существенно определяя будущее России как полиэтнического, многоконфессионального и мультикультурного государства.

В связи с чем анализ проблемы управления межэтническими процессами необходимо постоянно проводить в национальных республиках, так как она может способствовать потенциальной угрозе возникновения этнических конфликтов и, следовательно, требует грамотного и профессионального подхода к этому управлению.

В ходе рассмотрения проблемы выявлены следующие тенденции, характеризующие современное состояние:

— потребность проведения курса на улучшение социально-экономического положения населения, укрепление духовности и различной степени готовности и участия в них этносов Республики Бурятия, обусловленные их исторической и культурно-хозяйственной спецификой;

— стремление народов Республики Бурятия к ее укреплению и дальнейшему развитию как равноправного субъекта Российской Федерации;

— желание к сохранению и развитию этнокультурной самобытности, культуры, языка бурятского и других народов;

— значительные изменения в национальном самосознании, произошедшее у всех народов Республики, их неподготовленность к кардинальным изменениям создали определенную напряженность в развитии межэтнических процессов и общении представителей различных этнических групп. На межэтнические отношения также оказывают влияние социальная и правовая незащищенность граждан, безработица, низкий уровень жизни большинства населения.

По совершенствованию управления межэтническими отношениями в Республике Бурятия можно предложить практические рекомендации, в которых пути и механизмы по оптимизации разбиты на блоки:

- в сфере законодательного регулирования;
- организационно-управленческой сфере;
- сфере культуры и средств массовой информации;
- сфере образования и науки.

Научный руководитель — доцент Л. В. Савинов

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

**Материалы Второй Международной
научно-практической Интернет-конференции
1 апреля–15 июня 2009 г.**

Редактор В. В. Попова
Корректор Н. А. Переверзева
Компьютерная верстка И. Е. Вельш

Подписано в печать 13.11.09. Бумага офсетная. Печать RISO. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 13,36. Усл. п. л. 17,20. Тираж 100. Заказ №
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, СибАГС